

Александр ДУГИН

ГРЯЗНОЕ

БЕЛЬЕ

КРЕМЛЯ

ПУТИН

ПРОТИВ

ПУТИНА

БЫВШИЙ БУДУЩИЙ ПРЕЗИДЕНТ

Придя к власти, президент Путин совершил подвиги, достойные Геракла, — предотвратил распад России, замирил Кавказ, обезглавил «пятую колонну», «равноудалил» олигархов, прекратил «пресмыкаться перед Западом». Все эти исторические шаги он предпринял в первые два года своего президентства. Но потом его активность пошла на спад, а «путинский прорыв» сменился новым застоём. Очень много сделал для России, Путин ещё больше не сделал.

Почему президент упустил уникальный исторический шанс стать спасителем Отечества и навсегда вписать свое имя в историю? Как из великого государственного деятеля превратился в ординарного чиновника, которых пруд пруди? Что помешало ему отказаться от проклятого ельцинского наследия и разорвать «либеральную» удавку на горле страны? Почему эпоха великих надежд обернулась очередным разочарованием? И есть ли шанс, что, переизбравшись на третий срок, он вернет себя прежнего — того Путина, что выполнит свое историческое предназначение, став собирателем новой Евразийской Империи?»

- [Александр Дугин](#)

- [Путин — открытое неизвестное](#)

- [Глава 1](#)

- [Пьесы патриотов](#)

- [Как Путин пришел к власти: пиар-патриотизм](#)

- [Первый срок: патриотический джаз](#)

- [Вся власть актерам](#)

- [Двенадцать подвигов Путина](#)

-

- [Несвершенные подвиги](#)

- [На волоске от срыва](#)

- [Путин стал идеальным правителем своего периода](#)

-

- [Власть, понятая по-евразийски: предопределение](#)

- [Консервативная революция свершается](#)

- [Идеологическое становление: евразийская перспектива](#)

- [Глава 2](#)

- [Путин должен нам всем](#)

-

- [Либерализм межвыборного цикла](#)

- [«Питерские чекисты» — нереализованный миф](#)

- [Сильные стороны евразийской идеологии](#)

- [Идеологическая экспертиза политической среды](#)

- [Формула Путина: эволюция политического образа](#)

-

- [Национализм плюс либерализм](#)

- [Путин как реализатор либеральных реформ: олигархи — расщепление функций](#)

- [Путин как собиратель России и строитель Евразии](#)
- [Первый сбой: вызов атлантизма — тест на лояльность](#)
- [Идеологические риски Путина](#)
- [Об ответственности Путина перед Христом и смене элит](#)
 -
 - [Империя вместо государства-нации](#)
 - [Функция православия и симфония властей](#)
 - [Глобализация как повод к архаизации](#)
 - [Одинокий Путин: без элит](#)
- [Антиамериканский консенсус](#)
- [Мюнхенская речь Путина — поворотная точка в истории России](#)
 -
 - [От «прохладной войны» к «горячей фазе»](#)
 - [Мюнхенская речь — основы геополитики](#)
- [У Путина мандат на революцию в сознании](#)
- [Глава 3](#)
 - [Заговор против Путина](#)
 - [Путин против «сестер»](#)
 - [Искушение пустотой](#)
 - [Путин и пустота](#)
 -
 - [«Только чайки кричат, одиноко кричат...»\[8\]](#)
 - [Новый год без политиков и «голубых»](#)
 - [Год Сурка](#)
 - [Бойкот и его срыв](#)
 - [Глазьев и пустота?](#)
 - [Банкиры приходят в полночь](#)
 - [«Маленькая страна»](#)
 - [По ту сторону пустоты](#)
 - [Путин и пустота-2: политическое одиночество](#)
 -
 - [Он слегка «подсобрал» Россию](#)
 - [Структура непустоты](#)
 - [Что дальше?](#)
 - [Черви неусыпающие и «новые путинские»](#)
 - [Глаза цвета Невы](#)
 - [«Серая зона» президента Путина](#)
 - [Не ждали](#)
 - [Расслабляться не стоит: новые сетевые вызовы](#)
 - [Объективное и субъективное в курсе Путина](#)
 - [Если завтра весна](#)
 -
 - [Путинская политика: деполитизация](#)
 - [Что будет, если политика вернется?](#)
 - [Медведев vs Путин и их возможные партии](#)

- [Стратегия партии Медведева: сеть](#)
- [Стратегия партии Путина: идеология](#)
- [Но избави нас от политики](#)
- [Глава 4](#)
 - [Смена внешнеполитического курса](#)
 - [Мыслить пространством](#)
 - [Патриотическое прозрение](#)
 - [Атлантистское наследие Горбачева и Ельцина в окружении Путина](#)
 - [Южная Осетия: критическая точка российской геополитики](#)
 - [Геополитический выбор президента Путина](#)
 - [Путин: «отрицаюся сатаны»](#)
 - [Федеральная реформа президента Путина](#)
 - [Геополитический анализ](#)
 - [Евразийский проект — путь великой державы](#)
 - [Стратегия собирания русских земель](#)
 - [Концепция общеевразийской судьбы](#)
 - [Владимир Путин как человек судьбы](#)
 - [Революционный потенциал Владимира Путина](#)
 - [Путин, спецслужбы, армия и НАТО](#)
- [Глава 5](#)
 - [Владимир Путин и консервативная революция](#)
 - [Новый вопрос](#)
 - [Фундаментал консерватизма](#)
 - [Евразийство как фундаментал российского консерватизма](#)
 - [Гандикап либерального консерватизма](#)
 - [Правый консерватизм](#)
 - [Левый консерватизм](#)
 - [Консервативная революция](#)
 - [Путин, консерватизм и силовики](#)
 - [Владимир Путин и Империя](#)
 - [И снова — «Кто вы, мистер Путин?»](#)
 - [Путин — знамя имперостроительства?](#)
 - [«Этого просто не может быть...»](#)
 - [Путина как сущности — не существует](#)
 - [Евразийство как идеология нового президента](#)
 - [Путин и евразийская интеграция](#)
 - [Проект возвращения Путина: только многополярный мир](#)
 - [С опорой на евразийство: зачем Путину еще 12 лет?](#)
 - [Интеграция](#)

- [Три столпа для Путина](#)
- [Евразийство и элиты](#)
- [Евразийский союз и США](#)
- [Русский орден: актуальность новой опричнины](#)
- [Глава 6](#)
 - [Первая путинская восьмилетка: баланс консерватора](#)
 - [Подвиги Геракла](#)
 - [Подвиг, на котором споткнулся Путин](#)
 - [Отсутствие национальной идеологии и внятной стратегии](#)
 - [Воровство как национальная идея и отсутствие экономики](#)
 - [Отсутствие социальной политики и раскол элит](#)
 - [Слабость России в международной политике](#)
 - [Обреченный преемник: обнуление соглашений и новый курс консерваторов](#)
 - [Кризис репрезентации](#)
 - [Нарастающий дефицит](#)
 - [Парадоксы модернизации](#)
 - [Тандем и выборы](#)
 - [Неотложенная демократия](#)
 - [Конец политического цикла. За пределами серого полюса](#)
 - [Заря в сапогах и легитимность Путина](#)
 - [Парадигма Путина и ее фазы](#)
 - [Стагнация и распад](#)
 - [Три России: серое, оранжевое, черное](#)
 - [Время ушло. Усиление флангов и ослабление центра](#)
 - [Конец цикла](#)
 - [«Россия-3»: русское раздвоение](#)
 - [Фантом-Россия](#)
 - [Оранжевая Россия](#)
 - [«Россия-3» как проект](#)
 - [Тактика на сегодня и на завтра](#)
 - [Цепная реакция легитимности власти](#)
 - [Народный фронт без народа](#)
 - [Тупик Путина](#)
 - [Путин: разочарование](#)
 - [Попытка предложить обществу идею российского патриотизма](#)
 - [Ситуацию может исправить только... возвращение Путина](#)
 - [Путин и Сурков: истинный тандем](#)
 - [Эволюция тандема](#)
 - [Несостоявшийся реванш либералов?](#)

- [Потребность в идее](#)

- [Третья сила](#)

- [Путин, которого мы потеряли: критика сверху](#)

- [notes](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

- [12](#)

- [13](#)

- [14](#)

- [15](#)

- [16](#)

- [17](#)

- [18](#)

- [19](#)

- [20](#)

- [21](#)

- [22](#)

- [23](#)

Александр Дугин

Путин против Путина. Бывший будущий президент

Путин идеальный правитель нынешнего периода. Он трагическая фигура. Жуткое окружение, обессиленный народ, море подлых червей, запакостивших все пространства для движения... А он методично и упорно, шаг за шагом чистит все это тяжелое наследие... Он совершает алхимическое деяние по превращению черного в белое. И пусть пока все только посерело, это начальный этап. Так начинается заря, заря в сапогах. Я верю в Путина, целиком и полностью его поддерживаю».

Александр Дугин (Интервью интернет-изданию «Дни. ру», 19 января 2001 г.)

Господин Путин является продуктом царско-советской машины безопасности, традиционалистом, который верит в то, что единственным способом поддержания порядка и защиты государства является авторитаризм. В силу этого его политические, правовые и военные реформы ведут к свертыванию прогресса.

Борис Березовский («Проблема с Путиным», The Financial Times, 28 мая 2002 г.)

Путин — открытое неизвестное

Когда появился Путин, произошло несколько знаковых вещей, которые сразу же сформировали несколько положительных моментов в оценке его личности. Во-первых, резкое неприятие к новому лидеру России тут же выразили крайние либералы, как их тогда определяли — «демшиза», — во главе с приснопамятным Сергеем Адамовичем Ковалевым. Их меседж был таков: «Путин — “гэбэ”, это возврат к прошлому. Он красно-коричневый». Наезд с этой стороны уже говорил о том, что Путин — нащ, патриотический, как минимум — приличный человек.

Крайней «демшизе», с несколько меньшим остервенением, но все же вторила «демшиза» поспокойнее — Гусинский — Явлинский, крайние атлантисты и примкнувшие к ним в какой-то момент Примаков и Лужков. Их дискурс был таков: Путин — националист, державник, ставленник семьи, клана Березовского — Абрамовича — Маммута. Однако было ясно, что обозначение принадлежности к одному из кланов есть следствие конкуренции клана противоположного, и критика с этой стороны также была только в плюс Путину.

Патриоты Проханов — Зюганов крайне осторожно и почти формально заметили, что Путин «ельцинист». Но если бы они сказали, что Путин — герой, никто бы их просто не понял. И здесь я сразу же обратил внимание на совершенную и сознательную неубедительность их критики.

Античеченским обывателям импонировали силовые нотки в Путине. Ничего другого они и не понимали, это *электорат*. Он за Путина в конце концов массово и проголосовал. Олигарх Березовский, отвечавший тогда за технологическое обеспечение передачи власти, сделал Путину патриотический имидж. После чего он невольно стал «евразийским коррупционером» (а не просто коррупционером), так как для него в тот момент закрылись ходы официального вывоза денег в США и натовские страны. «Теперь будет крутить с Азией», — подумалось тогда. На либерал-демократию ему плевать. Понятно, что коррупция плохо, но мгновенное искоренение коррупции несбыточно. Это хороший лозунг, но надо просто всякий раз проследивать, кому он на руку. Искоренение той или иной коррупционной группы в какой-то момент выгодно только ее конкурентам. Простому человеку от этой операции не достанется ни рубля. Не облизывайтесь. Чтобы это искоренить, нужна мировоззренческая революция. Я согласен, что это необходимо, но слова и писк маргиналов к подготовке и реализации этой революции никакого отношения не имеют, как не имели тогда.

Чубайс было попытался перетянуть Путина к либералам, используя его внешний патриотизм для проведения следующей волны либеральных реформ по указу Запада. Это было самым опасным моментом, и такого развития событий исключить тогда было нельзя. Поэтому СПС-Кириенко было на тот момент самым опасным течением. Но противостоять ему лобовым образом в тогдашней политической ситуации было невозможно. О «революционной» сущности КПРФ, я думаю, ни у кого никаких иллюзий не было, а остальные — маргиналы, — оказались еще гаже.

То, что Путин из Питера и работал с Чубайсом и Собчаком, — это с самого начала был явный минус. Но московская власть делает подчас чудеса. То, что он из семьи рабочих, — замечательно. Поговаривали также, что он из старообрядцев. Мне лично, помню, понравился психологический портрет Путина в газете «Завтра» — «молодой волчонок»,

дзюдоист, жестокий и беспощадный к врагам. Способный к дисциплине. Правителем Великой державы на историческом переломе не может быть интеллигентный и справедливый добряк. «Венчаная гроза» должна быть ужас Господень. Трястись должны все.

Всегда есть некоторый круг абсолютно безответственных молодцов, которым все, что связано с *системой*, неприятно, но при этом они готовы жрать из рук Системы, причем ее периферийных секторов, любые подачки. В этом я убедился многократно, наблюдая в том числе, как некоторые номинальные «революционеры» сдавали все и всех ради подвала, прописки, любой мало-мальской рекламы. Про остальную политическую шпану и говорить нечего. Антипутинские позиции того отребья, которое «против всех», в тот момент были вообще не в счет. Да и вообще, помню, мне тогда очень не понравилось легковесное отношение к фигуре Путина. Но уже тогда, сразу после его появления, я полагал, что Путин — это не *данность*, но *задание*, и что общий баланс его аспектов в целом более евразийский, нежели атлантический.

Конечно, очень многое зависело от окружения и борьбы идей вокруг него. Что же касалось идеологического центра Германа Грефа, то уже тогда было понятно, что это временное явление, хотя и несколько затянувшееся. Это — часть ельцинистского наследства, на изживание которого ушло время, но я видел Грефа в ином месте. Греф — это как бы домкрат, прилагаемый к иномарке Чубайса, но самостоятельного значения он не имел. Не будет Чубайса, не будет и всей группы — казалось тогда.

Я охотно допускал, что некоторые наши коллеги не увидят своего места в этой фазе евразийского действия. Какого? Я думаю, это будет ясно из текста данной книги. Я советовал им присмотреться получше. Путин не мог освободиться от объективных закономерностей геополитики. От них не был свободен даже поздний Ельцин, не говоря уже о Примакове эпохи премьерства.

У нас еще рано, в отличие от Запада, строить безнадежную оппозицию — сквоты, фриксы, перверсии, наркотики и прочая грязь. Многие вещи прогнили. Только ткни пальцем.

Нужны революционеры нового типа. Крайне ответственные, эффективные, деловые, исполнительные, способные утвердить свою волю в конкретном социальном пространстве. Как это «способна» была делать оппозиция 90-х, мы видели. Скорбь и жалкое уродство. Того же Лимонова жалко до слез, настолько он нелеп. Мечтавший умереть героем и вовремя, он незаметно превратился в пенсионерку-калеку в каталке.

В итоге обсуждение фигуры Путина, появившегося, казалось бы, из ниоткуда, вызвало серьезные раздоры во всех политических секторах нашего общества. Недаром его называют «большим неизвестным». Это нормально. Из-за этого треснул СПС, об этом велись большие споры среди патриотов. Тема казалась крайне острой. Если корректно сформулировать позиции «за» и «против», факторы и обстоятельства, все это спокойно выливалось в содержательный конструктивный процесс, который, кстати, способен дать в конечном результате ощутимые последствия. Путин — открытое неизвестное. С очень симпатичными чертами. Таким мы его запомнили тогда, в начале 2000-х.

Глава 1

Становление Путина

Пьесы патриотов

Как Путин пришел к власти: пиар-патриотизм

Владимир Путин стал преемником Ельцина согласно следующей политической схеме. Прозападная «демократическая» элита — олигархи, медиакраты, либеральная часть интеллигенции, столичные жители, паразитирующие на компрадорских процентах и т. д., — понимая, что Ельцин править не может, а прямое утверждение либерал-атлантистского курса отринет большинство населения (народ, массы), решила на то, чтобы выдвинуть в качестве преемника «управляемого патриота» с популистскими чертами. Ранее этот же сценарий обдумывался под Лебедя. В силу совокупности факторов выбор пал на Путина. Это концептуально важно: *Путину выдвинули атлантисты, либералы, олигархи-западники*. «Патриотизм» изначально мыслился как «управляемый» и «номинальный», по сути, как «пиар-патриотизм».

Пиар-патриотизм имел следующие модули: сценарий — режиссура — роли. Сценарий был выработан при активном участии Березовского, режиссура отводилась Волошину — Суркову — Павловскому, главные роли достались Путину и его людям. Изначально было понятно, что демонстрация «патриотизма» потребует крупных и ярких действий. Сценаристы предложили принести в жертву Чечню, ранее игравшую важную роль в атлантистском проекте распада России. Эта часть плана полностью сработала: взрывы домов, вторжение в Дагестан, Вторая чеченская кампания, взятие Грозного. Так Путин был легитимизирован. Зажмурившаяся от ужаса компрадорская элита перевела дух. Пиар-патриотизм на первом этапе полностью удался. Оглядываясь назад, понимаешь, за всем чувствуется жесткая хватка лондонского изгнанника, только он способен был играть и рисковать так радикально.

Первый срок: патриотический джаз

Далее, правда, начались сбои. Первый удар пришелся на сценаристов. Наблюдая эффективность пиар-патриотической стратегии США, — участники изначального заговора — молча одобряют, левоверные массы рукоплещут. Однако в один прекрасный день *режиссеры решили ликвидировать сценаристов*, выставив их «врагом номер 2» (первыми были чеченские повстанцы). Во главе ликвидации Гусинского стоял именно Волошин. Далее был выслан Березовский. Это еще укрепило общую систему, сделав режиссеров высшей и последней инстанцией российской политики.

Этот период можно назвать «администрациепрезидентократией». Страной, по сути, управляли Волошин с Сурковым. Именно они определяли баланс между «патриотизмом» и «либерализмом». Этот баланс, постоянно корректируемый, не менялся в одном: *либерализм был целью, патриотизм — средством*. Иными словами, национальные моменты разыгрываемой драмы должны были в своем существовании подчиняться интересам атлантизма (во внешней политике) и либерализма (в экономике). Патриотическая риторика пьесы принималась с одним фундаментальным ограничительным условием — за риторикой и демагогией не должно стоять никаких фундаментальных и необратимых *содержательных* действий. Таким образом, эта формула основывалась на «вербальном патриотизме».

Вместе с тем после удаления «сценаристов» патриотический вербализм, который должен был оставаться бездейственным, стал получать первое смутное автономное наполнение. Этот фактор окрестили «питерскими». Не то чтобы это была сплоченная группа или идеологический модуль, но «слив» сценаристов освобождал определенное незанятое пространство, укрепляя позиции актеров, придавая им больше степеней свободы. Общий ход пьесы «Первый срок» контролировался режиссерами, но исчезновение сценаристов оставляло лакуны в сценарии, которые немедленно заполнялись «импровизаторами». Из классического оркестра со строго расписанными партитурами «питерские» пытались сделать «патриотический джаз». Главный герой на глазах становился кумиром. Советы режиссеров исполнялись, но люди вторых ролей — «смотри, какой ты популярный» — подбивали приму на бунт.

Так рождался *каприз*. Звезда стала корректировать происходящее. Режиссеры схватились за голову. Одним из последних предложений джазменов было зарезать меценатов и антрепренеров. В сущности, это было логично именно потому, что спектакль в целом полностью удался и царил аншлаг. На политическом уровне это означало, что «патриотизм» постепенно сравнился с либерализмом, осознал себя на одном уровне. Актеры заявили, что они «сам себе режиссер». Началась эпоха хоум-мэйд-видео. Под конец заступившийся за антрепренеров и меценатов режиссер поплатился должностью. Отставка Волошина стала концом режиссуры.

Вся власть актерам

Накануне *чего* мы тогда стояли? Отныне в политическую жизнь России ворвались новые факторы. По сути «новый застой» был закончен, и мы имели дело с наложением трех систем: остаточного сценария (влияние изначального плана — здесь «патриотизм» власти имел балаганный характер, недалеко от «жириновщины»); остаточной режиссуры (влияние олигархов, семьи, медиакратии, экспертного сообщества — здесь «патриотизм» реальный, но строго контролируемый); и импровизации (здесь патриотизм впервые имел шанс стать полноценным, как и шанс быть радикально проваленным).

Итак, актеры — не своей пьесы — взяли власть в театре. Что им предстояло? *В этот момент возникла необходимость в новом сценарии и новой режиссуре*. Появилась крайне опасная иллюзия, что если зарезать меценатов, отключить свет в партере и вытолкать пинками режиссера — то это и есть победа и триумф. Для президента, власти и общества. Но за удачей переворота стоят глубинные факторы психологии масс, — он обеспечен историей, геополитикой и коллективным бессознательным. Хорошо, что этот резонанс (задуманный сценаристами, весьма далекими от масс, но именно поэтому их отлично понимающими) сработал, но заслуги актеров в этом немного. Будем трезвыми — если бы «питерские» (как социально-психологический тип) замыслили нечто аналогичное самостоятельно, они оставались бы провинциальными правоохранительными маргиналами и доселе. Их вытолкнули на сцену, наспех приодев и напудрив. Другое дело, что сами сценаристы и режиссеры недооценили аншлаг постановки. Зрители стали крушить ряды с воплем «Бис! Bravo! Мочи! Мочи! В сортире! Всех! Всех!». И актерам понравилось. Мочить — это здорово, но недостаточно. Работа по старому «березовскому» сценарию противоречива, хотя именно этот сценарий сделал данную ситуацию возможной.

Итак, нужен был новый сценарий, иначе расплата неминуема. Это не такая очевидная

вещь, как может показаться. Патриотическая оппозиция за годы маргинализации и прессинга со стороны власти выдохлась, одурела или продалась, так что оттуда ждать было нечего. Сами же «питерские», к счастью, реалистично оценивали содержание своих чердаков. Но ладно бы это. Лозунг — «Взашей режиссера» — тоже оставляет лакуну. И какую! Тем более, теперь непонятно, что именно режиссировать. Первое, что придет в голову, — тянуть к себе помрежа и рабочих сцены — типа суфлеров, наивно полагая, что это они придумывают в своей будке слова. Здравая мысль, но нетрудно догадаться, кто будет им заказывать музыку на самом деле. Ведь все уволенные никуда не исчезли. Не будем забывать: театр давно уже принадлежит им. У восставших актеров есть только *экстатическая толпа*. Но ключи от буфета, гардероба и даже гримерки утащены.

Программка представления претерпела срочные экстренные изменения. Предстоящие годы ставили множество вопросов, был важен учет объективных факторов, ресурсы, возможности. Но *воля и ум — гораздо важнее*. К великому сожалению, это самый дефицитный ресурс. Так что дефолт патриотизма был весьма возможен. И на этот раз поражение могло стать фатальным. В суматохе могли повыдергивать кого попало — «ты теперь сценарист», а «ты будешь режиссером». Но, как часто случается, эти функции сунули самим актерам, и паче того — осветителям, рабочим рампы, а кое-что и билетерам. Возращивание элиты, причем с новой идеологией, дело непростое, небыстрое и трудоемкое. Первые восемь лет занимались чем угодно, только не этим. Сегодня события ставят вопрос о «сером патриотическом веществе» ребром. Но на сусеках слизь и мох... Сложно и интересно будет жить в России в ближайшие годы... Похоже, история у нас снова открыта. Снова надо будет прыгать через бездну.

Двенадцать подвигов Путина

Еще в самом начале своего первого срока Путин совершил подвиги, достойные Геракла. Очень конкретные подвиги.

Первый — *предотвратил развал России на Кавказе*, встал стеной на пути ваххабитского вторжения в Дагестан, вернул две трети Чечни, при этом треть на тот момент продолжала оставаться под контролем боевиков.

Второй — *нанес удар по местничеству*, порожденному прежним режимом. Одним жестом поставил на место Совет Федерации, который из фрондирующего органа превратился в послушную тихую организацию, «заушил» губернаторов, пугнул зарвавшихся национал-сепаратистов в Республиках.

Третий — *ввел стратегические федеральные округа*, привязав административно-пространственную структуру РФ к военной системе, передав огромные, пусть и номинальные, полномочия *назначаемым* из Центра, а не избранным людям, ответственным за национальную безопасность в первую очередь и напрямую завязанным на Федеральный центр. Это скрепы России.

Четвертый — *«равноудалил» из страны двух самых одиозных олигархов*, которые еще вчера безнаказанно вытворяли со страной, общественным мнением, правительством и президентом все, что хотели. Умерил пыл оставшихся.

Пятый — *дал «зеленый свет» интеграционным процессам в СНГ*. Провозгласил создание «Евро-Азиатского экономического содружества» (ЕврАзЭС). Поддержал в своем выступлении в Астане (университет им. Л. Гумилева) евразийскую идею. Провозгласил создание «Единого экономического пространства» (ЕЭП), включающего РФ, Беларусь, Украину, Казахстан.

Шестой — записал в концепцию Национальной безопасности РФ *тезис о «многополярном мире»*, что означает на практике юридическое признание евразийства как основной международной стратегии России.

Ничего подобного не сделал Борис Ельцин, который, напротив, по всем шести пунктам выступал прямо противоположным образом: *именно Ельцин породил те явления, ликвидацией которых занялся Путин*.

Очевидно, что Путин сделал целый ряд очень серьезных вещей. Эта конкретика его деяний привела «Евразийское движение», которое я возглавляю, и меня лично к поддержке президента Путина, к позиции Радикального центра.

Несвершенные подвиги

Можно перечислить также и то, чего еще не сделал Путин. Подвиги, которых он еще не совершил.

Первый — *он не довел первые шесть пунктов до конца*.

Второй — *не определился в отношениях с США окончательно*.

Третий — *не осознал тупиковость радикал-либеральной парадигмы в экономике*.

Четвертый — *не произвел ротацию элит*. Старый аппарат работает по модели предыдущего периода, и его относительная технологическая эффективность скрывает под собой фундаментальную неадекватность.

Пятый — *не сформировал собственной эффективной команды*, на которую он мог бы опереться при дальнейшем проведении реформ.

Шестой — *не приступил всерьез к закреплению евразийской идеологии* как мировоззренческой основы будущей России.

Совершение первых шести подвигов и несовершенство вторых 6 подвигов характеризуют *нынешнее* положение Путина. Это статус-кво. *Путин — как канатоходец на полпути над пропастью*. Сейчас он отчаянно решает, *в какую сторону ближе — к началу или к концу?* Каким бы ни было его решение — риск огромен. *Если продолжать следовать логике шести уже совершенных «подвигов», то надо делать остальные шесть*. Это, безусловно, означает риск, так как противодействие со всех сторон, и в первую очередь — со стороны атлантизма будет только нарастать, а канат тонок, качается и внизу бездна. Если повернуть назад, риск неменьший. Тогда против него обратится вся мощь того, что он уже сделал. То есть в этом случае он пойдет против значительно окрепшего евразийства, которое — не догматически, но психологически и эмоционально — сегодня равно такому понятию, как «популизм» или «консенсус». В принципе, «путинское большинство», о котором не раз говорил Глеб Павловский, это и есть «евразийское большинство».

Мы аплодируем первым шести подвигам, сопереживаем сложнейшей исторической и политической ситуации, в которой находится Путин, полностью солидаризуемся с логикой сделанного, и искренне желаем, чтобы было осуществлено все остальное. Причем в этом осуществлении готовы участвовать на любой основе и в любом качестве. Мы хотим только одного, чтобы Путин довершил начатое, продолжил серию геркулесовых работ. Естественно, если Путин решит повернуть назад и отменит или сведет на «нет» шесть своих подвигов — отдаст Чечню ваххабитам, снова предложит взять суверенитет тем, кому его недостаточно, вернет в Россию и попросит прощения у олигархов, отпустит Ходорковского, отменит федеральные округа, покается перед НТВ, поправит концепцию Национальной безопасности в духе признания однополярного глобализма и приоритетов интересов США над национальными интересами России, распустит СНГ и ЕврАзЭС — тогда поддерживать его будет действительно *непросто*. Но это будет уже не Путин, не «человек над бездной», но некий его *черный двойник*. В истории бывало и такое: правителей похищали, душили, подменяли, превращали в зомби, убивали и воскрешали. Заведомо этого исключать нельзя, однако, оценивая пройденный этап, ясно осознаешь, что сегодня такой сценарий уже невероятен.

На волоске от срыва

Стоит признать, что, несмотря на огромные патриотические завоевания, либеральная политика Путина в экономике действительно не слишком соответствует евразийской ортодоксии, которая, напротив, тяготеет к развитию социального сектора, к элементам планирования в стратегических областях и к постановке национальных интересов над чисто рыночной логикой. После 11 сентября 2001-го двусмысленным (если не сказать противоречивым) стал и вопрос российско-американских отношений — до такой степени, что невыдержанные, склонные к панике патриоты заговорили о том, что «Путин предал интересы Евразии». Я не спешил с окончательным диагнозом, но колебания канатоходца на полпути от двух краев бездны были налицо.

Кстати, «путинское большинство» после 11 сентября было объявлено политологом

Глебом Павловским *распущенным*. Опору предлагалось делать на эфемерное «гражданское общество» — концепт, созданный противоречивой группой либерал-атлантистов, подкрашенных смутной и бледной квазипатриотической риторикой, представляющий чуждое для России явление, о реальной опасности которого речь пойдет чуть дальше. Это «гражданское общество» мало обнадеживает как в моральном, так и в электоральном смысле. Вместо народного Президента кое-какие силы пытались сделать из Путина искусственного и неорганичного «эрзац-президента».

Я же всегда предполагал, что баланс Путина будет находиться в рамках безусловного евразийства между двумя полюсами — евразийством левым (социалистическим) и евразийством правым (либеральным). Позже оказалось, увы, что атлантистские тенденции в руководстве страны все же изжиты не до конца... Однако нельзя сказать определенно и о том, что Путин решительно положил вернуться к ельцинизму — к тому, от чего начал свой сложный и опасный путь. Седьмой подвиг Геракла, состоящий в доведении до ума шести предыдущих, пока не осуществлен, это приходится признать. Из-за этого вся ситуация так и оставалась совершенно неустойчивой — шаги в сторону США были зыбки по той причине, что США, по определению, не имеют *позитивного геополитического сценария для России*. Хорошая Россия для США — это ослабленная, съезжившаяся, чахлая, расчлененная Россия, фактически мертвая, по выражению Збигнева Бжезинского — «черная дыра». Поэтому атлантистский курс обязательно привел бы в тупик, а его губительность и непопулярность проступают и осознаются Путиным все отчетливее. А значит, неизбежным стало и обращение к евразийству. Я полагал, что это должно было бы произойти гораздо раньше — органично и последовательно, но история не знает сослагательного наклонения. Мы имеем то, что имеем. Реальность подправила наши прогнозы относительно подвигов. Уже сейчас ясно, что Путин не использовал отпущенное первым президентским циклом время для последовательного и однонаправленного проведения евразийских реформ — осуществления всех двенадцати подвигов. Подводя общий баланс деятельности Путина в этот период с евразийских позиций, приходится констатировать следующее: оперативно осуществив ряд решительных евразийских шагов, Путин столкнулся с отсутствием у евразийства достаточной консистенции — как в кадровом, так и в идейном, как в организационном, так и в презентационном смыслах, и под возросшим давлением атлантизма последовательно провести евразийскую линию не смог. Понятно, что, ясно осознавая вызов евразийства своей планетарной доминации, США не сидели сложа руки. Но Москва обязана была к этому подготовиться.

Констатируя все это, хочу заметить: евразийцы отнюдь не отказались от своих надежд на Владимира Путина, не оставили своей борьбы за него. Вместе с тем открылись новые горизонты для тяжелой и сложной работы. Канатоходческий этап оказался тупиковым. При отсутствии прочного и надежного фундамента — теоретического, политического, организационного, административного, экономического — евразийские реформы Путина не имеют шансов осуществиться. Значит, нам предстоит работать все это время, засучив рукава — работать на Путина, во имя Путина, чтобы он оставался подлинно народным и опирающимся на «евразийское большинство».

Путин стал идеальным правителем своего периода

В год 1999-й через семь месяцев с небес снизойдет великий Король Ужаса: чтобы воскресить великого Короля Ангулемского, после того, как Марс изрядно повластвует.

(Мишель Нострадамус)

Вместо «великого царя ужаса» 11 августа 1999 пришел Путин.

(Александр Дугин, «Новогоднее обращение Арктогеи», 31 декабря 1999 г.)

Основная направленность моей деятельности состоит в эксплорации онтологии — меня интересует область смыслов, узлов бытия, парадигм, которые проявляются повсюду и во всем. Можно сказать, что я философ-онтолог. Все остальное — социология, история религий, геополитика, политология, культурология, литературоведение и т. д. проистекает из онтологии.

Долгие годы усилий мои выстраданные, кровью давшиеся, отвоеванные огромной ценой идеи на каждом шагу разворовывались шайками интеллектуальных шакалов и мэйнстимных плагиаторов. Эти годы не принесли мне ничего, кроме потоков критики, замалчиваний, оскорблений и грязи. Я не добился ничего из того, чего добиваются обычно ценой несопоставимо меньших усилий вполне посредственные социальные середнячки.

Власть, понятая по-евразийски: предопределение

В этом контексте власть я также понимаю по-византийски, как своего рода имманентный абсолют. Любая власть от Бога. Но не всегда это добрая весть от Бога. Иногда злая власть дается людям как проверка на истинную богобоязнь, как искушение. И тогда, следуя за святым Иосифом Волоцким и протопопом Аввакумом, надо сказать злой власти — «нет», — вплоть до царубийства, если царь отрекается от Веры, от священного наследия «преподобных и богоносных отец наших». Но, будучи и злой, сатанинской, власть остается все равно священной, сакральной, только сакральной негативно. Именно исходя из этого я изначально оценивал появление Владимира Владимировича Путина. Все, что он говорил и делал, идеально соответствовало реалиям современной России, все представляло собой правильный курс для нашего спасения, для спасения Родины. Путин — идеальный правитель своего периода. Но он и трагическая фигура. Жуткое окружение, обессиленный народ, море подлых червей, запакостивших все пространства для движения... А он методично и упорно, шаг за шагом чистит все это тяжелое наследие. Он совершает алхимическое деяние по превращению черного в белое. И пусть пока все только посерело, это начальный этап. Так начинается заря. «Заря в сапогах»^[1]. Я верю в Путина, целиком и полностью его поддерживаю. То, что Ельцина сменил именно он, это промысел. Лучшего нельзя было предположить. Хотя порой кажется, что та евразийская позиция, о которой мы говорим применительно к Путину, была бы воспринята любым или практически любым преемником Ельцина. И даже поздний Ельцин мало-помалу, загогулинами, зигзагами, эволюционировал

в этом направлении.

Евразийство неизбежно. Рано или поздно это признают все. Но Путин говорит этой главной тенденции сердечное «да», не пытаясь вилять и приспособливаться. С открытыми глазами, не мигая, прислушивается он к зову нашей истории, старательно силится уловить его. Даже если где-то его занесет не туда, это можно и нужно простить. Путин ищет путь из бездны, *de profundis clamavit*, «из глубины воззва»... У него грустные глаза, как говорит Мамлеев^[2]. Значит, он не потерял нить бытия, значит, он немножко онтолог... Любой бы был немного «путинным» на месте Путина. Но я рад, что Путин, наш Путин — настоящий. Похоже, он из потомственных старообрядцев. Известен мистический дневник староверки Анны Путиной, знаменитые древнерусские иероглифы, прикровенно повествующие о грядущей тайной судьбе России и о конце времен. Все сходится...

Специфика правления Путина в том, что мы преодолеваем великий поток — от ничто к бытию, от мрака и смерти к свету. Олигархи — это могильные демоны, пожирающие остывающий труп Империи. Они не причина, но эпифеномен смерти. Это просто гады *магического ближнего зарубежья* — хлюпающие, висячие, с поросычьими кахоподобными рылами. Они не зло, они пропадут, когда запоют первые петухи. Бороться с ними бессмысленно — в руке остается кусок влажной марли. Их средства трансляции — лишь огни святого Эльма, болотные миражи. Если правильно плюнуть через левое плечо, кося зрачком на Луну, их не станет. Исчезнет эта сволочь одна за другой — так гаснут ночами окна в доме напротив. Вот погас Владимир Александрович... В окне Бориса Абрамовича кто-то — видно, играя, видно, шаловливые дети — то включит, то выключит свет, цепляясь за лампочку, пока наконец не воцарится тихая черноквадратная тьма. Эти легли спать первыми.

Не стоит спешить, в квартирах Абрамовича или Чубайса просто засиделся студент... Но к трем и он рухнет, глаза за конспектом слипаются... А если банк Авена будет сверкать всю ночь, то к утру хлопушки выстрелов и рев пьяного милиционера разгонит наконец подзагулявшую братву, и одинокий кассир будет при полупотушенной лампе тихо считать прибыль, а потом и он поедет спать на голубом «Шевроле». И как в последнем кадре фильма «Казино» в зеркалах отразятся только люди в неброской защитной униформе. И придет их заря — та, что в сапогах....

Евразийские тенденции при Путине будут лишь крепнуть. Активно будут развиваться отношения с азиатскими странами, Россия начнет осторожно двигаться и в европейскую политику. Интеграционные импульсы в СНГ станут ощутимыми — особенно экономические. Путин создаст самые благоприятные условия для возвращения России на мировую арену как активного игрока. Он не сразу, *trois pas en avant, deux en arriere, tel va le maitre aux pieds fondus*^[3] (так, кажется, у Жана Ришпена), но начнет восстанавливать достойное могущество и величие России.

Ситуация будет складываться благоприятно для нас. США провозгласят, что, мол, *America first*, из-за чего отношения наши будут охлаждены. При этом антиамериканские тенденции во всем мире будут набирать силу. Не за горами неминуемый крах доллара. Россия должна встать в авангарде антиамериканизма и повести за собой всех остальных. Когда США — настоящая империя зла — рухнет, мы поможем пострадавшим, примем беженцев. Рано или поздно, но Карфаген будет разрушен. И Путиним на пути к этой мечте будет сделан очередной шаг.

Я много лет активно участвую в российской политике. Я один из старейших российских

политиков. Мои взгляды несколько меняются, но не так, как у всех остальных. У всех остальных они меняются так стремительно и непредсказуемо, что сдается, будто их, простите за выражение, и вовсе нет... Либо вообще не меняются, несмотря ни на что, а это то же самое. Я самый последовательный российский политик — начинал с традиционализма, консервативной революции, третьего пути, евразийства — на тех же позициях и стою все это время. Несколько полевел на рубеже 90-х, признав традиционалистский архаический аспект в социализме и коммунизме, которого не видел, пока социализм не рухнул. После гибели Советского строя я превратился из антисоветски настроенного патриота в просоветского. Вот и все.

Для реализации моих мировоззренческих позиций я искал разные политические среды, и везде, где я проходил, я оставлял серьезный след. Начиная с национал-патриотического движения середины 80-х, с газеты «День», право-левой оппозиции, «Фронта национального спасения» и вплоть до участия в разработке идеологии КПРФ (почитайте книги и статьи Геннадия Зюганова — многие пассажи один в один); от попутного идеологического проекта национал-большевизма в лице лимоновцев (эту, национал-большевистскую идеологию я возродил, модернизировал и чинно вручил хамоватым пострелам во главе с парижским дедушкой, доведшим ее до примитива и идиотизма) до создания первой версии идеологии движения «Россия». Попутно мои идеи в значительной степени перенимались и ЛДПР, и НДР (в причесанной форме), ОВР (я напечатал две программные концептуальные статьи в лужковском журнале «Моя Москва», тезисы которых одно время Лужков, слегка перевирая, повторял).

Сегодня моим языком говорит путинский истеблишмент минус остаточные — ненадолго — либералы. Да, меня мало знают, но только потому, что воры никогда не указывают на источники своего состояния. По-моему, это очевидно. Евразийское движение, которое я возглавляю, это своего рода мировоззренческий орден, научная среда... Последнее время к нам все чаще примыкают состоятельные люди, всерьез озабоченные тем, что станет с Отечеством, заинтересованные моделями развития страны и народа, озабоченные Национальной Идеей, на практике столкнувшиеся с пользой и важностью евразийства.

Медленно, постепенно, но неуклонно мы идем к своей цели. Ранее евразийское течение в современной России было представлено только юными интеллектуалами-нонконформистами. Сегодня весомый пласт ее — академические ученые, бизнесмены и промышленники, представители силовых министерств и ведомств, религиозные люди (староверы, мусульмане, мистики и др.), люди административной стати, журналисты и нефтеторговцы, и как всегда — широкий пласт контркультуры — это как раз традиционно.

Консервативная революция свершается

Я всегда стоял на одних и тех же позициях — что Россия должна быть сильным государством, процветающим, могучим, независимым. У нас очень много врагов в мире, и самый главный враг — это Соединенные Штаты Америки, которые особо и не скрывают враждебности к русской цивилизации. Они являются наследниками англосаксонской империи, в геополитическом противостоянии с которой проходили для нас целые века. В свое время, когда власть сделала проамериканский, прозападный уклон, я был в патриотической оппозиции. Но когда власть стала меняться и приходиться к норме, а это началось незадолго до прихода Путина, когда премьером назначили Евгения Примакова, я

стал лояльней относиться к нашим правителям. Назначение Примакова обнадеживало.

Когда пришел Путин — это был праздник для меня как для патриота. Я возлагал на него много надежд, полагая, что это такая фигура, которая исторически предопределена. Те процессы, которые раньше никак не могли выйти на должный уровень, при Путине нормализовались. Это и упорная, жесткая позиция Москвы в Чечне, и подписание документа о создании Евро-Азиатского экономического сообщества — то, о чем я говорил в течение долгих лет. Переломным моментом стало утверждение Путина о том, что «Россия всегда ощущала себя евроазиатской страной»^[4], — все это полностью совпадает с моей линией.

С появлением Путина я оформил свою мировоззренческую и идеологическую позицию в терминологии «радикальный центр». Это фактически центризм, но центризм евразийский. Не просто конформизм с властью, но конструктивное и активное сотрудничество с евразийской властью — такой властью, которая охотно и осознанно идет в том направлении, куда я призывал идти все эти долгие годы напряженной и драматической борьбы. От предшествующей моей фазы остается только радикальность. Она состоит в том, чтобы утверждать евразийские тенденции, идеи и проекты со всей возможной пассионарностью, серьезностью, напряженностью. Еще мой центристский радикализм заключается в том, что я в отличие от сегодняшних конформистов считаю, что Путин хорош без всяких оговорок. И если есть негативные стороны в его правлении, то я считаю, что они настолько второстепенны по сравнению с плюсами, что на них даже внимания обращать не надо. Все пометки исчезают сами по себе. Мы видим, что постепенно происходит с олигархами, которые были просто бельмом на глазу. Не так они, оказывается, все страшны. А что стало с местничеством и сепаратизмом губернаторов? Рассеялись, как дым.

С появлением Путина власть наконец прислушалась к евразийской теории и идее *третьего пути*. Посмотрите вокруг. Посмотрите на язык, на котором говорит власть, посмотрите на темы, которые обсуждаются сейчас в широкой прессе. Они не могли бы обсуждаться, если бы не было концептуального пласта третьего пути — социального, геополитического, наконец, экономического. Открыл и начал его внедрять ваш покорный слуга. Глупо приводить доказательства. Просто сравните ситуацию с той, что была 20 лет назад, когда эти разработки начинались. Концепции третьего пути укрепляются. Другое дело, что это произошло не через одну конкретную партию, а по линии делегирования определенных идей разным политическим силам. То есть *консервативная революция*^[5], о которой так много писали исследователи-традиционалисты, свершается на наших глазах. Но она оказалась революцией не снизу, а сверху, при отсутствии четко выделенного социального субъекта. Идеи постепенно вошли в сознание.

Посмотрите, о чем сейчас говорят КПРФ и «Единая Россия», о чем пишут политологи. А затем посмотрите внимательно альманах «Элементы», учебники «Основы геополитики» и «Основы евразийства» и догадаетесь, откуда эта символика, эти темы и термины. Например, слова «мондиализм» (стремление объединить все страны под единым мировым правительством), «конспирология» (наука о заговорах), которые я впервые ввел в русский язык. Это были просто кальки, но сегодня они наполнены содержанием и уже есть в словарях. Как сказал замечательный французский поэт Стефан Малларме, «il faut changer la langue» («следует изменить язык»), и вы измените мир. Если мы внедрим свои лингвистические правила, это и будет изменение реальности. Ведь человек — это лингвистическое существо, вне языка он немислим.

Практически все реальные и действенные шаги Путин предпринял в самом начале своего президентского срока. Стремительно, неожиданно, действуя довольно резко. И именно это стало его политическим фундаментом. Напомню, что мы тогда имели: либерально-западническую элиту, ненавидящую лютой ненавистью Россию и народ, который они называли «эта страна»; СМИ, поделенные между интриганами-олигархами, которые вели между собой войну поверх голов власти и народа; очаг активного сепаратизма в Чечне; расцвет тоталитарных исламских сект — ваххабизма; всевластие региональных баронов; глубокий раскол в обществе. Страна была на грани катастрофы, распада, террора, гражданской войны и хаоса, а в обществе доминировала апатия и глухая злоба. Надо всем висел больной одиозный злобещий тиран.

Путин, придя к власти, фактически дал резкий и эффективный ответ на все эти вызовы. Он остановил экспансию чеченских сепаратистов-ваххабитов, русские вошли в Грозный. Он отобрал у наиболее одиозных олигархов основные СМИ и вернул их в рамки минимальной лояльности государству и народу. Он предотвратил распад России на удельные княжества, к чему фактически вели лидеры «Отечества — Всей России». Путин реформировал в сторону резкого ослабления Совет Федерации и скрепил земли жесткой структурой федеральных округов. Он создал в обществе более нормальную атмосферу, примирил самые острые противоречия, ввел своего рода «моду на патриотизм». Он придавил тоталитарные религиозные секты. Он приостановил, казалось бы, неминуемый распад, дал народу перевести дыхание. Именно на этом основывается его рейтинг, народ принимает и поддерживает только такого Путина.

Отдельная тема — внешняя политика. Здесь Путин следовал одновременно трем стратегиям: патриотическая риторика, и реальное колебание между ориентацией на Европу и США. Так как потенциала для полноценной стратегической автаркии у России нет, то серьезным значением обладает только выбор между США и Европой. Путин в этом вопросе колебался. Так как стратегические интересы России, с геополитической точки зрения, лежат в сфере российско-европейского стратегического партнерства, причем вопреки геополитическим интересам США, то ситуация у Президента была не из легких. Могучие США — кнутом, и пряником — давили на Россию, а нерешительная Европа то протягивала руку дружбы, то тут же отдергивала. Теоретически Путину следовало бы взять курс на последовательное евразийство и не сходить с него ни при каких обстоятельствах — ни после 11 сентября 2001 года, ни во время американской агрессии против Ирака, ни до этих событий. Все шаги в евразийском направлении — активизация отношений со странами Азии, интеграционные процессы в рамках ЕврАзЭС, партнерство с Европой и т. д. — следует признать успехами. Уступки в пользу США — провалами.

При этом надо сказать следующее: Путину все это время удивительно везло. Это очень интересное качество — везение. Закономерен вопрос — так что мешает президенту развернуться в полную силу? У меня сложилось впечатление, что Путин отбивал контратаки, которые последовали со стороны потерпевших в результате его реформ, ведя на внутривнутриполитическом фронте арьергардные бои. Эти контратаки были очень серьезные, и в значительной мере по ряду параметров Путину пришлось либо остаться на месте, либо даже несколько отступить.

После быстрой победы над чеченскими сепаратистами операция вошла в затяжную фазу — ни войны, ни победы. Осаженные поначалу фронтеры-губернаторы через три года как ни в чем не бывало всплыли в рядах «Единой России», которая была призвана их упорядочить, и пытаются снова заказывать там музыку; они перехватили политическое орудие в виде этой малоудачной партии, и, шантажируя Президента выборными проблемами, снова начали тащить одеяло на себя. Федеральные округа оказались в значительной степени недейственными, лишь умножили ряды бессодержательных бюрократов. Радикальные исламские секты опять всюду разгулялись уже по всему Северному Кавказу. «Патриотизм» и консерватизм содержательного наполнения так и не получили, все остановилось на уровне лозунгов и трескучих фраз. Настоящего политического примирения не произошло, кремлевская администрация по-прежнему «гонит коммунистов» и занимается пиаром в стиле позорных «Идущих вместе». Иными словами, Путин не только не развил, не завершил свои начинания, но и в определенных вопросах был оттеснен с тех позиций, с которых начал.

Почему это произошло? Я думаю, в силу того, что Путин стал Президентом слишком стремительно. Возможно, на это и рассчитывали определенные силы. Он просто не успел вооружиться ни идеологически, ни концептуально, ни командно, ни политически для столь высокой должности. Огромную роль сыграл жуткий кадровый дефицит, полное отсутствие каких-то новых и свежих персонажей в элите. Путинские назначенцы в большинстве случаев оказались неспособными справиться с поставленными задачами, поэтому процесс ротации элит застыл, заморозился: допутинские кадры были эффективнее и опытнее, но принадлежали иной политической парадигме; путинские люди — разрозненны и случайны, а личной преданности было бы достаточно только в том случае, если бы у Президента была четко оформленная идеологическая база или диктаторские наклонности. Были и внешние причины: давление со стороны Запада оказывалось беспрецедентным. Любое действие, направленное на усиление позиции России, не могло радовать США, и это, естественно, приводило в действие всю внутреннюю агентуру влияния, включало и внешние рычаги — экономические и политические.

Путину предстоит создать новую политическую систему, осуществить фундаментальные реформы, которые он обозначил в самом начале, запустить колесо ротации элит, действуя при этом в предельно активном режиме. Мы видим, что в вопросе элит сложилась тупиковая ситуация: наиболее эффективны олигархические кланы и их менеджмент, но их интересы в частной сфере, а не в государственной. В государственном, напротив, преобладает все та же беспросветная чиновничья коррупция. Народ же довольно пассивен и к самоорганизации слабо приспособлен. Поэтому Путину надо сделать усилие, чтобы отыскать в нашем сегодняшнем обществе пласт реальной контрэлиты. Либо надо искусственно взрастить ее, либо перевербовать часть эффективного менеджмента в политико-государственный сектор. Без нового витка ротации элит стране грозит коллапс. Сейчас для Путина переломное время. Надо ответить всерьез на многие вопросы: что такое Россия в сегодняшнем мире? Куда ей идти? Сейчас все это неопределенно...

Пока Путин символизирует передышку, его место в истории неопределенно. Его позитивное восприятие довольно долго подогревалось памятью о чудовищном предшественнике. Если отвлечься от этого, Путин совершил вещи, которые в исторической перспективе недостаточны. Если все останется, как сейчас, так называемый «инерциальный сценарий» и ничего экстраординарного не произойдет, о нем напишут — «он был явно

лучше своего предшественника». Но я думаю, что Путину этого будет мало. Я убежден, что у России есть только одно будущее — евразийское, и полагаю, что Путин может состояться только как евразийский президент. Тогда все будет более или менее ясно и со страной, и с народом, и с государством, и с ним самим. Это еще не значит, что будет легко. Будет трудно, невероятно трудно, но путь будет правильным.

Глава 2

Идеология Путина

Путин должен нам всем

Одни политологи называют Владимира Путина патриотом, другие — либералом. И до сих пор многие задаются вопросом «Who's Mr Putin?» — Кто же Путин на самом деле? Что или кто формирует его взгляды? Есть два фактора, с которыми Путину приходится сопоставлять любое свое решение. С одной стороны — это необходимость поддержки высокого уровня доверия внутри страны, выражаемого в высоком рейтинге, позитивных оценках общественного мнения, поддержке избирателей и т. д. С другой стороны — это внешние ориентиры — поддержка Запада, сближение с Европой и НАТО, адекватная деятельность на внешнеполитическом фланге. Между этими двумя факторами существует очень сложная взаимосвязь и почти обратная симметрия.

Народ России традиционно, в своем большинстве, ожидает от Путина проявления «сильной руки», построения крепкого государства, патриотической ориентации, утверждения национальной самобытности, как об этом свидетельствуют многочисленные социологические опросы. В то же самое время внешний мир, особенно Запад, хочет от него совершенно противоположного — проведения активных либеральных реформ, утверждения западных ценностей, соблюдения норм европейского сообщества. По данным опроса ВЦИОМ, 71 % россиян считают, что Россия принадлежит к особой — «евроазиатской», или православной цивилизации, поэтому ей не подходит западный путь развития. Только 13 % называют Россию частью западной цивилизации. По мере того как продвигаются либеральные реформы, происходит нарастание негативной реакции патриотического электората (так называемого «путинского большинства») на самого Путина и на его действия. Даже западная пресса отмечает этот факт: «Что заставляет Путина проводить откровенно прозападную политику, в то время как его народ этого совсем не хочет?» — задается вопросом американский «Los Angeles Times».

Либерализм межвыборного цикла

Избравшись на патриотической волне, Владимир Путин, пользуясь так называемым «межвыборным» периодом, действовал в либеральном ключе, выигрывая очки на Западе. Существует взаимосвязь между предвыборными временными зонами, которым соответствует патриотический, государственнический курс в политике, проводимой Путиным, а также наоборот, точками удаления от них, когда возможна максимальная реализация всех непопулистских мер и сближение с Западом. Путин, по всей видимости, исходит из этого прагматического баланса, а не из догматического «патриотизма» или столь же догматического «западничества». При этом, на мой взгляд, позиции, условно говоря, «православных чекистов», хотя мне и не нравится это понятие, так же возрастают по мере приближения очередного президентства Владимира Владимировича Путина. Середина его срока — это своего рода пик либерализма, после чего по мере приближения к выборной ситуации либерально-западнический крен исправился в патриотическую сторону. Соответственно, меняется баланс сил в Кремле, а точнее, державостроительные, государственнические инициативы получают новый импульс, что отражается и в усилении одних группировок в ущерб другим. Однако в итоге все поворачивается назад, и в итоге в качестве мотора патриотизма «питерские» так и не выступили, хотя от них этого ожидало

большинство наблюдателей.

Для того чтобы сохранить прочные позиции во главе государства, Путину будет необходимо соблюсти к выборам такой баланс в политической практике: 71 % патриотизма — 13 % либерализма (строго по опросу ВЦИОМ). Это дает беспроблемные перевыборы. Все четыре года путинского премьерства мы наблюдали почти что обратный расклад — когда 71 % политики было ориентировано на Запад, а 13 % — в сторону патриотизма. Но незадолго до выборов это процентное соотношение начало достаточно динамично меняться в иную сторону, а «путинское большинство» стало реанимироваться, поэтому из усиления прозападных шагов не стоит делать слишком далеко идущих выводов. Также никогда не стоит переоценивать значение личных дружественных связей президентов России и США. В конце концов, у президентов двух могучих держав всегда есть вопросы для личного обсуждения. Но не каждая встреча свидетельствует о сближении.

«Питерские чекисты» — нереализованный миф

Вместе с тем патриотическая государственническая идеология, о которой также много говорят в последние годы, — это очень расплывчатая категория. Как таковой «питерской команды», то есть четкой группы носителей данной идеологии, не существует. Есть разные люди из Санкт-Петербурга, близкие Путину, но объединения по какому-то определенному мировоззренческому признаку не наблюдается. Мне кажется, что миф о «православных чекистах» был газетной уткой. Спецслужбистское прошлое — это еще далеко не идеология. Это скорее стиль, тип, который в определенных ситуациях может ужиться с разными мировоззренческими представлениями — как патриотическими, так и либерально-западническими. Следует отметить, что вокруг кандидатов в разработчики «патриотической доктрины» из ближайшего окружения Путина, причисляемого к «православным чекистам», пока не сложилось никакого идеологического штаба, никакой серьезной интеллектуальной группы. Более того, сплошь и рядом они опираются в своих эрзац-разработках на традиционный контингент либеральных политтехнологов, которые в конечном итоге с разными оговорками призывают к глобализации и отстаивают либеральные реформы, адаптированные к российским условиям, а в этом, согласитесь, мало патриотического и совсем нет ничего православного. И наоборот, совсем непитерская группа во власти последнее время активизировала процесс разработки патриотических и идеологических проектов... Пока сложно говорить, где здесь кончается прагматизм и начинается убеждение, но факт запроса на идеологию налицо. На мой взгляд, сегодня власть как никогда прагматична, людей с яркими выпуклыми и последовательными убеждениями — кроме разве крайнего атлантиста Чубайса — в ней практически нет. А потребность в идеологии, напротив, есть, и, следовательно, этим обязательно кто-то займется: не симпатизанты — так прагматики.

Либеральный курс всегда обнаруживает свои отрицательные результаты, будь то недовольство населения жилищно-коммунальными реформами, монетизация льгот, повышение тарифов на энергоносители, либерализация естественных монополий или что-то подобное. Плюс к этому ориентация на Запад всегда обнаруживает свою тщетность, хотя бы потому, что не дает и даже теоретически не может дать никак ощутимых положительных результатов. Это усиливает значение патриотического фактора — если этим не воспользуется Путин, то все дивиденды достанутся оппозиции. При наличии мощного

патриотического потенциала, который и лег в основу первого избрания Путина, этот потенциал все еще не получил никакого ясного политического оформления. На нынешний момент структур, способных предложить адекватную политико-идеологическую опору Владимиру Путину, практически нет. Есть структура, объявившая себя «партией власти», в лице «Единой России», но в собственно политическом и идеологическом проявлении здесь как раз очень большие проблемы. Дело в том, что в эту партию влили самых разнообразных персонажей, левых и правых, региональных фрондеров и государственников, ярких политиков и невзрачных чиновников. При этом на рейтингах серия слияний отразилась довольно странно — совокупный процент относительно бывшего самостоятельного расклада не только не вырос, но и упал. Получается, что «Единая Россия» не столько политическая опора, сколько барометр электоральных позиций самого Путина. А это никак не облегчает ему задачу. Я не допускаю, что такая партия, как «Единая Россия», способна впитать какую-то последовательную идеологию (которую, кстати, еще надо разработать), а также принести Владимиру Владимировичу дополнительную поддержку. Это скорее превентивная мера против фрондерства и партийно оформленный административный ресурс. Что очень неплохо, но далеко не достаточно. Я думаю, что гораздо лучше с идеологической проблемой справится евразийство, которое постепенно стало крайне популярным учением — оно сочетает в себе и консерватизм, и определенную открытость. Это своего рода «научный патриотизм», основанный на геополитике. Я скептически оцениваю возможность привить евразийскую идею патентованной «партии власти» — это не те люди, не те структуры, у них не тот склад и не тот формат. Поэтому в свое время и возникла идея самостоятельной партии «Евразия», партии патриотической, отчетливо идеологизированной и пропутинской.

Сильные стороны евразийской идеологии

Сильной стороной евразийства является возможность его прикладного применения в международной политике. Партия «Евразия» с самого начала ставила своей принципиальной целью создание Евразийского союза как прямого аналога Евросоюза.

Ориентируясь на активизацию отношений со странами Востока, мы в то же время — сторонники активного сближения с Европой. В этом и состоит евразийство. Пропутинские силы иного формата обречены на то, чтобы тенью следовать за прагматизмом его внешнеполитических шагов, а это существенно сужает поле для маневров.

Что же касается отношений с США, то евразийство по самой основе своей идеологии не может двигаться в проамериканском направлении. Из политических сил США мы поддерживаем лишь республиканцев-изоляционистов. Не потому, что они нас любят — «американская любовь» — вещь сомнительная и ни к чему хорошему не приводит, а потому, что они призывают США отказаться от спонсорства глобализации, сосредоточиться на внутренних проблемах и оставить остальной мир в покое. И вместе с тем евразийство считает, что будущее России лежит в эффективном заключении серии стратегических альянсов с державами «береговой зоны» — от Европы через арабский мир до Азии и Дальнего Востока. Следовательно, такая идеология становится предсказуемым и прозрачным постоянным партнером для огромного количества политических сил зарубежных стран. Прагматизм не может быть содержанием конкретной политики. Он всегда расположен в определенных рамках и должен иметь операционный простор. Для Путина очень важно иметь как атлантистский партийный фланг, лояльный ему, так и

евразийский, столь же лояльный. В такой конфигурации у него будут полностью развязаны руки для любого маневра. С атлантистами сегодня все в порядке, но смутным и фрагментарным евразийством вовсю пользуется оппозиция. Это полезно не только для укрепления внутреннего положения дел в стране, но и для оптимизации внешнеполитических процессов.

В начале своего президентства Путин первого срока разбирался с тем, что ему досталось. Он пришел к власти в критический момент нашей национальной истории, и не ему, ни обществу до конца не ясно — что произошло? Кто мы? Куда нам идти? Где враги? Где друзья? И есть ли они у России вообще? В дальнейшем что-то начало проясняться. Конечно, может быть, бремя власти в такой сложной стране, в такой напряженной исторической ситуации и в таком враждебном окружении на самом деле гораздо тяжелее, чем представляется обывателю. Но мне кажется, что Владимир Владимирович Путин должен нам всем: россиянам, стране, истории, задача Путина — создать в России стабильный политический режим, отвечающий интересам российской государственности, интересам народа, приоритетам нашей геополитики. Лишь после этого ему можно будет думать об отходе от дел. Нынешнее равновесие обманчиво и очень хрупко. Сейчас оно держится только на Путине. Желательно сделать так, чтобы оно держалось само по себе на основе политико-мировоззренческой системы. Построение адекватной, тонкой, продуманной политики в сфере государственности, патриотизма, национальной идеи есть, пожалуй, важнейшая задача, и осуществить ее может только Путин. Со своей же стороны мы сделаем все возможное, чтобы ему в этом помочь.

Идеологическая экспертиза политической среды

Чтобы оценить политическую среду, в которой начал оперировать Путин, начнем с некоторых общих дефиниций. Следует разделять мировоззренческие наклонности населения — подчас весьма смутные, партийные силы и политических лидеров. В современной России между этими реальностями отношения самые странные — «диалектические». С точки зрения интуитивных симпатий можно выделить следующие секторы: патриотический и антипатриотический. За последние годы баланс между ними резко изменился в сторону патриотизма, хотя во властной элите, СМИ и экспертном сообществе львиную долю продолжают составлять люди, довольно брезгливо относящиеся к нашей стране и нашему народу. Это явный дисбаланс: мейнстримные настроения явно ориентированы в национальном ключе, который разделяется Владимиром Путиным и его ближайшим окружением, но политические парадигмы в значительной степени продолжают оставаться либеральными. В этом можно увидеть некий парадокс: замедленность ротации спичрайтеров или их подгонки под изменившиеся условия долгое время заставляла Путина говорить странным языком: он пытался высказать с помощью либерального жаргона национально-этатистские вещи.

Как бы то ни было, подавляющее большинство населения политически сегодня ориентировано державно. Как распределяются эти державные симпатии? Интуитивные — неполитизированные, обывательские — державники угадывают в Путине своего. В этом случае державность и политический центризм совпадают. Это добавляет Путину поддержки: он как бы аккумулирует и национальные чувства и центристский конформизм. Это очень серьезный сектор населения. В политическом смысле это центристская пропутинская партия «Единая Россия», но не только.

Далее идут более политизированные державники. Левые державники пребывают в определенной оппозиции Путину, это КПРФ и «Справедливая Россия». Но именно такая формула «державность против державности» ослабляет позиции коммунистов, которые ранее консолидировались явной русофобией режима Ельцина. Представляется, что часть левопатриотического электората при определенном условии может быть инкорпорирована в путинском направлении. Зюганов репрезентирует ортодоксальное ядро этого сектора, но от него, кажется, все начинают уставать.

Есть либеральные полудержавники. Это вчерашние радикальные западнико-реформаторы, прагматически осознавшие, что дальше так нельзя, потому как неизбежно наступит крах. Они нехотя, с отвращением берут державные лозунги, оставляя акцент на «либерализации экономики» — «Правое дело» или «гуманитарной демократии» — «Яблоко» — Явлинский. Этот электорат также не является собственностью правых и может при определенных обстоятельствах поддержать Путина. Впрочем, количественно этот электорат довольно мал.

Следом идут люмпен-державники, люди с дурным вкусом, мелкий криминал, политические олигофрены — это паства ЛДПР. Державность здесь понимается через агрессивный глупый — подчас точный — юмор. Это — аудитория программы «Окна» или «Прожектор Перис Хилтон», только с политическими наклонностями. Они «державники» по болезни. И они могут частично поддержать Путина, если пару его политтехнологов накануне выборной кампании сойдут с ума от напряжения.

Наконец, догматические державники. Это маргинальные ультрапатриоты, скинхеды, бытовые расисты. Данный сектор красочен и брутален, но политически совершенно деконсолидирован, его вожди — слабые маньяки с пониженным тонусом. Электорально они мало что значат, но выступают хорошим «аргументом» в пиар-акциях недержавников против державников. За кого будут голосовать скинхеды и ультранационалисты — не имеет значения. Скорее всего накануне переберут от возбуждения и до урн не дойдут.

Последняя группа — антидержавники. Это реинкарнация Митковой, «Новая газета», правозащитное движение, экономический блок правительства, олигархи, либеральное наваждение Чубайс, Каспаров, Венедиктов, группа гомосексуалистов из Госдумы, запрещенная Козаком, и еще много разных и хорошо узнаваемых медийных личностей. Собственным электоратом на сегодняшний день они обладают минимальным: в рамках статистической погрешности (известно, что довольно значительный процент голосующих в России зачеркивает в бюллетенях не тех, кого хочет, из-за нервов или плохого зрения). Этот электорат персонифицирован «Правым делом». Он гравитирует строго около нуля. Конечно, он против Путина, но Путин может на это не обращать внимания. Другое дело, что в элите позиции данного сектора до сих пор очень сильны — обратно пропорционально влиянию этих групп на общество. Так как за ними поддержка внешних сил, они могут навредить Путину и стране очень серьезно, чем они, увы, довольно успешно и занимаются.

Что получается? Путин как державник — без пояснений какой именно — правый, левый или еще какой — теоретически способен выбирать электорат из огромного сектора, заведомо превышающего «Единую Россию». Этот замысел попытались было реализовать в проекте «Общероссийский народный фронт», но подковерная борьба за контроль над этим политтехнологическим «ресурсом» не дала возможности успешно его реализовать. Конечно, в такой ситуации Путину лучше всего было бы сразиться с олицетворением антидержавников, представляющим «мировое зло», типа Березовского, тогда победа Путина была бы 100 против 0. Фигура Березовского как черта, против которого надо немедленно что-то предпринять, мобилизовала бы и 100 %-ную явку населения. Но это едва ли случится, и поэтому Путину придется иметь дело с версиями державности — левой (оппозиционной), либеральной (полуоппозиционной) и расплывчатой (центристской — к которой он склоняется сам). Любое, даже минимальное, смещение позиции Путина от либерализма к социализму будет сопровождаться позитивным скачком его рейтинга, если только этот рейтинг не примутся усердно подделывать испуганные до визга сотрудники «Эха Москвы» и их родственники. Это объясняется тем, что в области экономических симпатий не существует прямой аналогии с чисто политическими симпатиями. Либерализм по душе весьма ограниченной прослойке, и он еще хоть как-то воспринимается только потому, что до сих пор многие не поняли, что это такое. Когда поймут, отшатнутся с негодованием, даже если его оснастят «державной фразеологией». И наоборот, левые симпатии, социальная справедливость, социальное государство имеют в обществе огромное число сторонников — как тех, кто стоит горой за КПРФ, так и тех, кто с партийными пристрастиями не определился. Обращение Путина к этой нише, с электоральной точки зрения, будет весьма результативным. Это не ослабит, но содержательно укрепит его державность.

Что касается возрастных особенностей электората, то в нем, безусловно, лидируют пенсионеры, пожилые люди, инвалиды, социально слабые и незащищенные — «обездоленное большинство», *dispossessed majority*. Выборы — это единственный день, когда они кому-то нужны и могут совокупно выразить позицию. Они будут определять

картину. Излишне говорить, что здесь 90 % державной и социальной ориентации. Если до них дойдет (это, правда, маловероятно), что главные идеологи Путина в экономике — «правые либералы», получится не очень красиво, так как в этой среде либерализм сегодня крайне непопулярен, мягко говоря. К этому обязательному электорату примыкает средний возраст чиновников и служащих. Их симпатии тоже державные и центристские, левый уклон, однако, будет заметен и здесь. Сюда же примыкает и малый бизнес, которому все надоело. Огромная надежда у чистых центристов на армию, больницы и «экономические княжества олигархов» (типа Норильска), которые всегда голосуют за действующую власть по понятным причинам. Молодежь на выборы не ходит вообще. Или в мизерном количестве, она в политическую жизнь как класс не включена. Из этого можно сделать следующий вывод: большинство поддержит умеренного Путина как левого державника. Но если электорат серьезно запутать, то поддержит и не как левого.

Формула Путина: эволюция политического образа

Феномен Путина — это феномен *политологический*, функциональный, в определенном смысле политтехнологический. Вопрос «Who is mister Putin?» не случайно сформулирован по-английски и в таком виде и транслировался, став штампом. В русском контексте *нет* вопроса «Кто Вы, господин Путин?», потому что самим россиянам очевидно, что *в феномене Путина личность либо незначительна, либо скрыта искусственно, либо пока не проявилась*. Не будем задаваться метафизическим вопросом: какова личность Путина? Есть ли она вообще? Это для нас не важно: с политологической точки зрения, *ее почти нет. У Путина нет и персонального политического портрета* — он пришел к высотам власти, повинувшись запросу сверху, минуя целые лестничные пролеты. У него не было серьезного политического, партийного, аппаратного веса; он стал первым лицом, не опираясь ни на какие консолидированные команды, силы, социальные пласты. «Кто был никем, тот стал всем».

У Владимира Путина не было и вкуса к власти так же, как и персонализированного авторитаризма. Все решения Путина основаны на четкой и вполне определенной *политической логике*. В них отсутствует *волюнтаристский момент*, доминировавший при Ельцине. Подтверждение этого — в *отсутствии команды*. Строившие ожидания по факту прецедента российские политологи *искусственно раздули* фактор «питерских» в их противостоянии «семейным». Отсутствие волюнтаризма у Путина было поспешно объяснено взаимоуравновешивающей силой команд. Но этих команд *просто нет*. «Питерские» и «семейные» настолько переплетены, неконсолидированы, не имеют общих корпоративных, экономических, политических и иных целей, что выделение этих групп есть *условность*, если не сказать *дезинформация*. Она служит для того, чтобы в привычных категориях объяснить слабость волюнтаристского начала в Путине. А волюнтаристское начало столь присуще русской истории, что трудно представить его слабость или вообще отсутствие.

Кадровая политика Путина доказывает правоту этого тезиса. Придя к власти, новый Президент фактически *не сделал никаких существенных кадровых изменений*, которые предполагались и прогнозировались всеми. Почти трехлетнее ожидание отставки Волошина напоминало «ожидание Годо» по Эжену Ионеско.

Национализм плюс либерализм

С самого начала Путин воплотил в себе политологическую формулу: национализм (патриотизм) плюс либерализм (экономические реформы). Эта формула стала основным содержанием феномена Путина. Она важнее, нежели его личность. Можно предположить, что в данном случае личность была подобрана под политическую формулу, а не наоборот. Чтобы понять, откуда взялась эта формула, надо обратиться к политологической схеме, определявшей логику политического процесса в 90-х. После краха советской системы в политике явно обозначились две силы — либералы-западники (реформаторы) и нелибералы-националисты (консерваторы, в основном коммунисты, социалисты). После путча 1991 года либералы-западники захватили контроль над властью (используя авторитаризм натуры Ельцина), экономикой (правительство Гайдара — Чубайса), СМИ (Попцов, Березовский, Яковлев, Гусинский), интеллигенцией, выработав нормы (конституционно закрепленные и

подразумеваемые) либерально-демократической политкорректности. Формула этого периода — «рынок плюс Запад» — сопровождалась негативным отношением к России, к ее народу, ее истории, ее государственности. Победившая сила была в численном значении миноритарна.

На другом конце была *мажоритарная оппозиция* с полярной идеологией — «коммунизм + национализм» («красно-коричневые»). Они представляли *большинство*, поставленное вне рамок политкорректности. Большинство было дискриминировано, отделено от центра власти, экономики, СМИ. Такая система была крайне неустойчивой и держалась в огромной степени за счет *авторитарного стиля Ельцина и поддерживающих его политиков и олигархов*. В принципе, это была своего рода «либеральная диктатура».

На протяжении 90-х эта система менялась в сторону *снижения жесткости противостояния*. После 1993 года правящая элита, находясь в привилегированном положении победителя, *не пошла на полноценные репрессии*, и полного уничтожения «красно-коричневых» не произошло. Напротив, вопреки всей логике определенные разрозненные элементы *идеологии побежденных* стали включаться в *дискурс победителей*. С этого переломного момента власть стала *отходить* от своей начальной формулы «рынок + Запад». Во второй половине 90-х некоторые демократические политики стали заигрывать с *мажоритарными настроениями масс* (национализм плюс социальность). Это вылилось в коалицию Лужков — Примаков (шире, «Отечество» — «Вся Россия»). Здесь в *просвещенно-умеренной форме* мы видим уже формулу «*нелиберализм + национализм*». Евгений Примаков становится *знаковой фигурой* этого тренда, обреченного, казалось бы, на успех на фоне слабеющего Ельцина. *Простым продолжением авторитарного либерал-демократического ельцинизма* это явление — готовое в определенный момент сомкнуться с красно-коричневыми массами — было не остановить.

Тогда-то и родилась формула Путина: «*либерализм + национализм*». Реальное авторство ее мне неизвестно: называют Бориса Березовского, Глеба Павловского, Владислава Суркова и других. Эта позиция находится *строго между* либеральной элитой и национально и социально настроенными массами. Она эффективно снимает огромное социально-политическое напряжение. Объединяющим элементом для элит и масс является *национализм*, разделяющим остается *либеральная экономика*. Путин с самого начала транслировал именно эту формулу и ничего, кроме этой формулы. Не заботясь о нюансах, он строго придерживался этой позиции. Это была *формула общественного консенсуса*, и она постепенно стала *подразумеваемым критерием политкорректности*. За пределом оставались только *крайние* — крайние либералы, крайние ельцинисты, крайние западники, крайние националисты, крайние коммунисты, непросвещенные красно-коричневые. Путин оперативно маргинализировал эти силы: одни — в изгнании (Гусинский, Березовский); другие — в отставке (Юмашев, Волошин); третьи — в тюрьме (Ходорковский); четвертые — распущены (РНЕ, НБП); пятые — превращены в шутов (Немцов, Касьянов); шестые — забыты (Гайдар, Новодворская). В политической сфере Путин утвердил новые рамки политкорректности, вытекающие из его формулы. Отныне *рыночность и патриотизм*, трактуемые весьма широко, стали неперемненными атрибутами лояльности, основой эрзац-идеологии эпохи Путина.

Путин как реализатор либеральных реформ: олигархи — расщепление функций

Экономическая политика Путина была изначально выстроена в строго либеральном ключе. Путин не допускал даже намека на социалистические меры. В этом, кстати, его существенное отличие от экономического популизма Примакова — Лужкова. Все ключевые фигуры в экономике были исключительно либералами — Греф, Чубайс, Кудрин, Илларионов. В этом Путин последователен и жёсток. В наши задачи не входит обсуждать преимущества или недостатки либерализма как такового. С социологической же точки зрения оптимистический потенциал восприятия либеральных реформ населением в какой-то момент был исчерпан, и консолидировал лишь малый электорат СПС. В «Единой России» либеральный элемент не очевиден, ее электорат консолидирован по иному принципу — «власть + расплывчатый патриотизм», собственно, реформаторского и рыночного здесь мало. И, тем не менее, два первых президентских срока Путин, согласно своей формуле, проводит в экономике именно жесткую антипопулистскую линию. В этом состоит особенность его формулы, и этому ее элементу он следует жестко и последовательно.

Ельцинский период характеризовался тем, что основными субъектами политико-экономической жизни стали российские олигархи, сосредоточившие в своих руках нити политической, медиакратической и экономической власти. Они же в значительной мере заведовали и «идеологией», контролируя и оплачивая экспертные коллективы (в том случае, если они не финансировались разведцентрами Запада). Более того, деятельность силовых министерств и ведомств в определенной мере была подконтрольна коррупционным механизмам, рычаги которых также вели к олигархам (вспомним Ф. Д. Бобкова и историю с директором ФСБ Ковалевым и Березовским).

Олигархи были главными акторами политики того периода, способными предлагать и социально-политические проекты и экономические, а также выстраивать механизмы и организовывать ресурсы для их реализации. Легитимацию им придавал индивидуальный волюнтаризм Ельцина. Но этот волюнтаризм был лишь необходимым условием для реализации того или иного начинания, без достаточного условия — участия олигархов, следящих за исполнением, — ельцинские начинания неизменно проваливались. Олигархи были важнейшим инструментом допутинской России. Все, что происходило, происходило с их санкции, при их участии и под их контролем. Никакой политический проект без них не осуществлялся — выборы самого Путина и «Единства» — не исключение.

Придя к власти, Путин отменил эту модель, «равноудалив» олигархов. Он не просто поменял одних олигархов на других, он отказал всем им в продолжении их функционального участия в политической системе. Два олигарха, которые полнее всего воплощали именно слитность олигархических функций — медиакратия, экономика, политика, воля, стратегия, коррупция спецслужб — были вытеснены за пределы России. Остальные пошли на компромисс с новым Президентом.

Что предложил Путин вместо олигархии? Фигура олигарха разделялась на несколько составляющих: экономическая роль олигархов была передана магнатам (это олигархи, чьи полномочия ограничены чисто экономической сферой — см. список членов правления РСПП); политическая роль олигархов была делегирована Администрации президента (Волошин, Сурков, Сечин, Медведев); медиакратическая роль олигархов была делегирована чистым медиакратам (Лесин, позже Кулистиков, Эрнст, Добродеев). Экспертные функции олигархов переданы экспертному сообществу (Павловский, Марков, Никонов, экспертные советы при АП и телеканалах). Силовики были предоставлены самим себе. Особенно это было явно в период, когда Совбез возглавлял Сергей Иванов — якобы «новый расцвет

спецслужб» был не чем иным, как выводом их из-под опеки олигархов.

Расщепив функции олигархов, Путин создал 5 дискретных «департаментов политической воли»: *АП, экономические магнаты, медиакраты, силовики, эксперты*. Все они в теории должны были замыкаться на Президенте, минуя посредников, которые обязательно постарались бы вносить свои собственные интересы.

Путин как собиратель России и строитель Евразии

С приходом Путина изменились и отношения Москвы с территориями России и странами СНГ, которые стали развиваться по формуле *«просвещенной геополитики»*. Последовательная и логичная геополитика требовала бы от него укрепления единства России, активизации интеграционных процессов в СНГ, развертывания смелых инициатив в создании стратегических, политических и экономических блоков с Европой и Азией. Однако Путин реализует лишь *отдельные элементы этого евразийского геополитического сценария*, свидетельством чего стало: *жесткое противодействие распаду России в Дагестане и Чечне, умаление значения Совета Федерации как регионального лобби, введение системы федеральных округов. Создание ЕвразЭС, подписание договора о Коллективной безопасности со странами СНГ*. Сюда же можно отнести дипломатическое сближение с Евросоюзом, активизацию отношений со странами Азии — Китаем, Северной Кореей, Японией, Ираном, Индией.

Все эти шаги были направлены на усиление евразийской геополитики — проводимой, однако, с определенными колебаниями. В принципе, именно *активная внешняя политика, призванная усилить стратегический статус России в сочетании с внутривосточным патриотизмом, и должна компенсировать* — с точки зрения популизма — *непопулярность либеральных реформ в экономике*. С самого начала Путин стал последовательно, хотя и осторожно, двигаться в этом направлении.

В отношении территориального устройства России Путин начал *настоящую революцию*. Ее смысл состоит в том, чтобы максимально ограничить геополитическую самостоятельность регионов, *лишить субъекты федерации даже намеков на суверенность и государственность*. В этом состоит другая (внутриполитическая) сторона патриотизма Путина, стратегия его внутренней геополитики. Сразу после прихода к власти Путин вводит федеральные округа для прямого стратегического контроля над губернаторами и реформирует Совет Федерации с тем, чтобы лишить представителей регионов полноценного политического представительства с большими политическими и законодательными полномочиями. Организация Госсовета параллельно Совету Федерации перевела статус глав субъектов *от политического к совещательному*.

Первый сбой: вызов атлантизма — тест на лояльность

Сбой произошел в результате событий 11 сентября 2001 года. США предложили России почти в ультимативной форме *тест на лояльность*, ответить на который в строгом евразийском ключе Путин не решился. Его евразийство ослабло, результатом чего стали американские военные базы в странах СНГ и Грузии, осложнения в отношениях с Лукашенко и т. д. Советник Путина Сергей Ястржембский в тот момент прямо выступил против евразийства. Все это существенно *ослабило цельность и убедительность*

изначальной формулы Путина, *умалило патриотический потенциал* его политического статуса.

В этот же момент поступило прямое предложение Глеба Павловского перейти от «путинского большинства» к «правому большинству». Вскоре после 11 сентября 2001-го им было организовано проведение «Гражданского форума», что, по сути, было *откатом к ельцинской политологической модели*. Катастрофы не произошло, но баланс был существенно смещен. Формула Путина предполагала безусловное евразийство и просвещенный национализм во внутренней и внешней политике как компенсацию либерализма в экономике. *При сдвиге в сторону западничества строгость формулы нарушилась*. Путин под воздействием обстоятельств отступил от самого себя в этой части формулы. Следствием чего стало начало колебаний настроений масс *с тенденцией к снижению рейтинга* Путина; пробуксовывание централизации; *малая эффективность*, централизованность и организованность «департаментов политической воли»; *слабая результативность полпредов* и, как следствие, начало нового этапа региональных интриг со стороны глав субъектов федерации, почувствовавших слабину центра.

В результате всего этого произошло смещение баланса от центра стабильности. Формула Путина (либерализм + патриотизм), оставаясь в сущности прежней, была в значительной степени *ослаблена умалением национальной составляющей*. Это проявилось в *убывании евразийского потенциала внешней политики* (перекос в сторону Запада, податливость давлению США, снижение темпов интеграции СНГ); в относительном потворстве *новой волне фрондерства со стороны некоторых национальных лидеров*; в отсутствии у процесса укрепления вертикали власти *соответствующего политического оформления* (дело кончается простым иллегитимным вмешательством в выборный процесс без соответствующего политико-пропагандистского сопровождения); в отсутствии *внятной и последовательной патриотической идеологии в СМИ, образовании, культуре* (предпринимаемые здесь шаги вполне хаотичны, спонтанны и случайны, в каком-то смысле халтурны). При этом в либеральной составляющей последовательность сохранилась: экономикой заведуют ультралибералы Герман Греф и Андрей Илларионов, принят Земельный кодекс, продавлена реструктуризация РАО «ЕЭС» по формуле Чубайса и т. д.

Все это сказывается на нескольких уровнях. В итоге на тот момент можно было четко констатировать: начало колебаний настроений масс *с тенденцией к снижению рейтинга Президента Путина*, пробуксовывание централизации; *малая эффективность*, централизованность и организованность «департаментов политической воли»; *слабая результативность полпредов* и, как следствие, начало нового этапа региональных интриг со стороны глав субъектов федерации, почувствовавших слабину центра; *тупиковость политической эволюции «Единой России»*, вынужденной следовать за линией Президента, которая сама отступает от изначальной ясности (ослабление национальной составляющей, противоречивость западнического курса).

Идеологические риски Путина

В целом основные параметры формулы Путина сохранены и отступление от устойчивого состояния этой формулы, связанное с либеральной имитацией последующих четырех лет, пока не критично. Но если речь идет не *о вынужденном колебании*, а *о тренде*, о «тяжелой тенденции», то в ближайшем будущем процесс может приблизиться к фазе,

критической для парламентских и президентских выборов.

Рассмотрим в самом общем приближении *основные риски для Путина, связанные с отклонением от его изначальной политологической формулы*. Все они связаны с *нарушением баланса*. Так как на сегодняшний день нарушение баланса зафиксировано только в *одном направлении* — в сторону ослабления национальной составляющей, — то рассмотрим именно этот сценарий.

Ослабляя национальный элемент своей формулы, Путин возвращает политическую модель к периоду ельцинизма: все дело в определенный момент сведется к *либерально-демократической прозападной власти, противопоставленной нелиберальному, антизападному, патриотически настроенному населению*, которое будет негативно реагировать на либерализацию в области платы за энергию, реформу ЖКХ, повышение тарифов на транспорт, которые отныне не будут уже компенсироваться моральной патриотической риторикой. Путин оказывается в ситуации, крайне *неблагоприятной*: у него нет ельцинского волюнтаризма, эффективных интриганов-олигархов, сосредоточивших в своих руках нити политической, экономической, медийной и спецслужбистской власти. Понятно, что в такой ситуации сохранение власти будет проблематично. Тут, кстати, политическая логика начинает требовать *другого Путина*. Этот «другой Путин» должен быть фактически ремейком Ельцина — волюнтаристским антикоммунистом-западником, «либеральным тираном и диктатором», а отнюдь не «просвещенным патриотом».

К этому следует добавить *вероятное изменение отношения к Путину на Западе*. Ряд атлантистских геополитиков (Пол Волфовиц, Збигнев Бжезинский и т. д.) считают, что геополитическое самоликвидаторство России как одного из потенциальных самостоятельных полюсов, способных составить геополитическую конкуренцию однополярному могуществу США, при Путине идет *слишком медленно* и что стоило бы придать этому процессу *новый импульс*. Таким импульсом вполне может быть *интрига по смещению Путина* (этот сценарий отстаивают в американских аналитических кругах и опальные российские). Этот же сценарий отчасти был заложен и в трагических событиях в Москве, связанных с захватом заложников на Дубровке, в Беслане, в теракте в московском метро, в Домодедове и даже в нездоровой активности окружения преемника Путина на посту Президента. Вашингтон имеет достаточно инструментов для того, чтобы активно поспособствовать смене верховной власти в России. Добавим к этому еще и то, что после военных операций в Ираке и Ливии цены на нефть в конечном итоге могут резко упасть, что не замедлит отразиться на российской экономике. Есть и другие способы серьезного подрыва власти Путина.

Одним из них является *изменение природы коммунистической оппозиции*. Все эти годы она была неэффективна, так как к ней не были присоединены приводные ремни от *настоящих акторов* — олигархов и западных спецслужб. Опираясь на потенциальное большинство населения, эта оппозиция остается *политически безобидной* только за счет *полной неадекватности лидеров, отсутствия реальной политической воли, экономических ресурсов, неменяемого поведения партаппарата*. Подключение к этой оппозиции политической воли, помноженное на поддержку некоторых антироссийских сил в американском политическом истеблишменте, вполне способно *резко изменить сам статус этой оппозиции*. Стоило поставить в списке на первое место вместо Зюганова (отрицательный имидж, демобилизующий темперамент, отталкивающая внешность) Глазьева (нейтральный имидж, упругий темперамент, не отталкивающая внешность) — и

можно было говорить об изменении *всего электорального расклада*. Такое большое влияние столь малого фактора свидетельствует не о каких-то особых заслугах Глазьева, а о *соответствии формулы «нелиберализм+национализм» ожиданиям подавляющего большинства россиян*. В итоге эта угроза была устранена созданием сначала левопатриотического блока «Товарищ», изъявшего Глазьева из списков КПРФ, а затем слияние его с Рогозиным в блоке «Родина», что окончательно вывело Глазьева не только из КПРФ, но и вообще из левого оппозиционного сектора.

Если для того, чтобы превратить «Единую Россию» в нечто адекватное, требуется невероятно много усилий, то для резкого повышения статуса КПРФ требуются точечные действия, которые вполне способен осмыслить, довести до ума и реализовать такой человек, как Борис Березовский, или, что реально пытался сделать Михаил Ходорковский (особенно с согласия американских спецслужб). Или сам Владимир Путин, поставив во главе этой партии своих людей.

Формула Путина в течение двух первых президентских сроков продемонстрировала свою *адекватность и состоятельность*. У нее остался еще *достаточный запас прочности*. Более того, строгое следование ей позволяет Путину исподволь возделывать территорию и на смежном политико-идеологическом пространстве — *в зоне национал-нелиберализма* (национализм в данном случае служит общим знаменателем). Понятно, что *в середине первого президентского срока* для Путина был важнее *либерализм и отношения с Западом*, но по мере приближения к выборам *внутриполитический фактор* всегда начинает набирать вес, а следовательно, *национальная часть формулы становится все более значимой*. К сожалению, именно эта составляющая сегодня в значительной степени ослаблена.

Путинская формула была блестяще заявлена, отыграна и закреплена *в начале его президентства* — благодаря строгому следованию ей у Путина *все получалось*. Как только она начала становиться менее очевидной, стали подспудно нарастать *серьезные проблемы*. Политический цикл выборов таков: если все останется так, как есть сегодня, негативные результаты помутнения ясности этой формулы накладываются на выборный период, что делает ситуацию критической.

Учитывая все вышеперечисленные факторы, необходимо, невзирая на видимость внешней стабильности и благополучности, в чрезвычайном режиме *возвращаться к изначальной модели формулы Путина*. В противном случае отсутствие резких действий по укреплению ее изначальных векторов приведет не к замораживанию статус-кво, но к откату на те ненадежные позиции, на которых находился президент Ельцин в последний период своего правления. Для Путина критически важно немедленно приступить с новой силой и новой энергией к доведению начатого до логических результатов. А это предполагает безотлагательную консолидацию Администрации Президента, магнатов, медиакратов, экспертов и спецслужб. В срочном порядке должны быть выработаны и широко представлены: патриотическая идеология; последовательная и активная медийная политика в национальном ключе; принятие чрезвычайных мер в области образования и патриотического воспитания; изменение формата пропрезидентской партии в более активном, осмысленном, идеологическом ключе или формирование пропрезидентского блока вообще на новой идейной основе; формирование при Путине нового экспертного органа, строго соответствующего формату «формулы Путина». Во внешней политике требуется резкое усиление евразийского фактора, безотлагательная смена внешнеполитических экспертов. Сюда же стоит включить реальное укрепление вертикали

власти, в частности — повышение активности полпредов, окончательное политическое решение проблемы Северного Кавказа в евразийском ключе. Противодействие оппозиции будет наиболее эффективно не тогда, когда против нее будет вестись целенаправленная дискредитационная кампания, а тогда, когда *власть заявит решимость на практике осуществить обещанное*. То есть *созидательная просвещенно патриотическая политика будет самым серьезным и мощным аргументом в пользу власти*. В приближающихся испытаниях Путину способна помочь только «формула Путина» — чем более он будет ей верен, тем больше он выиграет.

Об ответственности Путина перед Христом и смене элит

Многие ощущают Россию православной страной во главе с православным лидером. При этом в стране происходит масса всякой несурязицы и бед, за которые кто-то должен нести ответственность. Одни держат ответ перед прокуратурой, другие — перед лицом корпорации, будь то комиссия РСПП по корпоративной этике или церковный суд. Но уж коли мы все чаще рассуждаем о России как православной стране, то отчего бы нам не поразмышлять о том, кто же ответственен перед Христом — народ или Президент? Я не сторонник строгого деления православных христиан на воцерковленных и невоцерковленных и считаю православными всех, кто отождествляют себя с Православием. Сам я воцерковленный православный христианин, впрочем, и желаю стать такими же всем остальным. Вместе с тем в России существует отчасти автономная государственная система, которая имеет свою идеологию, свою логику, свою структуру — весьма отличные от религиозно-православной парадигмы.

Но есть еще и *народ*. Это совершенно замечательное явление, отдельное и самостоятельное. Народ обладает самостоятельным бытием. Мне кажется, что между этими тремя формами — Православие (Церковь), Российское государство и русский народ — существует сложная диалектика отношений, меняющихся на протяжении всей нашей истории. В России каждый политик или каждый человек, исповедующий ту или иную политическую философию, делает свой выбор относительно того, как эти понятия — Церковь, государство и народ — сочетать, чему отдавать приоритет.

Моя политическая философия основана на том, что русский народ является высшей исторической, духовной и политической категорией. Народ превыше всего. Русский народ — для меня *абсолют*, самоценность и самозначимость. Народ этот глубинно, до корней, проникнут лучами православной культуры и избран Промыслом Божиим для особого служения. Я не делаю четкого разделения между православным мессианством и духом русского народа, это две стороны одного и того же явления. Духовное и внимательное прочтение истории Руси показывает, что начиная с определенного момента — с середины XV века, падения Царьграда — судьба Вселенского Православия окончательно отождествилась с судьбой русского народа.

Государство — это нечто совершенно иное. В последние века оно оказывалось неизменно ниже и духа народа, и православной Церкви. Во времена Московского царства государство пропитывалось лучами церковности сверху и народности снизу, образуя некоторую гармонию и не препятствуя всеобщему спасению. Когда государство прозрачно, когда оно является инструментом «тяглогового» процесса духовного и вселенского спасения, тогда все хорошо, и оно органично участвует в духовном ритме священной истории. Но в последние века, увы, это больше не так. Государство является искусственной конструкцией, отчужденной и от церковности, и от народа. Оно подает себя как нечто обладающее собственной онтологией. Онтологией, надо заметить, довольно сухой, отчужденной, гнусной. С духовной точки зрения в романовский период после раскола Российское государство выполняло в целом отрицательную роль. И любая апелляция к народничеству и Православию была поверхностна, лжива и искусственна. Народный дух дал о себе знать в Октябрьской революции (в прочтении Ключева или Платонова), но в хрущевский, и особенно в брежневский, период государство опять пришло к отчуждению от народной среды, не

говоря уже о религии. Во всех бедах России следует винить современное государство как искусственно скопированную кальку с секулярных европейских образцов. В правильном сочетании государство должно быть второстепенным и прозрачным, проницаемым, анагогическим, тягловым, возвышающим; оно должно служить народу и Церкви, а не заставлять народ и Церковь служить себе. Поэтому во всех негативных явлениях нашей истории я склонен винить именно государство. Государственный фашизм, автономный этатизм в русской истории мне глубоко отвратителен. Я считаю, что самым оптимальным инструментом было бы уничтожение государства и замена его Священной Империей, базилией, полноценным православным катехоническим царством, где божественные лучи напрямую соединяются с великим богоносным народом и заставляют служить все остальные механизмы и реалии истории высшей цели, воплощенной в потайном бытии народа-богоносца. Таким образом, я жесткий противник автономного современного государства и склонен винить во всех неразберихах и мерзостях именно его. При этом столь же убежденный сторонник империи.

Империя вместо государства-нации

Напомню, что государство и империя начиная с XVI века в Европе осмыслялись как противоположности. Боден, Макиавелли, Гоббс строили свои теории «государства» в полемике с онтологией империи; концепт «государства» есть продукт отрицания концепта «империи». Государство — это десакрализованная, лишенная телоса, цели и смысла, искусственная прагматическая конструкция. Империя, напротив, нечто живое, священное, насыщенное целью и смыслом, имеющее высшее предназначение. В империи административный аппарат не обладает автономией ни по отношению к религиозной миссии, ни по отношению к народной стихии, напротив, империя и есть вселенское выражение этой миссии, рассыпающей свой свет на упругие энергии народов и культур.

Существует концепция «органической демократии», подразумевающей — по словам Артура Мюллера Ван ден Брука — «соучастие народа в собственной судьбе», когда субъектом истории действительно является личность, которая действует в каком-то культурном поле. В этом смысле я думаю, что как и народ, так и президент сегодня разделяют ответственность перед Богом за то, что происходит в стране. Это и мой глубочайший политический «символ веры». Кто творит, тот и отвечает. Вопрос — президент или народ? На мой взгляд, историю творит народ. Ответственность лежит на народе. Народ как бы задает рамку исторического развития, он ее ограничивает представлениями о возможном и допустимом. Этот коридор возможностей задает народ, потому что носителем конкретной культуры, конкретной духовности, конкретной религии, конкретной идеологии является народ в целом, а не его, пусть даже высокопоставленные, представители. Народ предлагает некоторые решения, но жизнь очень жестка по отношению к проектам, которые выстраивает народ. События, происходящие вокруг, отсекают те или иные возможности, меняя коридор возможностей, искривляя вектор развития. Самозадающееся направление истории — это некий компромисс между духовным посылом народа и реалиями, с которыми он сталкивается. Такое давление среды часто заставляет менять этот вектор. И вот тут выступают на поверхность вполне конкретные, персонифицированные герои, а не собирательные народы. Это — понимание государственности и роли народа в терминах «органической демократии». Было бы идеально, чтобы народ соучаствовал в собственной

судьбе, был субъектом истории. Именно за это мы и боремся. Это правильно. Это должно быть нравственным императивом для всех полноценных политических сил России, для самого народа. Но это не статус-кво, это цель и пожелание.

Народ делегирует ответственность властелину или властной группе, политической элите. В идеальном случае это гармоничный и естественный процесс: народ воплощает во власти высшее напряжение своей воли, лучшую часть души. Тогда речь идет о «народной власти», будь то демократическая община, автократия или даже «народная диктатура». Но чаще всего в истории власть и властная элита отнюдь не народны. Есть достаточно интересная политологическая модель описания и объяснения этого обстоятельства. Эта модель утверждает, что политические элиты радикально отличны от своего народа, что правящая элита есть антинарод. Антинарод не только в социальном и функциональном смысле, но также и в расовом смысле. Польско-еврейский автор Людвиг Гумплович, незаслуженно забытый и мало известный сейчас, в своих трудах (в частности, в книге «Расовая борьба») доказывает, что элиты почти всех исторически известных государств — русского, французского, австрийского, немецкого, индусского, египетского, греческого — были изначально пришельцами, завоевателями либо представителями этнических, религиозных или культурных меньшинств. Все политические элиты — это результат внедрения в народ других этносов, которые некогда покорили местное население и создавали особую властную прослойку, «политический класс» (по Р. Михельсу). Впоследствии эта группа закрепляет свою победу в системе государства, создавая для «своих» систему привилегий и основывая стяжание благополучия вопреки народу. Власть в таком понимании является не выражением народного духа или религиозной мысли, а ксеноморфной отчужденной организацией.

Если мы посмотрим на сегодняшнюю Россию или на Россию романовскую, то мы легко распознаем в них все признаки этих ксеноморфных политических элит, отчужденных от своего народа, который они презирают, не понимают и ненавидят. Западническая элита XVIII века воспринимала русский народ как «дикарей», «папуасов», как американцы воспринимали индейцев. Вспомните Бирона. Моему предку Савве Дугину отрубили голову за то, что он, будучи дашковцем, требовал восстановления патриаршества. От него до XX века сохранились так называемые «дугинские тетрадки», обличающие секулярную власть и автономное государство, имевшие хождение преимущественно у староверов. Патриаршество есть важнейший элемент православной церковной традиции. Оно неразрывно связано с осознанием богоизбранности русских. Савва Дугин требовал восстановления патриаршества и упразднения Синода вопреки секулярности и западничеству русофобских по сути элит. За это и поплатился жизнью. В этом злосчастном XVIII веке русских людей с бородами, в рубахах, в лаптях и с поясками, которые приближались к заставам Санкт-Петербурга, не пускали в столицу — требовали надеть кивера, рейтузы или трико, а также «выскоблить рожу». Совершенно чуждая нам западническая группа правила страной 100 лет. В Древней Руси отсутствие бороды у мужчины было верным признаком «утраты мужского пола». Только в конце XVIII века кое-что стало возвращаться, и XIX век стал веком отката в народность. Дворянство стало постепенно возвращаться к корням, вспоминать о благословенной старине.

«Органическая демократия» — это благопожелание. По состоянию фактов сейчас Российское государство есть нечто совершенно иное. Нечто отчужденное и формальное, механическое — бесцельное и бессмысленное, новое издание «Левиафана». Для того чтобы

вещи стали такими, какими они должны быть, необходима подлинная революция, революция в народном и духовном смысле. Должен появиться «народный Путин», «народное правительство», «народное государство», «народная власть». Пока же от имени государства снова выступает ксеноморфная элита. Эта «либеральная» элита сменила собой большевистскую элиту, также антинародную по сути. Та, в свою очередь, сменила романовскую ксеноморфную элиту. Поэтому цикл отчуждения, увы, продолжается. В нашей истории есть пример объективно гениального сочетания народного и властного, имперского, элитного и национального — *Московское царство в период от освобождения от татар до раскола*. Этот период, на мой взгляд, является оптимальным: демократическим, православным и народным одновременно. *Народная элита исчезает после церковного раскола*.

Функция православия и симфония властей

Важно понимать, что Православие — это не только религия, это еще и политическое учение и политическая теология. Это мы часто упускаем из виду. Настоящее полноценное Православие теснейшим образом связано с моделью симфонии властей. Можно сказать, что Православие как политическая философия существовало у нас опять же до раскола, до второй половины XVII века. Религиозное и политическое начала на Руси после раскола разошлись по разным траекториям, их синусоиды сходились и расходились, баланс народного и элитарного в общей структуре государства и общества постоянно менялся.

С XVII века наступает тот период, когда церковь становится несвободной от государства. Почему? Да потому, что *государство больше не православное, оно более не империя*. Кстати, вместо «Руси» стали употреблять термин «Российская империя» именно тогда, когда Россия «империей» в сакральном катехоническом смысле быть перестала. Государство только номинально было православное. С точки зрения полноценной философии политики после раскола оно не православное. Мы знаем, что сначала Никон берет на себя полномочия «православного папы», потом Алексей Михайлович ему отвечает минимализацией функций патриарха. Потом приходит собор 1666–1667 годов, когда Святая Русь оплевывается всевозможными проходимцами вроде Паисия Лигарида, эдакими гайдарями и чубайсами XVII века. Потом «рог антихриста» — Петр Первый — упраздняет патриаршество, разгоняет монашество и подлинное Православие, *подлинная Церковь уходит в старообрядческую оппозицию*. Церковь в своем философско-религиозно-политическом аспекте становится в оппозицию к Романовской династии и сохраняет верность корням, верность Московской модели в рамках глобального старообрядческого движения. В XIX веке каждый третий русский был старообрядцем. Если учесть, что в элите староверия не было вообще, то получается, что каждый второй русский человек (каждый второй из народа) был старовер (иногда «сектантом» — «духовным христианином», хлыстом, скопцом или молоканином), но только не конформистом, только не «кадровым». Так что настоящего Православия мы не знаем более трехсот лет.

Как это ни парадоксально, элементы церковной свободы засияли в 1917 году. Почему до этого невозможно было восстановить патриаршество? Потому что вся система российской государственности была направлена против этого. Вся система была выстроена в духе антиправославной, антивосточной философии политики и философии религии. Православие рассматривалась только как моральный инструмент, аналогичный протестантизму. Все

остальное подавлялось. В 1917 году пришла свобода от романовской государственности, и вскоре восстанавливается патриаршество — кстати, реабилитируется единоверие, начинается процесс переоценки и переосмысления старообрядчества. Это был «квант свободы», и он бы кончился очень позитивно, если бы большевики его не задавили. Второй «квант свободы» наступает после краха советской системы. Первым квантом стали пользоваться сразу, потому что еще были живы традиции внутри Церкви, а вторым квантом, уже после фундаментального изнасилования нашей Церкви, нашей национальной идеи в период тоталитарной доминации марксизма, мы пока еще не можем воспользоваться. Мы находимся в слишком тяжелом состоянии после двухсот лет жесточайшей романовщины и почти ста лет геноцида русского народа при коммунистах. Свободу нам дали, но пользоваться мы ею можем начать только сейчас; мы только сейчас приходим в себя. Когда мы начнем полноценно размышлять о природе нашей «свободы», мы будем думать и о нашем русском политическом учении. Это неизбежно приведет нас к мысли об империи, симфонии властей и катехоне.

Мне кажется, что предыдущий патриарх, покойный Алексей II, совершенно правильно наложил запрет на участие клира в выборном процессе, потому что нынешние растерянные попы, несколько опьяневшие от этой свободы, могут завести куда угодно — одни в коммунизм к Зюганову, другие — к либералам, третьи — к фашистам. Нам, церковным людям, необходимо понять, как этой свободой воспользоваться. Я полагаю, что модель отношения Церкви к политике должна выстроиться на основе корней нашей традиции и воплотиться в некий религиозно-политический проект. Но только сейчас наступает это время. Поэтому проект должен вырваться.

Глобализация как повод к архаизации

Глобализация и постмодерн, который несет в себе глобализация, могут восприняться русским обществом, сердцевиной русского народа именно как новый повод, как новое побуждение к еще большей фундаментальной архаизации. Если мы докопаемся до парадигмальных глубин коллективного бессознательного Руси и нашего народа, то он может найти в глобализационных моделях и в постмодерне гораздо более эффективный инструмент для пробуждения, нежели в модерне. Точно так же, как он нашел в западном большевизме эффективный антизападный инструмент. Это не значит, что постмодерн и глобализация хороши сами по себе. Они не только не хороши, но они и есть самое большое зло. Однако внимательно взглядевшись в структуру этого зла — почти абсолютного и совершенного, мы сможем сформулировать самую радикальную и решительную антитезу, прорваться к последним глубинам нашей национальной души. Русский народ и нашу православную традицию надо волевым образом воссоздать в изначальном очищенном виде.

Исчез или не исчез русский народ? Это вопрос почти онтологический. Если рассматривать народ как собирательную ассамблею тенденций: исторических, культурных, этнических, религиозных, философских и концептуальных, то, конечно, мы этого народа не видим. «Народа нет» — это такая же метафизика, такой же постулат, что и «народ есть». Здесь мы не можем аргументированно спорить. Можно исходить из того, что *народа нет*, есть только общество, и тогда глобализм — это более совершенная и модернизированная форма общественного устройства, а значит, он неминуемо победит. В противовес ему будет только пассивное сопротивление, и постепенное растворение в нем гарантированно. Так,

кстати, считают сами глобалисты и либералы. Но вера в то, что народа нет (подчеркну — именно вера), это злая вера, она хочет, чтобы народа не было, убивает его самым фактом своего существования. Это wishfull thinking...

Есть и светлая вера — в то, что *народ есть*, и тогда мгновенно возникает *новый исторический субъект* — тот самый *демос*, которого, возможно, мы просто не видим. Народ — это «бесконечно большой атом», который мы не видим, но он есть, и он периодически дает о себе знать. Если исходить из гипотезы неизменного бытия этноса, из *гипотезы перманентности русского народа* со своей парадигмальной устойчивой системой, которая реагирует на все как *цельное живое существо* — отступает, нападает, затихает, кричит, — то мы можем очертить проект участия этого субъекта — *вечного народа* — в современной истории, а также в истории постмодернистической и глобалистской. В таком случае современность, которую русские, безусловно, в себя впитали, не обязательно будет препятствовать *архаизации*. Мы можем каким-то образом ассимилировать современность, глобализацию и постмодерн в своих национальных этнических целях и выстроить ту цивилизационную, государственную и религиозную систему, которая бы соответствовала нашим глубинным интересам, интересам нашего народа. Этот проект можно назвать Евразийской Империей, новым многополярным миром, качественной мутацией содержательной стороны постмодерна. В этом направлении следует думать, искать, пробовать...

То ксеноморфное образование, представители которого рассматривали глобализацию не только как объективное явление или вызов, но как некий *этический позитив*, которому они были готовы служить, подчиняться и под которое они собирались подстраивать страну, государственность, оказавшиеся в значительной степени в их ведении, сегодня проиграло. Они были не просто «реформаторами», но «*реформаторами от глобализма*», они *подстраивали Россию под глобализм*. Ходорковский об этом говорил прямо, Волошин это поддерживал, Павловский это многообразно декларировал в идеологическом смысле. Чубайс на этом настаивал в экономико-политическом аспекте. При этом у «прогрессистов» глобалистского толка существует фундаментальная база не только за океаном, что очевидно, но и в российском обществе. Эта база — отчужденная российская государственность, которая у старообрядцев называется «кадровая». Это совершенно русские, слегка поддающие, слегка с «антисемитским душком» чиновники, которые питают ксеноморфную элиту, принимающую решения, своей *чиновничьей кровью*. Базой выдвижения на передний план Ходорковского, Волошина, Чубайса или их последователей являются огромные теневые интересы «кадровых» русских чиновников государственного толка, которые на самом деле и породили систему олигархата, создали предпосылки для системы глобализма, для осуществления «глобальной» коррупции государственно-социальной организации. На самом деле, огромный государственный «кадровый» аппарат и является главным настоящим источником, творцом и заказчиком социально функционального бытия персонажей из либеральной олигархии, космополитической интеллигенции и «семейного» клана коррупционеров и лоббистов ельцинского разлива. Поэтому, когда мы говорим «ротация элит», нужно быть очень бдительным: в переднем ряду скажут лишь жертвы-клоуны. Дрессировщики, сценаристы и великаны распада и вырождения — в тени. Если на их место придут новые ставленники этой же бессмысленной, государственно-коррупционной машины, то мы получим ситуацию еще хуже прежней. Это будет не ротация, а ее имитация. Силы отчуждения и распада выведут на сцену новые лица, которых потом снова уберут и

заменяют на других.

У нас есть русский народ, нужно юридически и политически признать его *высшей инстанцией* и *непреходящей ценностью*, подтвердить его *богоносный* статус. Далее: нужно не только противопоставить его волю и его бытие уходящей, уже отчасти сидящей в застенках ксеноморфной элите, но также бросить вызов отчужденной бюрократической государственной машине, которая и сделала эту элиту возможной, которая ее породила и выдвинула, снабдила имуществом и средствами влияния. Проблема эта непростая. Здесь может сыграть свою положительную роль и сам ксеноморфный потенциал, и так же, как в случае с народниками, где за русское дело сплошь и рядом бились «малые народы». Не исключаю, что нам для действительной ротации элит потребуются психологические портреты не совсем русских или совсем нерусских людей. Русские живут национальным сновидением, и остается большая вероятность, что нас снова обманет и предаст промежуточная каста «кадровых» чиновников. И мы снова недоглядим... Я думаю, что мы должны рекрутировать на благо народа абсолютно *новых людей*. Пусть это будут армяне, евреи, грузины, чеченцы, но пусть это будут яркие личности, пассионарии. Пусть это будут творческие персонажи, плевать на их происхождение, лишь бы они присягнули этому огромному, великому, вечному, священному и вселенскому началу в лице русского народа. Они способны будут осуществить *реальную ротацию элит*, не только отломив верхушку властного айсберга, но и фундаментально перетряса старосоветские и новодемократические чиновничьи кадры. Эта ксеноморфная элита, новый ксеноморфный «малый народ» способен, на мой взгляд, быть эффективным, верно оценивать вызовы глобализации и воплотить в жизнь чаяния «великого народа».

Одинокий Путин: без элит

Путин впервые за огромный исторический срок создал возможность и предпосылки для реального возрождения русских. Сейчас Владимир Путин одинок, он окружен тяжелым бюрократическим аппаратом, который, конечно, выдвинет новую псевдоэлику, и это будет еще хуже. При правильной диспозиции проще перевербовать «ходорковских» и сделать из них настоящих народников, настоящих государственников, чем ждать толку от «новых хищных» и «новых жадных», даже если они этнические великороссы. Я вижу начало ротации элит только в этом направлении, в том, чтобы «малый народ» послужил делу великой Евразии. Нам не столько важны сейчас личности, сколько — *идеологическая парадигма*. Ходорковский не зря в свое время попросил себе в тюрьму *книги по русской истории*. Ему нужно было предложить *системный план вхождения в евразийство*. Его нельзя было дергать по мелочам и грозить — давай деньги, делись, а не то мы тебя... На это он отвечает помужски, «чисто конкретно»: не дам. Он ведь давно научился разговаривать и с силовиками, и с попрошайками, и с бандитами. А вот если ему предложить систему, логику, модель, так он, возможно, был бы первым на стороне другого варианта глобализации — не американской и однополярной, а евразийской и многополярной. Ходорковский ошибался, но ошибался системно, а не случайно. Стоило у него в мозгу заменить плюс на минус, и цены бы ему и его ЮКОСу не было. А плюс на минус заменить у определенного типа людей гораздо проще, чем кажется. Я бы предложил «демократам» и «либералам», которых сегодня начали прессовать и — то ли еще будет! — не обижаться на то, что происходит, а *стараться изучать историю русского народа*, научиться понимать его логику.

Антиамериканский консенсус

Американское вторжение в Ирак весной 2003 года очень серьезно сказалось и на внутривнутриполитической конъюнктуре России, что как раз в канун предстоящих на тот момент парламентских и президентских выборов обернулось сюрпризами в электоральном смысле. Российское общество по идеологическому принципу делится совсем иначе, чем можно заключить из партийных пристрастий. Наша партийная система создавалась на скорую руку, в нее постоянно вбрасывались совершенно незрелые игроки, а некоторые реально репрезентативные силы искусственно исключались. Она соотносится с обществом перекошено, поэтому и вызывает недоумение и брезгливость. Народ думает, чувствует и считает по иным лекалам, нежели те, что предложены ему российскими партиями и политтехнологами. Убери завтра эти партии, и, в принципе, ничего не изменится — можно будет легко созвать новые или вообще забыть о них, как о недоразумении. Но это не значит, что народ деполитизирован и безразличен, просто он выбирает «свое» и «не свое» в иных категориях.

После начала американской агрессии в Ираке россияне в подавляющем большинстве выбрали «свое»: *антиамериканизм*. Саддам особых симпатий не вызывал, но к Бушу-младшему антипатии возникли стойкие. Это не просто досужая реакция пикейных жилетов на «мировые проблемы», это *живой вибрирующий социальный фактор*. Люди переживают происходящее кожей, сердцем, напрягая извилины, выражая эмоции. Антиамериканизм, повышенное внимание к угрозе, исходящей от США, — стойкий социальный мотив. Чтобы изменить его радикально, потребуется событие аналогичного масштаба — трудно себе представить, что бы им могло быть.

Российская власть в лице Президента Путина выступила в ситуации с Ираком вполне определенно. Эта позиция *антиамериканская*. Совершенно очевидно, что всплеск соответствующих настроений в обществе *не есть следствие* этого выбора российского Президента. Скорее всего и он принял довольно трудное решение не только под воздействием настроений населения — Путин не раз доказывал, что может настаивать на своем, даже тогда, когда симпатии масс не на его стороне (в частности, поддержка ультралиберального экономического блока Правительства). Путин руководствовался, вставая на сторону «мирной коалиции» (Франция, Германия, Китай, исламские страны и др.), *геополитическими соображениями*. Народ формирует свое мнение с помощью иных аргументов и цепи умозаключений, чаще опираясь на эмоции и интуиции. Но, как бы то ни было, эти два подхода совпали в фокусе антиамериканизма. И это уже социальный факт. Давайте присмотримся к нему повнимательней. К чему это привело?

Резонанс в точке антиамериканизма между обществом и властью сообщил власти *дополнительную легитимность*, сформировав новую структуру консенсуса. Этот консенсус имеет четкие идеологические параметры: национальная идея, державность, отторжение американского стандарта, укрепление статуса России как мировой державы. Многие скептики называют это «фантомными болями утраченной империи», «ностальгией». Пусть так, но вместе с тем это своеобразная ремиссия: социальные мифы имеют силу и мощь мобилизующего фактора. Версальский договор, к примеру, через национальную фрустрацию немцев породил Третий рейх. Путин — действуя при этом вполне корректно в отношении США — получил качественно новый социальный ресурс во внутренней политике. У него

появились дополнительные санкции. А так как действия США вывели международную ситуацию за рамки правового поля, повторив содеянное в Ираке, затем еще и в Ливии, окончательно обрушив старый ялтинский миропорядок, то Путин получил *особый исторический мандат*, позволяющий ему двигаться в этой сложнейшей международной обстановке уверенно и активно: за спиной у него *социальный консенсус антиамериканизма*.

Что такое антиамериканизм? Он, конечно, затрагивает США и их политико-экономическую систему лишь косвенно: неприятие распространяется в первую очередь на выпад Америки против других стран (в ожидании, что «Россия может стать следующей»), а не на нее саму; это — оборонительный антиамериканизм, консервативный, защитный — антиамериканизм выживания и сохранения. Именно в таком качестве он имеет *массовый* характер. Это отличает его от иных форм антиамериканизма, свойственных право-консервативным православно-патриотическим или, напротив, коммунистическим кругам, которые отвергают США *в принципе*. Но перед лицом событий в Ираке эти грани стерлись, стали несущественными — идейный и радикальный идеологический антиамериканизм *растворился* в более масштабном пассивном и приблизительном антиамериканизме масс. Безусловный фокус этого общего явления — сам Путин. Левая и националистическая оппозиция тем самым утрачивает платформу, ей остается утверждать, что «Путин недостаточно жесток в своей позиции», что отталкивает массы, явно не готовые к дальнейшему градусу радикализации и многих сторонников из числа самой оппозиции. Фактически в такой ситуации Путин становится по-настоящему интегрирующим элементом общества, осью социально-политической жизни, прямым выразителем чаяний и ожиданий большинства, даже сверх необходимого. А в предвыборный период учитывается любой, даже самый незначительный, момент отклонения трендов политической конъюнктуры.

Как Владимир Путин может воспользоваться антиамериканизмом масс? Следует исходить из того, что его позиции серьезно усилятся в сопоставлении с экономической элитой, которая традиционно опирается на транснациональные проекты, поддерживает миноритарных либеральных политиков и так или иначе связана с США. Изменение баланса в этой сфере требует выработки *новых правил взаимодействия магнатов с властью с учетом геополитических (военно-промышленных) индексов и социальных проектов*. Путин может провести на этой основе *негласную ренационализацию* ряда крупнейших компаний, но не в смысле изменения их правового или имущественного статуса, а в установлении новой системы взаимодействия — с прямым и прозрачным учетом национальных и социальных интересов. *Путин и нация оказываются по одну сторону баррикад*, и возможность олигархов играть в своих интересах «слепыми силами масс» сходит на нет. Отменяется параллельно этому и функциональная роль КПРФ, воплощающей в российской политической игре «нецивилизованный образ коллективной безответственности, пестующей бессодержательную (относительно опасную для власти и крупного бизнеса) ностальгию». КПРФ меняет свою социальную функцию и фактически *сходит с повестки дня*, как сошло вместе с загранпоездками — в один конец — Гусинского и Березовского с повестки дня «Русское национальное единство», легко отмененное Путиным одной его выправкой и белым кимоно. Сегодня тихой ликвидации подлежит и громоздкая Компартия, чья *функциональная миссия* исчерпала себя. В основных чертах эта миссия перешла напрямую к власти, и играть с этим никому из российских резидентов (оставшихся олигархов) больше не придется в голову.

Другое дело, как Путин воспользуется этим новым раскладом сил в партийном смысле,

ведь «Единая Россия» едва ли способна внезапно стать партией «умеренного антиамериканизма» и «просвещенного антиглобализма». Мы знаем, что партии в России пекут как блины, так что теоретически можно было бы и сделать замену. Например, трансформировав в партию «Общероссийский народный фронт», которому антиамериканизм ближе по формату. Хотя, скорее всего, решимости на такие эксперименты у Кремля не хватит. Путин сам по себе фактически и есть партия, причем в отличие от «Единой России», которая партия, но не политическая, Путин — настоящая политическая партия, отражающая исторические интересы социального и национального большинства.

Мюнхенская речь Путина — поворотная точка в истории России

Мюнхенская речь Владимира Путина стала своего рода «поворотной точкой» в истории новейшей России. Ошибочно полагать, что «холодная война» завершилась в 1991 году. Скорее следует говорить о том, что Советский Союз в одностороннем порядке вышел из нее. При этом, не обговорив условия и не подписав никаких документов. И этот выход из «холодной войны» был преподнесен советским людям как ее окончание. Представьте себе такую ситуацию: две державы сражаются между собой. И вдруг одна из них заявляет: «Я прекращаю войну», не уточняя при этом — считает она себя проигравшим или победителем. Возникает двусмысленная ситуация — один из участников конфликта выходит из него, подразумевая, что выйдет и другой. Но этого не происходит. Причем первый, который уже распустил свои армии (Варшавский договор), разрушил свои крепости (и в Восточной Европе и в СССР) и начал заниматься своими внутренними делами, фактически оказывается в положении проигравшего. И тогда «победитель» начинает третировать своего соперника как побежденного. Но политические элиты «побежденного» не говорят своему народу, что страна проиграла, а продолжают делать вид, что ничего не произошло. Дескать, «холодная война» закончилась и в ней «победила дружба».

Такое положение вещей существовало от Горбачева до мюнхенской речи Путина. Американцы же никогда не прекращали вести «холодную войну» и вообще не понимали, зачем это нужно делать, если их противник перестал сопротивляться. Вот почему они продолжают наступать, расширяя блок НАТО. И, одновременно, «прихватывать» все, что мы упускаем из-под нашего контроля. Вначале в Восточной Европе и Прибалтике, а затем уже «залезли» в СНГ. Иными словами, Америка вела, ведет и будет вести «холодную» войну против России. Поэтому Путин, по большому счету, ничего нового в своей мюнхенской речи не сказал. Другое дело, что российская власть (времен Горбачева и Ельцина), делая вид, что Америка не ведет «холодную войну» против нас, на самом деле выступала как «колониальная администрация», скрывая факт оккупации и не позволяя народу мобилизоваться на то, чтобы обрести свободу и суверенитет. Те лидеры, которые усыпляли бдительность своего народа, тем самым поражали саму волю к сопротивлению и волю к свободе. Во времена Ельцина выдвигалась прямо противоположная модель: Россия двигалась в фарватере натовской политики, предавая свою геополитическую сущность. Когда Путин пришел к власти, многие его действия и заявления давали основания предположить, что он симпатизирует, скорее, евразийской модели и многополярному миру, нежели ельцинскому политическому курсу.

От «прохладной войны» к «горячей фазе»

В течение первого президентского цикла Владимир Путин под видом покорности к оккупационным силам проводил политику внутренней мобилизации. То есть он готовил восстание. И только ждал того момента, когда можно было бы открыто заявить миру и своему народу, что «холодная война» против России продолжается. И соответственно, что наша страна находится в состоянии войны. Вначале он заговорил о *суверенной демократии*, а уже в мюнхенской речи назвал все вещи своими именами. Таким образом, эта речь —

поворотная точка в истории России. Теперь все вещи названы так, как есть: Америка ведет с нами «прохладную войну». Именно так говорят многие западные политологи. Дело в том, что «холодная война» возможна только в том случае, если существует полностью симметричная система вооружений. И тогда каждая из противоборствующих сторон контролирует равные сектора пространства. Сейчас же у России остались только асимметричные ответы. Но эта война в любой момент может стать «теплой» или даже «горячей». И готовящийся удар по Ирану вопреки стратегическим интересам России — это готовящаяся возможность перевода «прохладной войны» в «горячую» фазу.

Нападая на Сирию и Иран, Америка фактически угрожает нам. Все это Путин высказал в своем выступлении в Мюнхене. После этого Россия уже жила с иным самосознанием, нежели до этого события. Потому что до этого в течение долгих 15 лет мы пребывали в уверенности — «благодаря» прежнему продажному колониальному руководству, что такой войны нет. Дескать, однополярного мира нет — все строят многополярный мир. Иными словами, после периода некоего «интеллектуального безумия», в котором пребывала Россия после Горбачева и Ельцина, страна начинает приходить в себя. Впрочем, это еще не означает, что мы побеждаем. Просто начали называть вещи своими именами, а значит, становимся адекватными. «Смутное время» закончилось. Хотя само по себе это понимание текущей ситуации весьма печально. Потому что, если мы в свете мюнхенской речи Путина посмотрим на то, что делали последние два десятилетия, то нам должно стать страшно и стыдно. Потому что мы вверили свою судьбу оккупационной элите, состоящей из олигархов, западников и либералов, которые целенаправленно разрушали наши стратегические позиции и лишали нашу страну суверенитета. Сейчас Россия представляет собой воюющую нацию. Вот с чем связаны многие осуществленные Путиным кадровые перестановки в правительстве, в правящих элитах в целом. На мой взгляд, они стали прямым следствием мюнхенской речи Путина. Основная задача на сегодня — заняться в первую очередь безграничной коррупцией российского генералитета. Это нужно для наведения морального порядка в армии. Потому что разложившаяся армия не способна воевать. Это неизбежная мера для того, чтобы привести армию в полную боевую готовность.

Мюнхенская речь — основы геополитики

Речь Путина в Мюнхене можно без преувеличения назвать исторической. Никогда еще за последние десятилетия лидер России не высказывал столь ясной и категоричной позиции относительно образа будущего в международной политике. Все высказывания на этот счет были очень двусмысленны. В Мюнхене Владимир Путин высказал не просто комментарий к текущим событиям или мнение России по какому-то конкретному вопросу, а принципиальную волю России как планетарной геополитической силы относительно будущего мироустройства. Тезисы, которые озвучил Путин, кратко, емко и абсолютно убедительно воспроизводят те выводы, о которых я писал еще в середине 90-х годов в книге «Основы геополитики». Там речь идет о фундаментальном противостоянии «цивилизации суши» и «цивилизации моря» и о недопустимости однополярного мира. Также речь шла о том, что Россия должна выступить в авангарде сил, которые будут противостоять однополярной глобализации и распространению атлантизма, воплощенного в Североатлантическом союзе — НАТО. В Мюнхене он облек эти разрозненные высказывания в прямые и ясные слова. По сути дела, Путин высказал волю к противостоянию

американской международной политике. Америка — в 80-е годы, когда еще был Советский Союз, и в 90-е, когда Советского Союза не было, а фактически еще раньше — начиная с Вудро Вильсона и Теодора Рузвельта, двигалась в той или иной степени к установлению однополярного мира. Вопрос был только в том, делиться ли с другими западными странами этим глобальным суверенитетом или нет. Поэтому Путин бросил вызов современному положению дел, всему ходу международной политики. Одно дело, когда такого рода заявления делают Уго Чавес, Ким Чен Ир или Ахмадинежад (впрочем, Ахмадинежад — это уже серьезнее). Это еще можно списать на некую региональность, на расположение периферийных держав, не давая им места в международной политике.

Когда страна, обладающая вторым по величине запасом ядерного оружия, занимающая огромную территорию на планете, сосредоточившая в своих руках управление энергоресурсами, обладающая опытом исторической миссии и противостояния всем и вся — фактически страна-континент, страна-цивилизация — бросает вызов Соединенным Штатам, НАТО, Энергетической хартии и всему мироустройству — это означает, что все маски сброшены. В данном случае Путин сказал, что однополярный мир категорически неприемлем, сказал, что система ПРО, создаваемая американцами в Европе, не может быть направлена против Северной Кореи — только против нас. Россия с этим категорически не согласна — и не может этого не замечать; что НАТО — это не наш партнер, а враг, который дестабилизирует политическую обстановку на всей территории своего влияния; что Энергетическая хартия, которую нам навязывает Европа, предполагая обеспечить доступ к российским энергоресурсам без симметричного открытия для русского капитала энергосистем Европы, — это унижительная, оккупационная модель договора: «Вы нам — всё, мы вам — ничего». Так говорят только с побежденными, которым предлагается подчиниться чужой воле. Путин просто объявил о том, что отныне Россия бросает вызов мироустройству и вступает на путь геополитической революции — ни больше ни меньше. Сделав такое заявление, Путин сам поставил себя перед необходимостью либо реализовать все это на практике, что означает радикальное изменение мировой ситуации — то есть доделать все до конца, стремительно создав ситуацию, которая сделает реализацию этой программы необратимой. Иными словами, от Путина все еще требуется политически обосновать эту программу — иначе он будет выглядеть просто несерьезно.

У Путина мандат на революцию в сознании

Проведенный в конце 2011 года социологическим факультетом МГУ им. М. В. Ломоносова общероссийский соцопрос, одним из итогов которого является констатация факта, что из властных персон наибольшим доверием у россиян пользуется Владимир Путин, не содержит в себе никаких сенсаций. Его главной особенностью, пожалуй, стало то обстоятельство, что он был проведен по инициативе академических социологов, в отрыве от какого бы то ни было заказа политических инстанций, как правительственных, так и оппозиционных. К большому сожалению, социология в России в последние годы стала инструментом в руках групп влияния, что существенно подорвало ее авторитет. В такой ситуации проведение соцопроса по-настоящему беспристрастными учеными является исключением, заслуживающим особого внимания. И полученные результаты, и характер анализа и интерпретации данных основаны на безупречно незаинтересованном, чисто научном подходе. То, что должно быть нормой, увы, является сегодня редчайшим исключением, которое требует особых комментариев. Одним словом, это был настоящий соцопрос, а не политическая агитка, от чего мы давно отвыкли.

Хотелось бы остановиться на интерпретации отдельных пунктов. Сразу оговорюсь, что эта интерпретация субъективная и вполне может быть оспорена другими комментаторами. Мой вывод покажется радикальным: в России нет демократии, в ближайшее время не будет, и, скорее всего, ее вообще не может и не должно быть. Из чего это следует? Из того портрета россиянина, который вырисовался в соцопросе, всецело подтверждая другие результаты многолетнего анализа общества, в котором мы живем, методом «включенного наблюдения». Мы видим, что по-прежнему значительный процент россиян доверяет власти, у большинства она персонифицируется в лице Владимира Путина. Это устойчивый монархический тренд, отражающий востребованность обществом сильной авторитарной фигуры. Соответствует ли этому ожиданию Путин? Скорее да, чем нет, а все несоответствие общество само достраивает, опираясь не на трезвый анализ, но на присущий ему глубоко укорененный миф.

Путин рассматривается в духе метафоры семьи, когда государство бессознательно воспринимается как «большая семья», а его глава — как «отец». В семье в отношении фигуры отца существует устойчивый комплекс авторитарного статуса, что подразумевает притупление критического сознания, склонность к субмиссии, соучастие в укреплении авторитета, а не в его подрыве. Когда личность главы государства или национального лидера это позволяет, дает хотя бы часть требуемого набора свойств, общественное сознание само достраивает всю остальную картину до модели патриархального авторитаризма. Инициатива исходит именно снизу — как выражение устойчивых и традиционно сложившихся «монархических» установок. Именно эта монархическая тенденция широких масс и создает условия для авторитарного правления, и вполне демократическими путями сами эти массы и ликвидируют содержательную сторону демократии, сдавая ее назад — власти, представленной фигурой отца. Это яркая черта традиционного общества, которая проступает сквозь демократический фасад. При этом, как неоднократно подчеркивают ученые, проводившие соцопрос, это не умаляет ни легитимности, ни легальности демократических процедур. Монархия в России вполне может быть легальной и легитимной и при наличии демократических процедур, которые функционально выполняют роль своего рода Земских Соборов. Так, мы имеем дело своего рода с «плебисцитарным авторитаризмом», когда

монархическое правление становится добровольным заветом широких народных масс.

Из опроса явно видно, что россияне отнюдь не теряют критического чувства. Например, оценка деятельности правительства в три раза ниже, чем оценка его главы, то есть того же Путина. Здесь мы видим вполне осознанный скепсис в отношении конкретных шагов власти, которые трезво и критично оцениваются и признаются неэффективными, неверно проводимыми, в целом неправильными. Рост озабоченности экономическим положением, безработицей, безопасностью, коррупцией и ухудшением экологической обстановки свойственен значительному проценту опрошенных. Иным словами, люди прекрасно понимают, что творится вокруг, и не одобряют (по крайней мере в значительной части) того курса, который преобладает. Хотя есть и существенный процент тех, кто всем доволен. Исходя из полной непредвзятости ученых, проводивших соцопрос, этой «удовлетворенности» тоже следует доверять. В итоге — согласно социологическому опросу — народ доверяет Путину, признает за ним право на решительные действия и требует этим правом воспользоваться.

Путин стоит на пороге новой роли — «человека судьбы». Таким были де Голль, Черчилль, Сталин. Такой Путин опирается на общество, руководствуется геополитикой, реализует национальные интересы, принимает вызов истории, живет и действует по формуле «государство, народ, общество — это я». Это накладывается еще и на существующий тренд на установление монархического устройства, легитимизированный и идущий от народа, снизу. Посчитается ли Путин при этом с правовыми нормативами? Возможно, да, но это совершенно непринципиально, так как он до сих пор крайне осторожно задействовал даже правовой потенциал, заложенный в формате президентской республики. Поняв, что народ — это на сегодня главная категория, надо растворить государство в народе и воссоздать государство из народа заново. И сделать это надо при помощи *нашего* Путина, которого можно даже «обожествить» (для большого дела ничего не слишком), для того чтобы он мог заниматься спокойно и размеренно великими вещами, не суетясь и не думая о каких-то там «выборах». Надо придать Путину статус «солнечного вождя» и укрепить его правление перековавшейся гибкой ксеноморфной элитой, присягнувшей на верность великому русскому народу. Вот тогда мы сможем воссоздать великую империю.

Глава 3

Испытание Путина

Заговор против Путина

События в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 года стали реальным вызовом тем едва установившимся евразийским инициативам Путина, которые вызвали наибольшую консолидацию общества, настроенного, в большинстве своем, в патриотическом ключе. Этим шансом незамедлительно воспользовались режиссеры патриотической пьесы «Первый срок», попытавшиеся осуществить обратный внутривластный идеологический переворот. Сразу после терактов 11 сентября либеральные политологи Глеб Павловский и Сергей Марков выступили инициаторами проведения «Гражданского форума», в оргкомитет которого вошли совсем уж одиозные персонажи, в частности — Элла Памфилова, Евгений Гонтмахер и Людмила Алексеева. Программа «Гражданского форума» была составлена группой Чубайса и несколькими представителями демократических кругов США. На вид — она ужасает. Ее содержание — самое чудовищное повторение недавнего темного прошлого. Это жестокая смесь Горбачева с ранним Ельциным. Возникал логичный вопрос: на что надеются люди, которые в стране с невозможным по определению «гражданским обществом» столь революционно настаивают на нем? И это при том, что они еще совсем недавно, ради приведения Путина к власти с огромным успехом задействовали в конъюнктурных целях противоположные принципы? Думают, что патриотическая фразеология может быть отброшена? Все эти вопросы заставляли задуматься. Было понятно, что мы имеем дело не с идиотами. Они не могут не понимать, что атлантистская риторика и «попперовщина»^[6] может активно эксплуатироваться лишь на экспорт. А это значило, что они клонят к чему-то иному. Поясню: позиция «Гражданского форума», с которым его инициаторы пытались в те дни сблизить лично Владимира Путина, не могла не вызвать существенных коллизий вначале в элите, потом — в политическом классе, а позже в массах. Путинский синтез, его формула патриотизм+либерализм, разваливался. Оставался только «либерализм» + определенный авторитаризм. Но при наличии откровенной сдачи наших внешнеполитических и геополитических позиций авторитаризм делегитимизировался. Это при том, что в наших исторических условиях маргинально-миноритарный либерализм отдельно, сам по себе, авторитаризм легитимизировать не может. Путин в отличие от харизматика Ельцина черпал поддержку именно в дезиндивидуализированном патриотизме, только на нем он и мог основать авторитарную систему, чего страшилась демшиза.

«Гражданский форум», таким образом, вел к падению Путина. Позитивного исхода (в электоральном или просто общесуппортном плане) из абсолютизации либерализма нет. Ничего из декларируемого не реализуемо. Но отрицательный исход был предрешен. Для страны он очевиден, но ее никто из правящих элит в расчет не брал. На самом деле «Гражданский форум» нанес реальный и серьезный удар по Путину. Потому что отвечать за провал пришлось бы именно ему. Таким образом складывалось, что остаточнo-либеральные кремлевские политтехнологи и «гражданские форумы» — отнюдь не либерал-романтики и не шизофреники. Если они что-то делают — они все просчитали. И яснее, чем кто-либо, они просчитали полную несостоятельность самой попытки построить в России «гражданское общество». Они помогли Путину прийти и укрепиться у власти, организовав высокотехнологичное устранение олигархов. Причем их они сделали козлами отпущения именно за их атлантизм. Получается, что, оценив в целом фигуру Путина и риски, связанные с реанимацией евразийских кадров при нем, определенная часть его команды — конкретно

группа Чубайса и нанятых им аналитиков — решила содействовать его смещению. Другими словами, перед нами был «заговор против президента».

Это во внутренней политике. Но и внешней следовало внимательно посмотреть на условия «Гражданского форума». Согласно им в первую очередь должна быть сформирована новая система коллективной безопасности, в которой Россия играла бы не консультативную, как сегодня в НАТО, роль, а решающую, наравне со своими партнерами. Эта система вряд ли могла быть создана совершенно «вне НАТО». При этом НАТО должна кардинально трансформироваться либо, что более вероятно, стать частью новой системы коллективной безопасности — антитеррористической коалиции по примеру антигитлеровской коалиции. Это звучит очень хорошо, но этого не произойдет никогда. Читайте геополитику. Теперь представьте, что это формальное требование абсолютно не сбывается (а оно не сбудется ни при каких условиях). В каком положении оказывался бы совершивший вышеназванные шаги с расчетом на этот и нижеперечисленные результаты?

Следующее условие — Россия должна быть признана страной с рыночной экономикой и демократической страной. Должны быть прекращены дискриминационные меры против российской экономики, российские товары должны быть допущены на рынки стран, которые хотят от нее союзнических действий. В том числе российский ВПК должен получить свободу действий на рынках вооружений стран НАТО. Этого тоже не произойдет никогда. Легитимация России как равноправного партнера стран Запада неприемлема для реальной американской политики, про ВПК я вообще не говорю. И люди, которые выдвигают этот тезис, прекрасно осознают, что они требуют невозможного. Вернее, не так: этого если и можно было бы добиться, то только силовыми методами, а не торгом, да еще с позиции слабого и обделенного. С сильным-то не церемонились, а со слабым — подавно. И этот пункт не сбудется ни при каких условиях. На словах республиканцы могут сказать по секрету, что ПРО нацелена не против России, так как «Россия — это эвфемизм», но против Китая. Однако на самом деле ПРО делается против остатков ядерного оружия в России и против возможности ядерного возрождения Евразии. Американцами интересы геополитического противника никогда не учитываются.

Третье условие. США должны отказаться от политики сдерживания России в зоне ее жизненных интересов — соседних странах. Это может быть предметом компромисса и договора, но эти соседние страны, входя в зону жизненных интересов России, становятся элементами Евразийского блока. Они не могут войти в эту зону под атлантическим соусом. Зона жизненных интересов России ограничена только зоной жизненных интересов США. Поэтому либо это будет какой-то кратковременной эфемерной инсценировкой, либо этого просто не будет.

И, наконец, — оценка политики России в Чечне должна быть пересмотрена с учетом того, что главной противостоявшей нам военной силой на Кавказе было ответвление мировой террористической коалиции. Ниже «Гражданский форум» фактически перечеркивает это требование: «Россия не заинтересована ни в каком карт-бланше в Чечне» и далее в том же духе. В итоге вся схоластика «Гражданского форума», ставящая невыполнимые в реал-политике задачи, была ориентирована на прямую дискредитацию Владимира Путина. Так как эти тезисы созданы не фантастами, а эффективными рассудочными циниками, то вопрос о заблуждении или гуманизме, что могло бы объяснить некоторые раннегорбачевские иллюзии, отпадает. Значит, ситуация была выстроена таким образом, чтобы в довольно скором времени свалить Путина.

Путин против «сестер»

События в «Норд-Осте» стали очередным, на уровне с терактами 11 сентября 2001 года, серьезным, историческим испытанием для Владимира Путина. 22 октября 2002 года террористы, захватившие заложников, поставили под вопрос судьбу России, политического режима, Владимира Путина. Двое суток судьба Российского государства была под вопросом. Это был не просто теракт, это была настоящая попытка государственного переворота. Но уже не идеологического, как с «Гражданским форумом», но реального, «горячего», жесткого. В тот момент авторитет Путина был основан на его политической и силовой реакции на теракты в Москве и действия боевиков в Дагестане в 1999 году. Россияне признали и выбрали Путина именно за модель его поведения в той ситуации и именно на этом был основан национальный консенсус его легитимности. Своим ответом на вызов чеченских сепаратистов Путин обозначил новую «повестку дня» российской политики после Ельцина. Эта повестка кратко была такова: «Самоценность, целостность государства Российского под сомнение ставится не должна». Путин закрепил этот тезис первыми шагами своего президентства. Все общество — интеллигенция, СМИ, чеченцы, Татарстан, губернаторы, думцы — были вынуждены с этим согласиться.

Однако в дальнейшем Владимир Путин после первых радикальных шагов введения федеральных округов, реформы Совета Федерации и высылки, а также «равноудаления» геополитических интриганов-олигархов — не подтверждал активными действиями свои ранние начинания. Из-за этого у всех игроков политического процесса создалась иллюзия отката к периоду позднего ельцинизма, особенно когда откат от намеченных государственных реформ сопровождался геополитическими уступками в пользу США, что особенно проявилось после 11 сентября 2001 года. Казалось, путинские реформы захлебнулись.

Видимо, определенным силам мировой геополитики, а также внутрироссийской потенциальной оппозиции — в лице сепаратистов, исламистов, некоторых олигархов и т. д. — представилось, что *наступил удобный момент для серьезной дестабилизации путинской России*. Они решились бросить Путину и в его лице России вызов, которым и стали трагические события на Дубровке. Вместе с тем очевидно, что в *теракте были заинтересованы кто угодно, только не сами чеченцы*. На тот момент чеченцы приняли путинские правила игры. Чеченская диаспора и ее авторитеты пошли на активное — практически поголовное — сотрудничество с властями и силовиками; Северная Чечня полностью признала федеральную легитимность, и даже большинство полевых командиров так или иначе приспособились к определенному — подчас парадоксальному — симбиозу с российскими военными. На повестке дня стояло политическое решение чеченской проблемы, которое в целом устраивало всех чеченцев. Теракт одним махом перечеркнул все это. Отныне чеченцы еще не скоро, даже чисто теоретически, смогут претендовать на статус «политического субъекта». У них как у народа больше нет прав. Остаются права граждан. Но политически чеченцев как этноса больше нет. На неопределенный срок.

Что же касается ислама, то силы, бросившие вызов Владимиру Путину и России, *не могут также проистекать напрямую из территорий ислама*. Ислам как цивилизация в определенных аспектах очень слаб, и для реализации своих стратегических геополитических интересов ему жизненно необходимы партнеры — Россия, Европа, азиатские страны, другие

потенциальные участники многополярного устройства. Исламизм, исламский радикализм — ваххабизм, Аль-Каида — действуют против интересов мусульман, против уммы, во имя идеалов собственной еретической секты — так называемый «чистый ислам», который смело можно назвать исламским протестантизмом — и на руку атлантистской однополярной геополитики. Поэтому исламистские террористы выполняют миссию не мусульман, а их противников, отстаивая интересы тех, против кого якобы направлена их борьба. Исламисты и их структуры — всевозможные «интернационалы» и «исламские комитеты» — должны быть стерты с лица земли. Это в интересах не только человечества, но и самих мусульман. Эти силы, напав на Москву, действовали против интересов ислама.

На Западе — и особенно в США — мнения о режиме Путина и его геополитическом значении разделились. Часть стратегов считала, что Путин приемлем для Запада и его лояльность США достаточна. Другая часть — Бжезинский, Волфовиц и т. д. — была убеждена, что Путин лишь отвоевывает хитростью для России передышку, и она скоро воспрянет. Эта вторая часть — с опорой на некоторые антипутинские круги бывших и настоящих россиян — решила цинично протестировать реальный статус системы Путина, которая, по некоторым внешним признакам, стала давать брешь за брешью. «Норд-Ост» стал своего рода reality check, таким же, каким спустя шесть лет стало нападение в августе 2008 года Грузии на Южную Осетию.

Очевидно, что теракт на Дубровке был организован с подачи этих геополитических сил. Исламисты-чеченцы — кстати, Мовсар Бараев был выкормышем именно исламиста Хаттаба и его помощника, которые были, как сегодня общепризнано, кадровыми сотрудниками ЦРУ — играли на руку совсем иным заказчикам. Каналы показывали «сестер», по-арабски, совершенно не по-чеченски завернутых в черную ткань, оставлявшую лишь прорезь для глаз. Позже выяснилось, что опорной инфраструктурой террористов в Москве оказалась совсем не чеченская диаспора. Когда террористы осуществили первый этап своего плана, многие вещи стали очевидными. Снова, как при позднем Ельцине, всплыли так называемые «демократические» политики: Хакамада, Немцов, Явлинский, Кобзон, даже пожилой Примаков, которого остаточные СМИ изгнанных олигархов с помощью террористов попытались реанимировать. Снова раздали забытые лозунги правозащитников — «Нет войне в Чечне». Если бы эта кампания достигла определенного уровня и Путин еще немного поколебался бы, его политическая легитимность была бы окончательно потеряна и мы бы оказались в совершенно иной стране. В этом и заключался коварный замысел: нерешительный в самом главном вопросе Путин — больше не Путин, а Россия — снова, как при Ельцине, — больше не Россия. На это и делалась ставка.

Серьезность вызова дополнялась и еще одним обстоятельством — если бы в результате штурма погибли все заложники, что было более чем вероятно, то Путину пришлось бы подтверждать свою правоту такими мерами, на которые он психологически был не готов. Кроме того, это могло вызвать неконтролируемую волну стихийного национального гнева, межэтнические трения, что поставило бы страну на грань гражданской войны. Организаторы теракта все рассчитали точно: с таким вызовом путинская система, не способная решить куда более простые задачи в благоприятных условиях и буксующая почти на ровном месте целых три года, не могла бы справиться. Владимир Путин должен был бы подтвердить свой радикальный выбор серией столь серьезных политических мер, что было бы критическим для страны и народа. Оставалось одно решение — узкие врата, решение в духе Симплигад.

Во время «Норд-Оста» — Путина, политический строй и Россию в целом спасли спецслужбисты. В этот раз силовики решили почти неразрешимое уравнение. Несколько секунд промедления — и число жертв изменилось бы в десятки раз, однако на кону было нечто большее. В руках чекистов была Россия. Они ее не потеряли. Они спасли Президента, спасли страну, спасли нас с вами. 26 октября 2002 года были спасены не только 700 заложников — была спасена Россия. После этого Владимиру Путину оставалось лишь закрепить свою тяжелую драматическую победу. Он оказался *«тем, что надо»*. Он оправдал веру тех, кто в него поверил. Он встал стеной на пути тех, кто решили, — из-за его колебаний — что из него можно вить веревки и все вернуть на прежние позиции. Как оказалось, нельзя. Тогда мы победили. Это было непросто. Это было оплачено дорогой ценой. Но это так. Погибшие люди — не отравленный скот. Они пали за Родину, за страну. Ведь каждый русский, каждый россиянин уже на войне — нас мало кто любит вокруг, и уж точно никто не жалеет. И мы должны быть готовы в любой момент заплатить за то, что наша страна — Россия, что наш язык — русский, что мы — граждане великого Отечества. *За величие, достоинство, гордость и свободу всегда надо платить*. Пощады нам не будет. Мы должны быть милосердны, но только поставив сапог на грудь поверженного врага. Не раньше того. Не раньше. В «Норд-Осте» президент Путин взял на себя новый аккорд ответственности перед нацией. Она ему верила, и не зря, что он и продемонстрировал. Но после этого от него ждали дальнейших действий. Руки у президента были развязаны, мандат доверия — возобновлен. «Да, он способен нас защитить, он способен сказать жесткое “нет” врагам», — про себя или вслух думали россияне от Камчатки до Калининграда. Он развеял сгущавшиеся сомнения.

В дни трагических событий на Дубровке адекватными российскими каналами, помогавшими Владимиру Путину, народу, силовикам, показали себя «Первый канал» и «Россия». Они с честью выдержали испытания. Это — действительно национальные СМИ. Странно повело себя ТВЦ. Показалось, будто тогдашний московский мэр Лужков только и ждал, что Кремль оступится, чтобы вновь заиграть свою сомнительную мелодию. НТВ продемонстрировало, что не способно изгнать до конца хмель фрондирующего псевдогуманистического цинизма. В целом СМИ вели себя адекватно, хотя ряд элементов вопиющим образом выходил за рамки национальных стандартов политкорректности. Нити, ведущие к русофобскому лобби, неизменно играющему на понижение статуса России и ее властей, сохранились и до сих пор. Поведение нынешних медиаактивистов, в основном перебравшихся в Интернет, не слишком далеко ушло от прямого пособничества террористам. Их исправит только нервно-паралитический газ. Однако в целом можно сделать вывод о том, как же далеко мы ушли с Путиным от страшных ельцинских времен. До 1999 года террористы давали бы свои пресс-конференции по всем российским каналам, общались бы с «Касьяновым» и «Путиным» по телефону, расстреливали перед облизывающимся «Киселевым» заложников...

«Норд-Ост» стал испытанием Путина еще и в том, что в очередной раз продемонстрировал: вопрос Северного Кавказа и безопасности в целом уперся не в силовые возможности и не в международное сообщество. Он уперся в коррумпированность политического класса — в том числе и военного. Решить эту тему невозможно без реальной и содержательной кадровой революции. Сегодня она не просто возможна, она неизбежна. Владимир Путин обязан придать реальное содержание тому, что он начал. Мы ждем от него, чтобы он продолжал быть самим собой, чтобы он стал наконец самим собой. И мы всем

сердцем его в этом поддержим.

Искушение пустотой

Помимо «горячих» внешних и внутренних вызовов и чрезвычайных ситуаций Путину пришлось столкнуться и с вызовом «мирного времени», с мировоззренческим вызовом повседневности. Внутренняя политика России в какой-то момент оказалась на перепутье. С одной стороны, в партийной и парламентской жизни была достигнута предельная ясность: все в руках пропрезидентской «Единой России», которая, в свою очередь, в руках самого Путина. Либеральная, национал-патриотическая и коммунистическая фронда настолько маргинализована и рассеяна, что никакой угрозы ни для кого не представляет. В обществе все признаки политического консенсуса. Путинская Россия спокойна, сосредоточена, умиротворёна, управляема. Надо признать, что в таком политическом «замирении» огромную роль сыграли технологии. Пользуясь тем, что российская партийно-политическая жизнь в 90-е была сама по себе искусственной, «театральной», «манипулятивной», кремлевские политтехнологи, — в первую очередь Владислав Сурков — вышибли «клин клином» и довели «балаганный» и «разводочный» характер до абсурда: шоу победило шоу. Иными словами, прямое отсутствие политики — в партийном воплощении — победило «видимость политики», ее суррогат, ее дубль. В политической жизни России остался один политический гигант — «Гулливер» Путин^[7] вместе со своей верной «тенью» в лице «Единой России», и несколько второстепенных жестко манипулируемых партийных шоу-проектов — для «демократии».

Деполитизация стала основой «новой политики», и в этом есть много положительного. Откровенно говоря, России сейчас, действительно, не до политики: возня тщеславных и ограниченных себялюбцев — «лидеров», вялых полупенсионных организаций маргиналов-неудачников, игры в партийные шашки лоббистов-олигархов друг с другом и с административным аппаратом — все это никак не затрагивает ни населения, ни реальных проблем, ни конкретных идей и стратегий. Показательно, что у российских партий нет даже намека на последовательную философию политики, повсюду — случайный конгломерат разрозненных популистских лозунгов. Ни у одной из партий нет ни идеологических журналов, ни институтов, ни внятных экспертных центров, ни интеллектуальных фондов. Позитивная сторона деполитизации делает главным и почти единственным политическим субъектом самого Путина, дает ему необъятный мандат политической свободы. То, что ему ничто не мешает, само по себе замечательно: Путин отныне фокус российской политической жизни, полюс ожиданий, надежд и чаяний. Деполитизация дошла сегодня до своей критической черты, где Путин вполне может сказать, перефразируя Людовика XIV: «политика — это я». Но тут обнаруживается второй аспект проблемы: «если Путин и есть политика, то каково политическое содержание самого Путина?» Конечно, большинство россиян угадывают Путина, интуитивно расшифровывают — даже не столько его слова, сколько его молчание. Микрожесты, мимика, движения, интонации Путина, безусловно, само по себе уже «политический курс», в основных чертах понятный и принятый населением. Путин за Россию, Путин не Ельцин, Путин против олигархов, Путин за повышение ВВП, Путин против безобразий, терроризма и экстремизма, Путин за модернизацию, Путин независим и самостоятелен, Путин силен, отчасти жесток, отчасти терпелив. Это вполне годится на роль политической повестки дня. Это и есть наша политическая повестка дня, но отныне она — по самой логике развития социальных

процессов — должна быть переведена из подразумевания в ясные отчетливые формулировки, из намеков — в утверждения, из настроения — в идеологию, из поползновений — в стратегию, из пожеланий — в план. А это требует нового курса.

Демонтаж того, что подлежало сносу, завершен. И на том предыдущем этапе, наверное, действительно, тактически было правильно сообщать нации о второй — позитивной — половине программы лишь намеками. Это деморализовало противников, путало планы тех сил, которые, консолидировавшись, причинили бы серьезные неприятности, если бы Путин провозгласил заранее, что он хочет получить в конечном итоге. Но теперь ситуация существенно, качественно, глубинно изменилась. То, что было достижением предшествующего этапа — деполитизация — в свою очередь, становится угрозой, препятствием, вызовом. Годы эффективной ставки на «технологии» создали в управлении страной определенную инерцию, стали «традицией». И определенным политическим игрокам путинской команды, которые были оптимальны, эффективны ранее, трудно остановиться, перестроиться. А значит, и на самого Владимира Владимировича будет оказываться определенное влияние: раз система намеков и технологий так эффективно сработала ранее, давайте сохраним этот же стиль, давайте создадим новые искусственные политические проекты, блоки и партии, раздадим карты, а потом снова их успешно разложим на составляющие и спутаем. Это искушение пустотой, бессодержательностью. Искушение аполитичностью, отсутствием политики.

Ряд знаковых назначений последних лет на вершине российской власти показывает, что этот сценарий — замораживания деполитизации — вполне реалистичен. Технологическое манипулирование демократией, обоснованное ранее, сейчас может остаться основной стратегией и задержать, а то и вовсе отменить содержательное наполнение российской политической жизни новым — качественным, путинским, державным смыслом. Иными словами, главный субъект российской политики — Владимир Владимирович Путин сегодня стоит перед дилеммой: строить ли на пустом месте новую смысловую политическую конструкцию, делегировать ли, в первую очередь — своим сторонникам из «Единой России», Правительства, Парламента и Совета Федерации мандат на выработку органичной, последовательной идеологии, национальной стратегии, актуальной политической философии или оставить все как есть; законсервировать статус-кво, дергать за ниточки послушных и бессубъектных марионеток, от которых ничего, по сути, не зависит. Этот выбор не очевиден и в любом случае сопряжен с риском. Если Путин решится на строительство содержательной политики, идеологическое оформление полноценной стратегии, он инвестирует свой личный капитал в политическую систему, которая в перспективе сможет жить и развиваться независимо от него. В этом случае Путин делится той концентрацией политической субъектности, которая накоплена им, с другими. Причем не только со своими последователями, но и с возможной оппозицией, которая получает идеологическую легитимацию, содержательность и возможность полноценного идейного и политического диалога. Риск для Путина — очевиден, но такова цена за место в истории, за создание чего-то большего, нежели отдельная личность и даже ее самая головокружительная карьера.

Но может быть избран и второй путь — «консервации пустоты». Режим деполитизации сохраняется, политические силы и партии остаются номинальными и управляемыми, технологии имитируют политику, оппозицию, продолжая подменять реальность спектаклем, проявления общественных, экономических интересов, борьбу идей — нервным шоу, демократию — отталкивающей имитацией. Это не менее рискованно для Путина, так как в

итоге разочарует и его сторонников, и мыслящий класс, и — при возможных социально-экономических трудностях — широкие слои населения. Уже сегодня бессодержательность СМИ, партийной и парламентской политики, неясность и непоследовательность экономико-социального курса вызывают растущее раздражение, которое гасится только агрессивными манипуляциями кремлевских технологов. Эта проблема будет нарастать, и не исключено, что сама «пустота» станет для Путина источником серьезной политической угрозы. В любом случае специфика современной ситуации такова, что область рождения и созревания политической философии, национальной стратегии, новой государственной идеологии еще некоторое время будет находиться вне прямой партийной политики. В сложившейся системе резко возрастает роль, статус и значение общественных движений и организаций, которые — в силу их формальной отделенности от политических (манипуляционных) процессов — пользуются свободой от навязчивого контроля «управляемой демократии». Реальная политика в России должна органически состояться, взреть и укрепиться в мыслящем сегменте реального общества; именно там, видимо, начнутся процессы выработки содержания, тогда как на поверхности в лучах политической рампы еще какое-то время будут по-прежнему кувиркаться веселые клоуны или невеселые неуклюжие дрессированные животные. Путину предстоит найти ход к континенту политических смыслов, к тайной стихии содержания. Это, безусловно, его проблемы, но это и наши с вами проблемы. Ведь он — это мы, а мы — это он. Свято же место пусто не бывает.

Путин и пустота

От консервации пустоты Путину на душе грустно. Он редко смеется, улыбается только ртом, глаза остаются встревоженными и напряженными. Он явно что-то подозревает. Что-то движется против него, ползет, извивается, прячется... Все время ощущение какого-то тайного сырого неприятного присутствия. Но как только рука Путина пытается его схватить, зафиксировать, оно ускользает от него, и снова нападает чувство тревоги.

«Только чайки кричат, одиноко кричат...»^[8]

За первый восьмилетний президентский цикл Владимир Путин демонтировал ельцинскую политическую систему. До основания. Не трансформировал, не преобразил, а развинтил. Он делал это последовательно и тихо, со спокойно-тревожным блеском в грустных санкт-петербургских глазах, где плавают серые волны холодной Невы и там и здесь мелькают серые вспышки чаек над мелкой рябью. Накануне выборов Президента Путин смотрит на политическую карту России — плод своих усилий и что-то думает. Что? Никто не поймет до конца этого сдержанного человека, он умеет скрывать эмоции и мысли ото всех. Он смотрит вокруг себя — на партии, экономические кланы, конкурентов, сподвижников и не видит никого. Он сломил все формы фронды, распутал все интриги и узлы оппозиции, приморозил к полу то, что двигалось в подозрительном для него направлении. И везде он достиг успеха. Изгнаны и посажены бунтовщики-олигархи, высмеян, смят и расстроен национал-патриотический лагерь, с которым билась и забавлялась власть при Ельцине, по струнке движутся губернаторы и члены Совета Федерации, всесильный мастер политических сновидений Александр Волошин «исчез в неизвестном направлении», туда же отправился ельцинский переговорщик Касьянов — отставлен вместе с кабинетом.... А за ними и все остальные ельцинские кадры по списку. Почти все. Из думы же без вести пропали СПС и «Яблоко», удрученные победой патриоты из четырех смиренных партий, слившихся в единый серый комок, тихо замерли на скамейках, злобно озираясь покорным взглядом в никуда. Ничего, совсем ничего.

Путин один на один с ничто. Нет соперников, конкурентов, врагов, оппонентов. Вокруг пустота. Она-то и есть главный враг, субъект диалога, соперник и оппонент. Путину предстоит сразиться с пустотой. Но эта серая, тягучая пустота живет, копит в своей вакуумной утробе злорадный смех, ядовитый укус. Она растворяет Путина, давит на уши, приходит в полночь, скребется изнутри. Победив всех, Путину осталось справиться только с ней, с ее величием пустотой, и, даст Бог, мы — страна, народ, общество — тронемся с мертвой точки, из нулевого цикла, в который сбросила нас катастрофа перестройки и реформ.

Новый год без политиков и «голубых»

То, что в российской политике накануне переизбрания Путина на второй срок все изменилось, легко и наглядно было показано в новогоднем эфире. Кроме переодетого матросом Жириновского, который старательно и аккуратно исполнил легкий рэп, на российских каналах полностью отсутствовали политики. Впервые за последние десятилетия,

ведь раньше вместе с певцами, клоунами и юмористами, подвыпившими телеведущими и лучезарными спортсменками, всю новогоднюю ночь кувыркались в бенгальских огнях и искрах шампанского немцовы и хакамады, шандыбины и явлинские, кириенки и чубайсы. Политики были частью шоу-жизни нашего народа, они вплетались в медиапланы наступающего года и по объему их новогоднего мелькания политологи строили прогнозы: «акции Явлинского упали», а «Хакамаду с Надеждиным будут раскручивать», «Райкову ничего не светит», а вот «Жириновский снова в фаворе у власти». В ту новогоднюю ночь удивленные политологи впервые сухо поместили в блокнотах: ничего не было, одни юмористы и жалкий голосок девушек из «ВИА ГРЫ». Никакой политики теперь не будет. Вернее, будет, но в другом статусе. Путин спроецировал свой индивидуальный сценарий года на чутких составителей новогодних эфиров — во всех монтажках после обнародования результатов выборов 7 декабря 2003 года безжалостно затирали заранее заготовленных немцовых и хакамад с бубнами и маракасами... Их игривые песенки победы выглядели бы кощунством. А вместе с ними стерли и всех остальных. Это знак. Прощайте примелькавшиеся и такие знакомые россиянам рожицы... То, что вы хотели нам сказать, отныне будут сообщать Задорнов, Петросян и Киркоров. В лучшем случае «Ночные снайперы». Самый удачный теленовый год тогда, кажется, прошел на «Рен-ТВ». Самый путинский. Название говорило обо всем. Начинается исход голубых из телевидения. «Голубой» огонек — это не по-путински. Хотя выдержать чистоту «неголубизны» не удалось и на «Рен-ТВ», но все же пропорция мордатых полунонконформных гетеросексуалов и нормальных теток в прозрачных пеньюарах была внушительной. Шнур был хорош, он явно символизировал «питерских чекистов».

Год Сурка

Мы, политологи, знаем имена тех, кто привел Путина к пустоте. Самая большая заслуга в этом принадлежит Владиславу Суркову, заместителю главы Администрации Президента. Его по праву можно назвать не только «человеком года», но и всей путинской первой восьмилетки. Сурков знал ельцинскую систему до мелочей, как самый высококлассный программист знает устройство операционной системы. Ему ничего не стоило запустить новую программу или вбросить смертоносный вирус в партию или иную политическую организацию. Как никто другой, Сурков, когда-то женатый на владелице салона кукол, осознавал инструментальный характер политического театра Ельцина. Сурков был активным игроком политических разводов еще тогда, когда могущественные олигархи устраивали между собой национальные войны, швыряя друг в друга телеканалы, политические партии, целые отрасли промышленности под носом у осоловелого, бессмысленно тиранического Ельцина. Владислав Юрьевич работал в ЮКОСе, в «Альфа-банке», в Думе, в области пиара и ТВ (с Гусинским и Эрнстом). Сурков, видимо, лучше всех остальных технологов того времени понял, как сопрягаются между собой олигархи, телеканалы, звучные лозунги, политические партии, думские фракции, областные интересы и т. д. Политическая Россия была для него как освоенный «кубик Рубика», он легко мог собрать его, и при необходимости тут же спутать разноцветные шашечки.

Сурков поднялся именно при Путине, как «спец», стремительно схвативший заказ нового начальства. Патронируемый Волошиным Сурков был наиболее действенным — главным — модулем в создании «управляемой демократии». Пришедшие вместе с Путиным

«питерские патриоты» и «силовики» уступали Суркову в главном: в понимании основных приводных ремней российской политической операционной системы. Сурков понял (в общем-то, все это поняли), что Путин явно стремился с самого начала сократить количество центров власти в России, проредить игроков, и с энтузиазмом взялся за это. По сути Сурков принялся сдавать своих — олигархов, региональных баронов, телемагнатов и, наконец, демократические партии, то есть те структуры, которые доминировали в ельцинской системе и которые на разных этапах входили с Путиным в противоречие. Путин взял курс на борьбу с другими игроками, которых он переместил в лагерь «противников», но исполнил эту борьбу застенчивый и улыбочивый политтехнолог Владислав Сурков.

Суркову, в отличие от «питерских», у которых все постоянно падало из рук, на удивление удавалось все. Как в фильме «День сурка», Владислав Юрьевич по многу раз одним и тем же остроумным приемом обводил вокруг пальца партию за партией, олигарха за олигархом, губернатора за губернатором, политика за политиком, и всякий раз цикл начинался заново. Так мог действовать только тот, кто был абсолютно уверен в механистичности всей российской политической системы, в ее полной искусственности и неорганичности. По многу раз повторяя систему обещаний и невыполнений в отношении всех основных политических игроков, строго и эффективно исполняя при этом указания Путина, Сурков разогрел политический механизм до такой степени, что произошло короткое замыкание. Посадка главы ЮКОСа, непрохождение в думу либералов, смена незыблемых президентов Рахимова и Шаймиева и даже самого Лужкова — за всем этим напрямую стоял именно Сурков. На сегодня заказ выполнен, поле расчищено, игроков в российской политике больше нет. Грустный Путин с редкими чайками в глазах смотрит в окружающую его тьму. Прошлый год, как и позапрошлый, как и позапозапрошлый, был очередным годом Сурка.

Бойкот и его срыв

Перед глазами до сих пор стоит картина: вчерашние игроки, павшие жертвой путинской стратегии, в декабре 2003 года судорожно пытающиеся предпринять хоть что-то перед президентскими выборами. Скорее всего, вдыхающий сырость Темзы опальный олигарх, как самый быстро соображающий, первым предложил: раз Путин низвел всех оппонентов до микроскопического размера и сопротивляться этому далее бессмысленно, давайте оставим его наедине с самим собой, предоставим его пустоте, а сами сосредоточим усилия на его «демонизации» в глазах Запада. Так Березовский (кто же еще) тогда решил использовать пустоту против Путина. А значит, прав был Президент, тревожно всматриваясь в нее. Пустота может кусаться. В результате в далеком декабре 2003 года в среде поверженных олигархов, либералов и других фрондеров родился план бойкота. Смысл состоял в следующем: «Яблоко», СПС и КПРФ не выдвигают своих кандидатов в президенты и тем самым Путин будет вынужден конкурировать с шутовской фигурой Жириновского и с еще более невразумительными маргиналами. Если нашему народу такой сценарий был бы безразличен — безальтернативность Путина понята и принята всеми как данность, то для Запада это был бы действительно серьезный аргумент, чтобы сдвинуть Путина в разряд «правителей оси зла» — таких как Ким Чен Ир, Лукашенко, Ахмадинежад и т. д. Этот проект мог стать началом довольно серьезной антироссийской кампании.

И снова на решение этой проблемы был брошен Владислав Юрьевич. Результаты его

невидимой работы мгновенно дали о себе знать: пустота была экстренно задрапирована. Для начала Сурков обошел угрозу бойкота со стороны КПРФ угрозой выдвижения Глазьева и давлением через подчиненных Кремлю Семигина — Купцова. Компромиссный вариант выдвижения Харитонова устроил всех: Зюганов оправдался перед олигархическими спонсорами, а крупная оппозиционная партия согласилась на участие в президентских выборах — тем самым легитимизировав их. Дальше — больше: шутовской имидж Жириновского в сочетании с Путиным был бы довольно скандальным, особенно на фоне подскочившей популярности ЛДПР. И здесь проблема решается выдвижением от крупной парламентской партии невразумительного персонажа из охраны, который будет присутствовать и участвовать, но предельно дисциплинированно и безмолвно. И, наконец, последняя точка в легитимации выборов — вброс в них Хакамады. Этим была пробита брешь в позиции наиболее стойко придерживавшихся изначального сценария бойкота либералов.

В диске питерского композитора Алексея Вишни «Полит. техно», выпущенного под Новый год (говорят при продюсировании Суркова), в эффектной техно-композиции, сделанной в виде ремикса из слов Ирины Хакамады, детский мультипликационный голос произносит в качестве рефрена: «Все ясно, тетя — бяка». И далее голосом диктора Кириллова — «Наступает...», и снова — «бяка, бяка, бяка!» Явно это было зашифрованное послание о том, что планировал сделать с Хакамадой искусный оператор с пустотой. Год Сурка продолжился. Единственное, что несколько оживляло эту малопривлекательную механику вуалирования пустоты президентских выборов, это фактор Глазьева.

Глазьев и пустота?

Глазьев и блок «Родина» — это, несомненно, политический артефакт. Хотя сам по себе Сергей Юрьевич представлял на тот момент фигуру «политического ботаника», ему все же был присущ дух карьеризма — классическое для лимитчика-студента умение выбрать правильный брак, чтобы остаться в Москве (Глазьев — зять академика Львова), живость попадания в перспективные политические инициативы — будь то правительство Гайдара, команда Строева, блок Лебеда или фракция КПРФ. Не имея ясных идей и организационных способностей, Глазьеву хорошо давалось искусство проехать на каких-то структурах и без сожаления вовремя с них спрыгнуть. Так было с правительством Гайдара, с Демократической партией России, с Советом Федерации, с КПРФ, с КРО. Глазьев по жизни мигает, но всегда в свою пользу. В этом он не одинок. Переломным моментом его политического бытия были выборы губернатора Красноярского края в 2002 году, когда он с опорой на КПРФ получил третье место и общенациональную раскрутку.

Смысл Глазьева был в том, что огромные массы россиян симпатизируют патриотизму, помноженному на социализм, но при этом полностью разочарованы в бородавчатом Зюганове, который угрюмо обманывает ожидания этого сектора из года в год без всяких перспектив. Глазьев был воспринят этой огромной социал-националистической массой как надежда. Не потому, что Глазьев какой-то особенный, истинный или хороший, но потому, что Зюганов чересчур заурядный, фальшивый и никуда не годный. Так появился Глазьев. И Сурков тут же обратил на него внимание. Отличный кадр для новых разводов. Он продолжит нам «день Сурка» на многая лета. Так думал Сурков, задумчиво перебирая аккорды. Сурков слепил «блок Глазьева», который в девичестве назывался по-гельмановски

«Товарищ» (Марат Гельман — в то время помощник Суркова по пиару на ТВ в общем, и на «Первом канале» в частности), но потом — с приходом Рогозина, которого Сурков делегировал для контроля над Глазьевым, — посуровел до «Родины». Это была отличная вещь: с помощью этого сурковского детища была фундаментально «опущена» КПРФ, изгнаны из парламента либералы. Таким образом, сенсационный успех «Родины» породил не просто тотально управляемый Кремлем парламент (то есть расширение пустоты), но и открыл новое пространство для грядущих манипуляций. Пролетевшие с бедной «Народной партией» и двухспикерским блоком^[9] «питерские» плакали, утешаясь лишь тем, что Сурков подбросил им очередную дезу: что печалиться провалом ваших патриотических проектов? — Идеология «Родины» — ультранационалистический хард-кор, значит, вы добились своего. Теперь Глазьев должен был дать последний аккорд, выступить от пустоты. Да так, чтобы она оставалась пустотой, с одной стороны (на этот счет Глазьев дал Суркову подписку о невыдвижении самостоятельно на пост президента РФ), но в то же время выглядела как непустота.

Это и была интрига президентских выборов 2004-го: Глазьев. Он и был полупустота (потому, что не менее марионеточная и ползучая изнутри фигура, чем все остальные), но в то же время полунепустота (так как на нем мог сосредоточиться при определенных обстоятельствах тот сектор населения России, который является носителем довольно ясных и последовательных идей национального возрождения). Иными словами, Глазьев стал полуреальным-полуфиктивным конкурентом Путину. Наполовину он такая же кукла, как остальные, но наполовину — нет. Эта вторая некукольная половина могла стать реальной проблемой. Год Сурка перекинулся.

Банкиры приходят в полночь

Возможность перевести формулу «Путин и пустота» в формулу «Путин и не совсем пустота» (то есть Путин и Глазьев) породила серьезные флуктуации в корпорации «день Сурка». Так родилась идея на всякий случай помножить полупустоту еще раз на пустоту, чтобы от пропорции один к одному перейти к пропорции три к одному. Так рождается затея выдвинуть от «глазьевского» (на самом деле, еще одного сурковского) блока банкира Герашенко. Наивные журналисты поспешили истолковать это как результат разногласия Рогозина с Глазьевым. Коллеги, вы внимательно рассмотрели лицо Дмитрия Олеговича? В каком именно фрагменте там запечатлены воля и ум? По крайней мере, в той концентрации, которая предполагает столь резкий и экстравагантный жест, как выдвижение от «глазьевского» блока другой кандидатуры, нацеленной на конкуренцию с Глазьевым? Нет, это Слава Сурков перебирает аккорды, мурлычет себе под нос, а бравый пожилой банкир тянется в избирком на блистательной черной машине. Прибыл новый кортеж пустоты.

«Маленькая страна»

Однако тогда Сурков все же выдал себя, и, скорее всего, на сегодня дни его сочтены. Все внимательные аналитики не смогли не обратить внимания на то, что протранслировала нам на том же Рен-ТВ сурковская рок-группа «Агата Кристи» (Слава поет в ней на досуге, сочиняет песни, по секрету дает послушать друзьям). Два лохматых наркоманы на

«Неголубом огоньке» уныло дурными голосами ныли слова незамысловатой песенки «Маленькая страна». Увы, это был фатальный прокол непревзойденного Славы. Ведь это было воспринято не иначе, как его политическая программа. Дальнейшая реализация пустоты приведет к сокращению территорий России, прервет евразийскую интеграцию, пробудит новую волну сепаратизма. Это объясняло закулисную политику Суркова по лоббированию Илюмжинова, Шаймиева, его brutальное вмешательство в башкирские выборы и организация снятия альтернативы Рахимову, относящиеся к тому же 2003 году. Сурков — устами своих младенцев — хочет «маленькую страну». Наша страна для него слишком большая, она мучается под ярмом Славиной пустоты, в тисках вечно повторяющегося «дня Сурка» и рвется к Путину, силится сказать ему что-то важное и непустое через удушающий газ манипуляций, разводок и кукловодных игр. Это опасно, «большая страна» таит в себе угрозу таким, как укуренная «Агата Кристи», карманные корявые «серафимы» и их циничный патрон.

По ту сторону пустоты

«Большая страна» — это и есть реальная альтернатива пустоты, но не против Путина, а за него, вместе с ним, как завет, как задание, как высшая цель. И вот уже отправлено в отставку ненавистное для населения правительство Касьянова, в результате чего в период предвыборной кампании президент, безусловно, имеет свободные руки для того, чтобы идти навстречу избирателям. Ведь он действительно зависит от народа, от россиян. И в этот момент президент обращается к стране. Страна ненавидит правительство, страна ненавидит чиновников, ненавидит людей, которые фактически покончили с политикой, которые превратили бюрократию в единственный действующий класс, уничтожили культуру, экономику, всю социальную сферу. Даже если бы президент, например, расстрелял правительство, народ все равно был бы доволен. Даже еще больше. Какая актуальная картина — возвращение Путина — 2011–2012 — страна ненавидит чиновников, ненавидит людей, которые фактически покончили с политикой, которые превратили бюрократию в единственный действующий класс, уничтожили культуру... Только сейчас Путин по-настоящему становится Путиным, демонстрируя в течение последнего года эту решимость становления очень яркими, внушительными, понятными народу и политическим элитам шагами — начиная с ареста Ходорковского, через отставку Волошина, недопущение в думу либеральных партий СПС и «Яблоко», отставка олицетворяющего либеральный блок правительства Кудрина... Остается поблагодарить за проделанную работу Владислава Суркова и Анатолия Чубайса, и Путин окажется в совершенно другой стране, вместе со своим народом — с путинским большинством, и с разрозненной, нечленораздельной, либерально-коммуно-фашистской оппозицией. За порогом этих самоочевидных выборов, с заранее predetermined исходом, мы пытаемся рассмотреть иного Путина, героя, преодолевшего пустоту. Мы уже угадываем его черты, «его сурок не с ним». Путин также печален, тревожен и напряжен, но уже для новых свершений и новых осмысленных, содержательных, национальных деяний. Путин по ту сторону пустоты. Наш, евразийский Путин.

Путин и пустота-2: политическое одиночество

В канун выборов только ленивый не отметил, что президент Путин находится вне конкуренции. И уже всем очевидно, что нас ждут не столько выборы, сколько всенародное подтверждение мандата Путина в качестве национального лидера. У Путина нет реальных конкурентов, нет реальной оппозиции. Путин один. Ему противостоит ничто, пустота. Можно было бы только порадоваться, но эта пустота несет в себе скрытые риски, опасности, неувловимую и от этого еще более зловещую угрозу.

Он слегка «подсобрал» Россию

Путин пришел к такой безальтернативности не сразу. Первую волну популярности ему дала жесткая позиция по Чечне, его державный стиль, который так контрастировал с размазанным и вялым ельцинским периодом. Народ понял, что Путин намерен «подсобрать Россию»: на тех условиях, с его стороны, что он оставит как есть либеральную экономику, продолжит рыночные реформы и сохранит добрые отношения с Западом. На это пошли практически все игроки российской большой политики. Державность и жесткий стиль импонировали патриотам, и даже коммунистам, либерализм и умеренное западничество — либералам. Путин стал тогда фигурой консенсуса элит. На его фигуре сошлись все основные силы. Но тот Путин был другой, нежели сегодня, накануне второго президентского цикла. Он действовал далеко не в вакууме — ему приходилось считаться со многими силами, факторами, игроками, учитывать позиции многих влиятельных фигур и кланов. За эти годы Путин добился того, что к нынешним выборам этих сил, фигур и кланов практически не осталось. Не то, чтобы они исчезли вовсе, но их влияние, самостоятельность и свобода были снижены до критической черты.

Структура непустоты

Как шел Владимир Путин к этой предвыборной пустоте? Ведь в начале его президентства рядом с ним, почти вровень с ним, были: «семья» — группа влиятельнейших личностей, правивших ельцинской Россией; региональные фрондирующие бароны, структурно объединенные во влиятельный орган — Совет Федерации, и политически — в умеренно оппозиционную партию «Отечество — Вся Россия»; неуклонно повышающие степень независимости от центра национальные республики — Татарстан, Башкирия, Чувашия, Саха и т. д.; неугасимый (как казалось тогда) очаг сепаратизма и террора в Чечне; всемогущие собственники СМИ, медиамагнаты, способные легко превратить черное в белое; крупные олигархические кланы, опирающиеся на международные концерны и корпорации, и почти независимые от национальной администрации, действующие как нечто «транснациональное» и «экстерриториальное»; влиятельные оппозиционные политические партии, претендующие на равный диалог как «справа» (СПС, «Яблоко»), так и «слева» (КПРФ). Вся эта «непустота» постоянно предъявляла ультиматумы, боролась за влияние, ставила условия, плела интриги, враждовала между собой, устраивала шумные пиар-акции национального масштаба. За всем этим, собственно, народ, россияне, простые люди как-то терялись, размывались, превращались в смутное пятно «молчаливого большинства».

Целых два срока Владимир Путин расчищал эти завалы, методично и последовательно сокращая количество независимых игроков. Сегодня эта задача в основном успешно завершена. Вокруг Путина, рядом с Путиным практически никого нет: независимость от «семьи» достигнута (от семейных остался лишь Владислав Юрьевич Сурков); Совет Федерации реформирован и обескровлен; «Отечество — вся Россия» слилась в пропрезидентскую «Единую Россию», поставленную на беспрекословную службу Путину; национальные республики, шаг за шагом, сдают свои претензии на суверенитет, не отваживаясь более открыто конфликтовать с центром; Чечня отвоевана и в целом «замирена» и отремонтирована; самые буйные олигархи выдворены из страны или сидят; СПС не существует, «Яблоко» больше не парламентская партия, а КПРФ количественно, организационно и морально усмирена. Путин остался наедине с самим собой. Предстоящие выборы — это бой с тенью, танец в пустоте...

Что дальше?

Сегодня остро стоит вопрос, но уже не английский — «Who is Mr. Putin?», а русский: «Что дальше, Владимир Владимирович?» Чтобы угадать, пусть приблизительно, ответ, давайте посмотрим, что объединяло все те силы, которые сегодня исчезли с авансцены российской политики, и отсутствие которых порождает эту новую угрозу — «угрозу пустоты». То, что выступало в первую восьмилетку правления Путина в качестве «самостоятельных игроков», число которых неумолимо сокращалось до нуля, в целом можно определить как «силы распада». Они возникли на обломках империи, способствовали ее исчезновению, эксплуатировали энергии распада (экономики, государства, культуры, общества, нации), планировали и в дальнейшем способствовать разрушительным процессам, видели себя «посторонними» в отношении России, «временщиками». И олигархи, и либералы, и сепаратисты, и демократы-западники, и медиамагнаты ставили на понижение котировок акций России как корпорации, сбывали их по демпинговым ценам, налаживали механизмы «тотальной ликвидации». Это были различные департаменты единой операции — операции Sale, «распродажа». Они и были влиятельными именно потому, что платежеспособные фигуры находились в это смутное время только за рубежом: оттуда и исходил многомерный заказ на «распродажу» Родины — в идеологическом, экономическом, культурном, территориальном выражении.

Не надо строить иллюзий: «на Путина» «продавцы России» согласились как на временный ход, считая, что реальный контроль за ситуацией останется у них в руках, и они — вместе с зарубежными заказчиками — смогут сохранить структуру управления за собой.

Но эти расчеты не оправдались. Путин начал методично и неторопливо выкорчевывать из российской политики основные полюса «внешнего управления», понижать влияние его проводников до критически низкой шкалы.

Черви неусыпающие и «новые путинские»

Следует признать, что Владимир Путин осуществил начальную часть программы. Первый президентский цикл, что сейчас уже не подлежит сомнению, был посвящен превращению российской политики в «чистый лист», стиранию доставшегося в наследство «грязного листа». С этим Путин справился, и сегодня — накануне выборов — он находится в

любопытной ситуации: негативная программа «борьбы со злом» (в его наиболее ярких и агрессивных формах) выполнена, зато о будущем курсе можно только догадываться.

Итак, пустота, о которой идет речь, очень сложное явление. Во-первых, в ней могут гнездиться завязи «новых заговоров». Такое использование пустоты уже предложили опальные олигархи, пытавшиеся в 2004-м объявить «бойкот выборов». Мол, раз у Путина нет альтернативы, мы сделаем из него «диктатора», «демонизируем» его, превратим в глазах Запада в «персону нон грата». Другими словами, не имея шансов предложить позитивную альтернативу, весь спектр проигравших может сплотиться для того, чтобы организовать саботаж, ловко используя любые просчеты в президентской стратегии и тактике. Но сегодня у Путина нет альтернативы в гораздо большей степени, чем тогда.

Тогда с «бойкотом» выборов Путину удалось справиться: от основных политических сил были выдвинуты номинальные и неопасные фигуры, и правила фасадного плюрализма соблюдены. Но, зная, какие силы играют против России и ее возрождения, можно не сомневаться, что тактика «бойкота» — это была лишь проба пера. Раз не получилось, стратегия пустоты со стороны врагов Путина вновь даст о себе знать. Но теперь, возможно, в гораздо более жестких сценариях.

Во-вторых, пустота — это набросок новой содержательной программы Президента — нового Путина, Путина второго президентского цикла, Путина будущего. Если такая программа есть, то, действительно, ее следовало бы до определенного момента скрывать, делая вид, что ее нет, что это «пустое место». Сейчас в выборный период или сразу после него Путину предстоит изящным жестом иллюзиониста сдернуть черное покрывало, и мы — очарованно — увидим чудесный, переливающийся золотом и утренними лучами, искусный макет возрождения нашего Великого Отечества. Значит, эта вторая пустота, это просто секретный план, русский X-file рывка к национальному величию. Наверное, он есть, этот план, этот макет. Думаю, есть. Возможно, это проект Евразийской империи. Иначе зачем все вообще?

В-третьих, пустота может быть портьерой, за которой притаились «новые путинские». Не просто «питерские», они помогали расчищать президенту местность от завалов старого. «Новые путинские» — это гроздь тайной элиты нации, лабораторно взращенная вдали от баталий олигархов, политических шутов, циничных политтехнологов и продажных марионеток прежней ельцинской системы. «Новые путинские» — это будет (возможно) главный сюрприз пустоты. Я кое-что знаю о нем, но пока говорить поостерегусь.

Глаза цвета Невы

Владимир Владимирович смотрит как персонаж Луи-Фердинанда Селина в окружающий мрак, он не будет «тарашить глаза в этой ночи» [\[10\]](#). Кажется, он одинок. Россия снова во мгле, но свет ее — это свет сердца мира, укрытого русским снегом, впечатанного в русский простор. В его тревожных глазах цвета Невы кричат чайки. Они хотят сообщить нам что-то чрезвычайно важное, но нам никак не удастся схватить смысл их послания. Кажется, мы спим, кажется, по серым водам плывет маленький скромный катер — катер российского Президента. Столкнувшись с пустотой и прожив с ней некоторое время, Путин уже, что называется, «втянулся». И возможно, снова, перед своим триумфальным мартовским избранием, он преподнесет очередной сюрприз...

В 2004 году таким сюрпризом стала отправка правительства в отставку. Последний

символ допутинского, по сути ельцинского, компромисса между Президентом и экономическими элитами был сокрушен. Страна замерла в оцепенении: вот-вот Путин выдвинет кандидатуру нового премьера, вот-вот мы узнаем имя его вероятного преемника в 2008 году. Но он снова оказался верен себе, наш Путин. Грустно улыбаясь, он прошел мимо ряда преданных ему людей, готовых к призыву. Молча покачал он головой. Подумал о чем-то своем и предложил... Михаила Фрадкова. Похожего по имени и отчеству, а также, по добродушному лысому лицу, на министра культуры Швыдкого. И снова, на одном дыхании, рывок пустоты... Нет, дал понять Путин, не спешите с преемником. Мое царство только входит в фокус. И в нем должны соблюдаться мои правила, мои предпочтения, мои глубинные симпатии, которые я черпаю из такого насыщенного, такого выразительного, такого гипнотического молчания великого русского народа. Фрадков как премьер означало, что у нас больше нет не только Совета Федерации и Государственной думы, нет партий и политики, нет конкурентов и претендентов, нет олигархов и интриганов, но к тому же нет и правительства. Нет и больше не будет (за исключением ситуации, в которой сам Путин его возглавит). Технический премьер, полусиловик-полунесиловик. Все правильно. Как и все остальное. Он, конечно, есть, но, по сути, его как бы и нет. И Администрация Президента без Волошина, и дума без партий, и Совет Федераций без фрондеров-губернаторов. Вот и правительство как бы без премьера, и таким оно и будет дальше. После выборов. Мы очарованы вашей пустотой, Владимир Владимирович Путин. Ваша пустота — наша пустота, наша общая русская пустота, роскошней и полней ее нет ничего. И от этой нежной мысли захватывает дух!

«Серая зона» президента Путина

Через два дня после инаугурации Владимира Путина на второй президентский срок произошел зловещий взрыв в Грозном, унесший жизнь Ахмад-хаджи Кадырова. Это было очень недоброе предзнаменование; как-то само собой подумалось, а *вдруг* Путину *перестало везти*? Действительно, в течение первого срока все, или почти все, складывалось для него самым лучшим образом. Из критических ситуаций 11 сентября 2001 года или событий на Дубровке весной 2002-го Путин вышел без особых потерь. Прекрасная конъюнктура цен на нефть, политическая стабилизация, равноудаление всех и вся, укрощение губернаторов, рассеяние политических противников, плотный контроль над СМИ. Это была «белая зона» Путина; все ладилось — почти само собой. Казалось, все работало на Путина, и ему оставалось лишь слегка корректировать курс — при устойчивом попутном ветре. На Путина играл и такой важнейший фактор, как *контраст*. Прежние президенты — Горбачев и Ельцин — воспринимались широкими массами как *национальная катастрофа, недоразумение, помешательство*. Вся история ближайших предшественников Путина по власти была историей нескончаемых поражений, уступок, позора и распада. Государство и его геополитическое влияние съезживались на глазах. При Ельцине в Кремле воцарилось пьяное безумие, крысиная возня олигархов, полная девальвация державных ценностей. Путин на этом фоне был воспринят нацией как *избавление*, как переломный момент, как шанс. Русские *любовались* Путиным, даже не задумываясь над тем, что он делает, и делает ли он что-либо вообще. Собранный, трезвый, молодой, серьезный лидер — он занялся страной. О лучшем никто не мог и мечтать.

Политической формулой Путина *первого срока* было сочетание патриотизма и либерализма. Это сочетание покрывало ожидания подавляющего большинства россиян: патриоты аплодировали курсу на возрождение державности, либералы — по меньшей мере, умеренные — довольствовались преобладанием «своих» в экономическом секторе правительства, относительно «западническим» стилем внешней политики. Все работало, и на удивление гладко. Без сучка, без задоринки прошли думские выборы; играя, Путин победил — сокрушительно — в президентских. Инаугурация 7 мая 2004 года в Кремле была апогеем этой «белой зоны» путинского правления. Дальше что-то в планах истории сбилось, что-то пошло не так, свернуло не туда.

Устранение Кадырова — причем показательно, 9 мая — было *абсолютным ЧП*. Накануне, если верить СМИ, противников новой власти «уже почти не осталось», боевики сдавались пачками; в Чечне, судя по победным репортажам, все шло как нельзя лучше, и вдруг — как гром среди ясного неба — Ахмад-хаджи Кадырова больше нет. Беда не приходит одна, и 22 июня в Ингушетии все те же «несуществующие», «упраздненные» и «наголову разбитые» боевики поднимают восстание, атакуют федеральные ведомства, ни в чем себе не отказывают. Параллельно в Грузии начинается кровавый кавказский загул Михаил Саакашвили, развязно и не долго думая, выбивающий важнейшие российские козыри на Южном Кавказе. Далее следует необъяснимый для всего стиля путинской политики — мускулистой и мужественной — вывоз Аслана Абашидзе, а в июле тучи, впервые при Саакашвили, всерьез сгущаются над Южной Осетией и Абхазией.

Линия на монетаризацию социальных льгот в то же самое время встречает неожиданно жесткий прием в российском обществе, и дело не спасают даже ряженые процессии бомжей

с полукоррупционными транспарантами, вызывающие — по сценарию кремлевских технологов — «Лишите нас льгот, мы хотим этого!». Контроль над электронными СМИ и ручным парламентом не позволяет реакции на эту цепь явных неудач *выразиться на политическом языке* — с экранов неостроумно вихляет бедрами Регина Дубовицкая, затмевая собой общество, а в парламенте даже шепот недовольства тонет под каменным монолитом «Единой России». Но все это не решает, а лишь откладывает остроту ситуации «на потом», замораживает ее. Все вместе дает основания для тревожного заключения: «белая зона» правления Путина приходит к концу. Мы стояли на пороге «серой зоны». «Серая зона» означает, что те же самые политические ходы, формулы, приемы и телодвижения власти, которые давали совсем недавно однозначно и заведомо положительный результат, отныне будут восприниматься и оцениваться по-другому. Если и не с противоположным знаком — в «серой зоне» все еще «довольно светло», — то уж все равно — не так, как раньше. «Серая зона» — это *первый аккорд эрозии ожиданий*, первые сумерки разочарования, возникновение чувства неудовлетворенности, апатии, усталости. Крайне опасные синдромы. Признаки этого налицо, и они очень серьезно повлияли на общий стиль правления второго срока Путина. Совершенно другого срока — по качеству, политической проблематике, характеру вызовов и рисков. Рассмотрим признаки вхождения в «серую зону» подробнее.

Первое — это контраст. То, что Ельцина и тем более Горбачева постепенно забывают, еще *вчера* работало на Путина, *сегодня работает против него*. Все преимущества Путина — возраст, трезвость, жесткость, прагматизм и т. д. — выглядели особенно ярко, когда Путина сравнивали с предшественниками. На втором сроке Путина начали сравнивать уже с самим Путиным или с его — так и не сформулированной до сих пор — политической программой. Фактор контраста стерся, планка претензий, вопросов, недоумений, критики повысилась. Если ранее было достаточно сказать «Путин!», и это было понятно всем, в смысле, «не Ельцин», в «серой зоне» на подобное высказывание все чаще начали отвечать раздраженно: «Путин?! Ну и что, что Путин, что он, собственно, ваш Путин сделал, делает и собирается делать?» И тут всем нам, его сторонникам, пришлось отступить и задуматься.

Второе — команда. Ранний Путин подвинул ненавистных олигархов, принялся чистить власть от «семейных», вводить скромных и невидимых «питерских» из своей команды. Это проходило «на ура!» по той же логике контраста — *от противоположного*. Путин делал это очень осторожно, без рывков, но довольно последовательно. Сам факт избавления от одиозных деятелей ельцинской эпохи был достаточен в «белый период». Но после фатальной черты — инаугурации Путина — вдруг и довольно внезапно оказалось, что этого *маловато*. Во-первых, огромный сегмент семейных политтехнологов как ни в чем не бывало сохранил свои позиции и свои проамериканские, довольно русофобские взгляды; большинство олигархов по-прежнему разгуливает на свободе и веселится, а тихие «питерские» никак политически себя не проявили и отличились только междоусобными раздорами и закулисными баталиями по переделу влияния на финансовые потоки, чем, собственно, занималась и ельцинская элита. Серьезной ротации кадров так и не произошло, команда не формировалась, ситуация явно застопорилась.

Третье — Чечня. После смерти Кадырова оказалось, что за бесспорным силовым решением чеченской проблемы в начале первого срока ничего серьезного в политическом плане не последовало. Мы видели только виртуальную политику, которая оказалась предельно хрупкой. Триумvirат — растерянный столичный юноша с бледным испуганным

личиком — Сергей Абрамов, диковатый Кадыров-младший, строгий служака Алу Алханов — всем видом говорил: в Чечне явно что-то не то. Не то, что все думали. Тема болезненная, но затяжка с политическим решением и его явная подмена пиаровским суррогатом сделала «серую зону» только еще серее.

Четвертое — Грузия. Саакашвили пришел не как снег на голову. Его подготовили и привели к власти из-за океана, обстоятельно, с явно просчитанной миссией — *либо вытеснить Россию с Кавказа мирным путем, либо втянуть в военное столкновение*. Ультиматум России был поставлен самой «революцией роз». Мы не сделали ничего дельного для реализации иного, более устраивающего нас сценария. Да и был ли этот сценарий?! Совсем немислимым поступком был вывоз Аслана Абашидзе. Это уже прямо напоминало времена Горбачева и Ельцина, когда Москва сдавала наших друзей и союзников, бросала геополитические позиции без боя. Начало полноценной войны в форме непрекращающихся конфликтов в этом регионе в августе 2004-го стало закономерным продолжением серии фундаментальных просчетов. И простого решения у этой темы, совершенно очевидно, не предвиделось.

И, безусловно, важный момент — внешняя политика в целом. Россия в первый срок Путина так и не определилась с приоритетами внешней политики. Мы не выбрали однозначно из двух полюсов современного Запада, отложили ответ на вопрос: с кем Россия, с США или с Евросоюзом? И какие силы в США — республиканцы (империалисты) или демократы (глобалисты) — являются нашими партнерами, или у нас в США вообще нет партнеров? Никакой ясности не было и в отношении стран Азии. Мы делаем шаги навстречу им, потом снова сбиваемся на проамериканский курс. История борьбы с «международным терроризмом» вообще закончилась позором вместе с американской оккупацией Ирака и началом боевых действий против мирного населения (особенно в Южном Ираке), вообще никакого отношения ни к «Аль-Каиде», ни к Саддаму Хусейну не имеющего. Хаотический баланс между всеми этими полюсами и вызовами еще мог сойти за «прагматизм» и смутное «евразийство» в «белой зоне». В условиях «серой зоны» концы с концами перестали сходиться даже с натяжкой.

Что же касается интеграции стран — участниц СНГ, то после брезгливой раздражительности Ельцина к членам этого сообщества от Путина все ожидали ускорения процесса интеграции постсоветского пространства. И поначалу так оно и было: инициативы Нурсултана Назарбаева получили наконец-то поддержку Кремля, был создан ЕврАзЭС, позже ОДКБ, юридически вступило в силу положение о создании единого союзного государства России и Беларуси. Но процесс постепенно стал пробуксовывать, реальные действия подменялись декларациями, детали и частные разногласия размывали интеграционную волю. И снова — в который раз — по контрасту все было гораздо лучше, чем до Путина, и вполне сходило за «белый цвет».

Самых больших успехов Владимир Путин достиг в области СМИ. Было прервано антигосударственное, ехидно-ерническое вещание, оплевывающее патриотизм и национальные традиции, прикрывающее черными технологиями грубую реальность межэлитарных войн — этот постыдный гусинско-березовский цикл. Уважение к государству и его политике в целом восстановлено, нормализация СМИ была налицо. В «белой зоне» раннего Путина — и снова по контрасту с гусинско-березовским вещанием — смотреть ТВ было одно удовольствие. Но постепенно все забыли, каким оно было раньше — к хорошему быстро привыкаешь, и внимание сконцентрировалось на ином — на полной

бессмыслице и развлекательном характере основных телеканалов, на чрезмерно тенденциозной и жестко управляемой модели освещения на них политического процесса (что привело к его крайнему истощению и призрачности); на нарочитом игнорировании наиболее важных и серьезных общественно-социальных, исторических, культурных тем. Зрелище, пестование разнузданных вуайеристских комплексов, пошлость, бесстыдство и цинизм современных российских СМИ возмущают выше критической черты. А так как эти СМИ теперь под вертикалью «управляемой демократии», то и претензии все адресуются к руководству страны. «Серая зона» настораживает несмешным телеюмором. Если губастый подражатель Галкин «лицо России», то с такой Россией не все ладно.

В экономике Путин, потеснив олигархов, заметно разрядил социальное напряжение. На этом фоне засилье либеральных экономистов в правительстве и в окружении Владимира Владимировича сначала казалось временным компромиссом. Но Греф, Чубайс, Кудрин, Христенко или оппонировавший им Илларионов по сути продолжали линию гайдаровского подхода, от которой в последние годы отрекся даже Ельцин. От того, чтобы всерьез почувствовать на себе прелести подгонки коммунальных плат, транспортных услуг, стоимости электроэнергии (и других энергоносителей) под западные стандарты, россияне были сохранены только фантастическим ростом цен на нефть на мировом рынке. Однако в дальнейшем даже грамотные стабилизационные меры при сохранении такой же благоприятной конъюнктуры не смогут обеспечить сохранения того же порядка социальных трат и соответствующей индексации доходов. Либеральная идея монетизации социальных льгот — это только пристрелка в новой волне либеральных реформ и приватизационных циклов. В «серой зоне» все это было окрашено в довольно мрачные тона.

Формула «патриотизм+либерализм» поначалу удовлетворяла всех, каждый толковал ее по-своему и был доволен. Либералы — такие как Павловский, Чубайс или Сурков — видели в «патриотизме» лишь прикрытие, фасад, способ для выпуска пара. Патриоты — «питерские» и «силовики» — считали, что возрождение державности и вертикали власти важнее, чем конкретика экономического устройства — лишь бы Россия снова стала великой и независимой. Но после какого-то момента это сочетание «либерализм+патриотизм» перестало работать: либералы постоянно стремились расширить свою зацепку в этой формуле, и перетянуть Путина *от экономического либерализма к геополитическому атлантизму*, чтобы сделать либеральную ориентацию законченной и последовательной; патриоты же со своей стороны *осознавали негативный социальный эффект либеральных реформ в экономике* и все более настаивали на подчинении рыночных механизмов национальным и социальным нуждам государства. Утвердившись, благодаря политической формуле Путина, и те и другие явно *захотели большего*. Компромисс постепенно исчерпал себя. И чтобы выйти из этого тупика, *Путину отныне потребуется иная формула*.

В «белой зоне» вопрос о президентских выборах ставился довольно просто: как наиболее органично и изящно оформить переизбрание, в успехе которого никто не сомневался. Путин был идеальным преемником Путина. Проблема 2008 года неминуемо несла в себе возможность сбоя всей системы. Преемник не должен был быть хуже Путина, но не может быть и лучше его. Он не может инерциально продолжать его курс, так как наиболее удачные стороны этого курса сосредоточены в «белой зоне» и основаны на контрасте с прежними строго отрицательными моделями власти. У наследника «серой зоны» никаких аналогичных козырей не будет. Более того, если продлить аналогию с зонами, то в конце «серой зоны» мерцает совсем уже зловещая картина «черной зоны», и

она, безусловно, была связана с фатальной датой 2008-го. Конечно, была надежда на то, что она может не наступить. Но чтобы не поддаться мраку, надо было зажечь настоящий свет.

Я перечислил выше тревожные симптомы «серой зоны». Я убежден, что тогда мы вступили в нее, и это оказалось необратимо. Моя персональная политическая позиция, как и прежде, состоит в поддержке Владимира Путина. Баланс его правления, его основные линии, его потенциал я оценивал и продолжаю оценивать со знаком *плюс*. Но это не значит, что следует упрощать или отрицать серьезность складывающейся ситуации. Чуть выше, в подглавах «Путин и пустота» и «Путин и пустота-2: политическое одиночество», я приблизительно описал некоторые тогда еще весьма туманные риски. К огромному сожалению, «пустота» реально проделала очень большую разрушительную работу. «Серая зона» — это ее рук дело. Но никогда не стоит отчаиваться. У Путина еще есть шанс бороться и победить «серую зону», выйти из этой наступившей сумеречной полосы.

Спасительным рывком из «серой зоны» стала мюнхенская речь, произнесенная Путиным в 2007 году, в которой он четко показал, что собирается строить и укреплять суверенитет по самым серьезным параметрам. Суверенитет — это очень принципиальное явление. С одной стороны, это номинальное, правовое понятие, а с другой стороны — силовое. Правовым суверенитетом обладают многие страны, реальным, геополитическим суверенитетом обладают единицы. Концепция суверенитета, которая встала в центре внимания российской политической общественности, связана с реальным политическим суверенитетом, которым всегда обладала Россия, его и подвергали обсуждению и утверждению все годы путинского правления. Под вопрос было поставлено реальное содержание этого понятия, которое требует довольно серьезных усилий и пересмотра. Все это и было обозначено и провозглашено.

Мюнхенская речь Владимира Путина фактически изменила миропорядок. До этого никто не бросал вызов гегемонии США в качестве основного политического субъекта, никто не говорил о несправедливости однополярного мироустройства за исключением маргинальных сил. Но в мюнхенской речи президент великой ядерной державы сказал решительное «нет» однополярному миру. В устах президента демократической мощной страны — это не просто слова, не просто декларация, это заявление нового курса. Фактически Путин утвердил вектор на многополярный мир, и это было фундаментально, это было важнейшее событие в новейшей истории. После произнесения этой речи Россию вновь признали великой мировой державой, которая предопределяет повестку дня в мировой политике.

Во внутривнутриполитической сфере восторжествовала линия на окончательную маргинализацию ультралиберальных сил, которую проводил Путин, а результаты парламентских выборов окончательно закрепили эту данность: и Касьянов, и Каспаров, и «Правое дело» рассматриваются сегодня как политическое недоразумение, а не как возможная альтернатива. И в этом отношении Кремль тоже был последователен, поскольку эта антисуверенная сила в рамках суверенной демократии вообще не имеет не то, что какого-то статуса, вообще никакого места. Это достаточно грустно для людей, которые когда-то правили, но в текущей ситуации это спасительно, необходимо и правильно для России.

Патриотическая риторика окончательно закрепилась в СМИ, хотя темы империи, самобытности русского народа, величия национальных свершений все еще соседствуют с развлекаловкой, поток которой только вырос, что можно считать негативным. Но все политические, все осмысленные программы выстроены с подразумеванием самобытности, величия и достоинства русского государства и русской истории. Это фундаментальный перелом, потому что в 90-е гг., наряду с той же самой развлекательной похабщиной, которая, увы, осталась от того периода, политикой назывались мелкие интриги олигархов между собой и бесконечные издевательства всякой русофобской мрази над нашим народом и нашей историей. С этим покончено, и хотя наши СМИ далеки от идеала, в них очень мало содержательного, но если это содержательное встречается, то оно довольно четко выстроено в патриотическом ключе, что очень радует.

В 2007-м была окончательно сформулирована доктрина *суверенной демократии*. Эта

идеология получила развитие, оформление, ее параметры были окончательно определены. Идеологическая формула суверенной демократии полностью получила поддержку в обществе, потому что такие вещи, в принципе, затребованы нашим народом. Но для чего это было сделано? К великому сожалению, власть не закрепила это идеологическое направление, и, несмотря на то что много говорилось о суверенной демократии, о плане Путина, все это в итоге оказалось размытыми и расплывчатыми вещами, очень хорошими и правильными вещами, но в итоге так и не прояснившимися.

Назначение Медведева, по сути, обнулило ожидания сторонников геополитического возрождения России. С этого момента стало понятно, откуда эта неопределенность, потому что под видом этой неопределенности, недосказанности и намеков можно было протащить что угодно, а не то, чего все ждали. Конечно, была надежда на то, что это окажется головокружительной спецоперацией Путина по сохранению преемственности. Однако беда в том, что с преемственностью власти в России всегда были трудности. Логика устройства российских политических элит выстраивалась на основе инерции 90-х годов, которые, по сути дела, сформировали российскую политическую элиту из самых отпетых проходимцев, мерзавцев, коррупционеров и агентов влияния Запада. Эти же люди, оставшиеся в большинстве своем на своих постах и при Путине, создавали предпосылки для очень серьезных опасений, что наша политическая элита — это пародия и карикатура на реальную политическую власть. Поэтому я был очень обеспокоен судьбой моей страны, судьбой тех позитивных свершений, которые сделал Путин. Ведь Путин продолжал занимать самые либеральные позиции в экономике, конечно, далекие от того компрадорского либерализма, который царил в 90-е годы. Его либерализм был в основном патриотический, но все равно это либеральный догматизм. С этим Путин так и не расстался, и следует ожидать, что дальше нынешний либерализм будет только зафиксирован. То, что в отсутствие Путина он не привел к полному развалу России, это большое счастье, хотя из-за этого сейчас все еще может сложиться очень опасная конфигурация.

Что касается атлантизма или евразийства в геополитическом пространстве, здесь сделан четкий и однозначный выбор — только евразийство. Россия только великая страна, Россия только для самой себя в первую очередь, Россия уважает себя и свое достоинство, Россия интегрируется на постсоветском пространстве. Путин на все эти вопросы ответил позитивно. Что является высшей для России ценностью? Путин ответил: суверенитет — сейчас это единственно правильный ответ. Однако, несмотря на весь позитив, уход Путина в 2008 году оказался одновременно концом «золотого века» путинского правления. Путин изменил ситуацию от зла к добру, от ада к раю, поэтому восемь лет мы жили в состоянии полурая. Пиком этого рая была мюнхенская речь Путина. Когда я услышал ее, то подумал: «Остановись мгновенье, ты прекрасно!» Но, к сожалению, цикл закончился, и закончился он страшной новостью: оказывается, все это было шуткой, и теперь начинается другая эпоха — эпоха Медведева. Многие убеждали нас, что это та же самая эпоха, только в либеральной плоскости, однако с каждым днем становилось все яснее, что «золотой век» кончился и начался новый — более мрачный. Началось переосмысление путинской восьмилетки как уже завершившейся. Было много блестящих достижений во всех направлениях: олигархов сажали, Америку пугали ракетами, нефти было завались, жизнь была замечательная, но она кончилась. Нам предстояло что-то ужасное.

Наше безразличие к тому, что происходит в глобальной политике, никак не сказывается на нашей внутренней политике. И это означает огромный успех. После ухода Путина из

власти на целых четыре года обстановка в России резко изменилась, причем не в лучшую сторону. Несомненно, Путин — главный герой российской политики, при этом персоналия даже в международном масштабе, и это признал журнал «Тайм». Путин — это человек, который поднял Россию с колен, дал ей мощь и силу. Путин должен был завершить свое триумфальное правление третьим сроком, тогда бы «золотой век» не покинул Россию, он был бы всегда, но, к сожалению, этого не произошло. В момент пика своего собственного пути, являясь единственным полновластным самодержавным и автократическим субъектом российской политической действительности, Путин сделал экстравагантный жест и подчинился Конституции, которая была принята совершенно нелегально. Он стал испытанием не только для самого Путина, но и для всей страны. Я так и не понял этот жест.

Расслабляться не стоит: новые сетевые вызовы

Четыре опасных года миновало, и теперь, на данный момент, складывается впечатление, что Владимиру Путину больше ничего не угрожает. Рейтинг довольно высок, а результаты «Единой России» больше не имеют значения. И это неудивительно. Понятие «Путин» в сознании народа стойко ассоциируется со стремлением заново утвердить суверенитет России, а это, как показывает история, для русского человека всегда является самым важным. Теперь ясно: Путин — это не суверенная демократия. Путин — это просто суверенитет, а демократия — это в нагрузку или для внешнего пользования. Может быть, Путин действительно искренне верит в демократию, но это не важно, так как много кто искренне верит в демократию, но они из-за этого «Путинскими» не становятся. Чаще всего искренне верующие в демократию люди становятся чем-то противоположным Путину, то есть «оранжевыми», врагами России и русского народа. Путин же — это суверенитет России. Вот что такое «Путин». То, что в Путине не суверенитет России, то второстепенно и незначимо. Смысл действий Путина в том, чтобы укрепить суверенитет. В этом же и смысл преемственности. Будет укрепляться и отстаиваться в условиях глобализации суверенитет России — будет преемственность с первым президентским циклом, не будет — не будет преемственности. Поэтому самое важное это то, будет ли охраняться и укрепляться суверенитет России или он ослабнет. В этом и заключается «план Путина». Все остальное — не имеет значения.

Каковы же угрозы курсу Путина на суверенитет, кто является «врагом» этого плана Путина? В сегодняшней выборной ситуации серьезных угроз явно не существует. Нет никаких сомнений в том, что Путин — первый и единственный в списке тех, кто получит колоссальную поддержку населения. Это само собой разумеется, и никакие силы не способны дестабилизировать ситуацию или как-то повлиять на заведомо позитивный результат. В рамках патриотического консенсуса возвращение Путина — это и есть новое направление на суверенитет.

Во внутренней оппозиции что-то более-менее серьезное все еще может представлять из себя КПРФ. Но эта левая оппозиция не так уж и плоха, она патриотична, если не смотреть на некие эксцессы. Зюганова просто загнали в угол, власть совершенно напрасно его так третировала все это время, ведь он вполне договороспособный политик. В значительной степени эксцессы сближения КПРФ с «оранжевыми» являлись результатом резкого отношения власти к тем, кто мог бы быть ее левой опорой. Левая, нормальная, вменяемая коммунистическая оппозицией не является угрозой для стабильности России, а наоборот, служит залогом полной благостности в партийно-политическом пространстве.

Однако существуют вызовы и угрозы куда более серьезные. Главный враг не внутри, главный враг — снаружи. Дело в том, что Соединенные Штаты Америки стремительно меняют манеру и методологию взаимодействия с другими государствами, оттачивая технологии так называемых «сетевых войн». Сетевые войны — это войны, которые ведутся преимущественно в информационной сфере и основаны на использовании эффекта резонанса, когда самые разнообразные, не связанные между собой идеологические, общественные, гражданские, экономические, этнологические, миграционные процессы манипулируются внешними операторами для достижения конкретных общих целей. Главной целью в сетевой войне является десоверенизация тех, с кем она ведется. Здесь мы имеем

дело с новой моделью взаимоотношений всех стран, — и в первую очередь России с США, — которая не сводится к обычной логике: друзья — враги, конкуренция — партнерство, противостояние — сотрудничество. Логика «сетевых войн» лежит в другой плоскости. Власть в целом и лично Путин сегодня беззащитны перед сетевыми вызовами со стороны США, они не готовы адекватно реагировать на них — в силу других исторических традиций, а также в связи с огромным количеством технических и хозяйственных проблем, которые вынуждена решать. Но именно глобальная «сетевая война» сегодня является главным содержанием мировой политики. И, к сожалению, Владимир Путин, и наше руководство в целом, принципиально не готовы осознать эту ситуацию. Они иначе воспитывались, они совершенно не учитывают ни постмодерн, ни «сеть» — и в этом главная угроза суверенитету России и лично Путину. За исход выборов Владимиру Владимировичу и нам волноваться нечего — но что ждет нас дальше?

Объективное и субъективное в курсе Путина

Подводя некоторые предварительные итоги вызовам, с которыми столкнулся Владимир Путин, следует окинуть взором контуры того нового курса, который он взялся реализовывать. Глобальные геополитические процессы, субъективное состояние российского общества, психологические реакции на события 90-х годов — все это сделало неизбежным изменение ельцинской модели власти на другую, альтернативную. Иначе Россия бы просто исчезла: уже начало вводиться внешнее управление, создавался вакуум силового баланса. Россия стала стремительно исчезать с мировой арены, и глобальная ситуация изменялась в самом негативном ключе. Граждане чувствовали катастрофичность происходящего. Поэтому у курса Ельцина, воплощенного в таких фигурах, как Гайдар, Черномырдин, Немцов, Сатаров, Юмашев, Явлинский, и в таких партиях, как СПС и «Яблоко», — не было никаких шансов.

Получилось так, что новый курс оказался связан с личностью Владимира Путина. Тогда у России было два пути: она могла исчезнуть, и сейчас мы бы уже говорили о другом государстве, либо должны были начаться реформы, которые в итоге совершил Путин. В каком-то смысле Путин не мог их не совершать. Если он не хотел, чтобы страна распалась, то должен был это сделать, реализовать новый курс. Но как человек вменяемый, надежный, адекватный, стал реализовывать в качестве своего курса тот единственно правильный и необходимый курс, который мог быть. Поэтому курс Путина — явление объективное, и как человек очень осторожный и внимательный, он в этот курс практически не привнес ничего от себя. Он просто осуществил заказ — заказ народа, заказ истории, заказ глобальной геополитики. Объективно Путину было очень легко делать то, что он делал, и очень трудно субъективно, потому что масса всякой сволочи, которая не хотела возрождения России, которая действовала в интересах американской гипердержавы, пыталась не допустить этого объективного и естественного хода событий.

Личная заслуга Путина в том, что он не послушался политических элит, которые были исторически ориентированы антинародно, особенно на первом этапе его правления. Он не послушал различные фонды, которые вели его в сторону Запада, толкали в сторону ультралиберализма, в сторону русофобии, «гражданского общества», сдачи территорий, в сторону самоубийства его самого, его курса, страны и народа. Он не послушался этих элит, а послушался голоса истории, голоса народа и голоса геополитики. Грядущая новая преемственность путинского курса является преемственностью здравого смысла и преемственностью выбора сохранения страны. Если мы хотим, чтобы Россия просто *была*, у нас должна быть преемственность курса Путина. Если мы не хотим этого, мы можем задумываться об альтернативах. Курс Путина — объективный, единственно возможный, и можно говорить лишь о том, как и с какой скоростью по нему идти. Таким образом, именно в силу объективности этот курс будет продолжен.

Но в этой объективности есть и слабая сторона: Владимир Путин не создал себе коллективного преемника, он не создал предпосылок для преемственности в субъективном самосознании политических элит современной России. В народе — да, в истории — да, в геополитике — да, в инерции государственного существования — да. В какой-то момент даже появился персональный, личностный преемник. А вот коллективного преемника у него нет. Субъективно политические элиты являются в России случайными, такими же, какими

были в 90-е годы. И Путин не извел эту случайность и вытекающую из нее сиюминутность, эфемерность самосознания политических и экономических элит, не вышиб ориентацию на власть — как коррупцию. Кстати, как и на бизнес — как коррупцию. Это является слабой стороной личной преемственности, это слабое место в схеме преемственности курса.

Нынешние политические элиты характеризуются полной субъективной неадекватностью, включая тех людей, которых привел с собой Путин, потому что они тоже были случайными людьми, как и все у нас. Они не переломили тренд негативных политических элит ельцинского периода, а вписались в него. Они лучше прежних, потому что выполняют волю Путина, а Путин выполняет волю истории и волю народа, но субъективно они такие же, как прежние. Субъективно они не проснулись, у них нет исторического самосознания своей миссии, нет понимания геополитической цели, нет гражданской ответственности. Путин не создал новую элиту, свою элиту, адекватную элиту, даже не начал процесса формирования этой элиты. Формально, против продолжения нынешнего курса ни один человек из серьезных претендентов на какую-то роль в России сейчас возражать не может и не станет, но субъективная неадекватность и жульническая природа нынешней элиты создаст предпосылки борьбы за власть в России даже после возвращения Путина. Что вначале будет происходить в рамках полной преемственности курса.

Мы знаем, что перспективы либералов практически равны нулю, потому что альтернатива путинскому курсу отвергается всеми — и народом, и элитами, которые к нему отлично приспособились. У людей, которые бросят вызов путинскому курсу, шансов — ноль. А вот в рамках преемственности путинского курса в силу субъективной исторической, интеллектуальной неадекватности российских политических элит уже вызрели катастрофические процессы. Поскольку те люди, которые приняли курс Путина после первого восьмилетнего цикла, принимая этот курс, стали действовать без достаточной исторической ответственности. Тем более Путин после 2008 года в статусе Ден Сяо Пина, только молодого и активного, все четыре года как дамоклов меч висел у них над головой. И кто-то всерьез начал встраиваться в ситуацию статус-кво с преемником, за что и поплатился, а кто-то встраивался уже в будущую ситуацию, ориентируясь на 2012 год. Курс был продолжен, а вот на субъективном уровне политические элиты начали брожение, что при неблагоприятном развитии обстоятельств еще приведет к подрыву этого курса уже после возвращения Путина. Возможно, нас ожидает двоевластие, если полюсов будет только два, а не больше. Может быть больше.

Возможности избежать этой опасности нет. Мы обречены на войну элит внутри путинского курса. Поздно что-то менять, Путин не занимался субъективным состоянием элиты, это было передоверено группе политтехнологов и пиарщиков. То есть видимость работы с элитами есть, а работы на самом деле нет. Но PR бывает разным, иногда он необходим, как сокрытие истины или пускание пыли в глаза. Но вся работа, которая была заказана политтехнологам и пиарщикам, обманула только одного человека — Путина. От того факта, что процесс нормализации состояния политических элит был симулирован, подменен и симитирован, страдает Путин и его страна.

Катастрофа угрожает не с той стороны, с которой все ее ожидали — не со стороны «оранжевых». Более того, «оранжевые» даже полезны: в силу абсолютной антипопулярности их позиции они сплачивают вменяемые, здоровые силы вокруг Путина. Возможно, существование этих маргинальных группировок, откровенно поддерживаемых всеми

ненавистным сегодня Западом и одиозными олигархами, только и явилось залогом того, что путинская элита не распалась раньше. А вот субъективное состояние именно пропутинских сил во власти является предвестником катастрофы. Ситуацию можно было изменить, но вместо этого начались явные развеселые симуляции этого процесса, игра в дезинформацию своих. И эта ситуация будет только усугубляться. Путину, раз он решил сохранить за собой ответственность за страну, в первую очередь придется разрешать именно эту проблему.

Если завтра весна

В настоящее время, как мы уже установили выше, в России политики нет. Но особенно ее нет в период зимних праздников и новогодних каникул. Не только потому, что в этот период правящий класс расслабляется, начиная с католического Рождества по старый Новый год, стремясь продлить праздник аж до нового года по восточному календарю, но и потому, что политики в России нет как таковой. Ее нет, потому что она никому не нужна. Она не нужна элите, так как политическая платформа неизбежно ограничивает поле возможностей власти, заставляя с собой считаться, всякий раз объясняя массам, как то или иное действие, тот или иной результат, та или иная декларация соотносятся с заявленными политическими целями, ориентирами, идеалами. Нет целей, ориентиров и идеалов, и объяснять нечего. Очень удобно. При отсутствии политики власть полностью свободна от какой бы то ни было ответственности. Пока ее терпят, она вольна действовать как угодно. Лжи в любом случае намного меньше. Но отсутствие политики не сильно заботит и массы. Тому есть несколько причин. Во-первых, людям очень надоели 90-е — вздорный пьяница и маразматик Ельцин; его дочка и «семья»; могучие интриганы-олигархи; хитроумно намекающие на что-то непонятные телекиллеры; служащие пехотой в медиавойне олигархов; вой политиков-популистов; митинги, направленные всегда «против» (против чего именно, народ в большинстве своем просто не понимал). Нет политики — нет невроза.

Во-вторых, народу понравилось жить при Путине. Есть и строгость, и терпимость. И накачанные мускулы, и либеральный Кудрин, хоть ныне и отставленный. И намек на сильную отеческую опеку, и успокоительный демократический дискурс. Каждый выбирает то, что ему нравится. Путинский дискурс как терапия — он обычно содержал в себе (как буддистский коан) несовместимые противоположности, избавляя слушающих от напряжения ума.

В-третьих, российские массы не понимают политику; они в ней запутались. Коммунизм как политическая модель рассыпался (в 1990 и 2000-е годы этот распад продолжался — не без участия предельно неадекватного зюгановского руководства КПРФ). Либерализм не прижился. Национализм отпугивает своей экзальтированной энергией. Чтобы в такой ситуации интересоваться политикой, необходимо предпринять усилие. Только этого еще массам не хватало: готовые политические рецептуры — и те постигаются с огромным трудом, а тут надо творчески мыслить в духе «четвертой политической теории» (по ту сторону либерализма, коммунизма и фашизма). Нет уж, увольте. В следующий раз.

Так сложился консенсус власти и народа в отношении того, чтобы «забыть о политике». Действительно, в жизни есть много чего еще интересного. Так сложилась структура современной аполитейи. Ее символом является правящая партия «беспартийного большинства», избегающая «политических дискуссий», и правильно делающая, между прочим. Это по-настоящему демократично — избавить большинство от политики, если большинство никакой политики не желает. Вопрос в том, как долго может продлиться такая сладкая жизнь? На какой срок политика даст возможность о себе забыть? Как долго еще смогут продолжаться политические каникулы?

Путинская политика: деполитизация

Политика в России полностью закончилась не с приходом Путина. Путин начал борьбу против политики (такой, какой она была в 90-е годы), и в этой борьбе и состояла его собственная политика. Она была направлена не «за», а «против». В этом был ее позитивный и содержательный нерв. Люди довольно ясно представляли, что им надоело, чего они не хотят. И Путин на основе этой легитимации стал ликвидировать то, что раздражало массы. А массы раздражало все, что составляло политику 90-х: реформы, приватизация, либерализм, оголтелый фанатичный антикоммунизм и антисоветизм, западничество, олигархат и его бесноватые СМИ, ослабление государства, растущая угроза распада России. Путин уловил это и не возражал против того, чтобы этого не стало. Народ и Путин нашли друг друга — отсюда бешеный рейтинг, харизма и легитимность Путина. Но ни массы, ни Путин не имели никакой положительной программы. Она была и не нужна — ее с успехом заменяла отмена старой, разрушительной программы и низвержение ее носителей. Чистая диалектика: отрицание отрицания.

Результатом восьмилетней борьбы Путина с российской политикой стала его полная и окончательная победа над ней. Виктория была настолько тотальной, что в 2008 году он совершенно спокойно предложил своим преемником аккуратного, вежливого и малоизвестного молодого человека с хорошими манерами, давая понять — при нем все будет так же, как при мне. Народ полностью согласился, проголосовал — без каких-либо условий или политических программ. «Владимир Владимирович плохого не посоветует», — думал электорат. Что он понимал под «плохим»? Только одно — политику, а значит, он был уверен, что и при Медведеве политики снова не будет. Медведев был при власти четыре года. И что? Политики так и нет. «Значит, — неспешно сопоставляет факты электорат, — Путин все продумал, и все идет по плану».

Но удовольствоваться просто продолжением отсутствия политики было бы чересчур плоско — прикинули, видимо, кремлевские технологи и выдумали новую историю. Эта история состоит, видимо, в том, чтобы повторить столь удачно разыгранный сценарий еще раз. Коварный план (если мы правильно его разгадали) состоял в следующем: на первом этапе правления Медведева инсценируется возврат политики 90-х, но только не по-настоящему (это не нужно, опасно и бессмысленно), а понарошку. Появляются старые клоуны, переодетые в либералов-реформаторов нового поколения — Юргенс, Гонтмахер, Дискин, Белых и пр., и пытаются сделать вид, что политика возвращается. Медведев им подыгрывает, посещает редакцию «Новой газеты», слушает советы олигархов (Авена — Фридмана), нападает на путинские госмонополии. Для чего это нужно? Только для того, чтобы снова все вернуть назад на следующем витке. Для того чтобы народ продолжал оставаться в рамках диалектики отрицания отрицания и не задумывался об отсутствии позитивной программы для страны. Если же массы слишком разнежатся в отсутствие политики, осознают, что политика зла (либеральные реформы) полностью миновала, они могут начать задумываться: что же дальше? А вот это уже излишне, так как, по всей видимости, у власти нет никаких соображений на этот счет. И сама постановка вопроса о будущем — о стратегии, о курсе, о целях — будет явно неудобной. Власти самой понравилось отсутствие политики или, как вариант, приведение плохой политики к ее отсутствию. Это конкретное know-how политического менеджмента в современной России. И пока оно работает, от него никто и не подумает отказаться, все проходит именно в этой же парадигме: «плохая политика» против отсутствия политики (как эрзаца «хорошей политики»).

Таков инерциальный сценарий. Именно в его рамках развивалась индивидуальная судьба Медведева. Оставаясь в границах базовой парадигмы (без политики), он скромно уступает место возвращающемуся Путину и получает за это самое важное: сохранение места в кадровом резерве, «номер 1» в путинской тысяче. В конце концов, он еще очень молодой человек, и 2024 год — не фатальная для него дата, если, конечно, он все 12 лет будет столь же бравым и обаятельным, как сегодня. Однако Медведев может перенервничать, его может попутать бес или он забудется, в какой-то момент приняв игру за реальность. Такое, увы, тоже бывает. Этого будет достаточно для того, чтобы снова запустить в России политику. Давайте рассмотрим гипотетически и этот вариант — «возвращения политики», учитывая, что, скорее всего, этого не произойдет и все рассосется само собой.

Что будет, если политика вернется?

Путин, передавая власть Медведеву, а тот, извлекая из пыльных сундуков либеральных марионеток, запустили игру — показали представление. Вот над ширмой возникают картонные Гонтмахер с Дискиным, выкрикивают что-то нечленораздельно-агрессивное про «модернизацию» и «демократизацию», но тут из-за ширмы появляется настоящий Герой (Герой-1) и вместе с Героем-2 режет ножницами плоские фигурки, выбрасывая их в оранжевую урну к Хакамаде, Касьянову и Немцову. Аплодисменты.

И вот здесь что-то может пойти не так. Представим себе, что Герой-2 переходит на сторону бумажных человечков. Миф о близнецах, где часто участвуют брат бессмертный и брат смертный (понятно, кто есть кто в нашей ситуации), распадается, комедия перерастает в трагедию. Бумажные человечки, к которым присоединяются новые бумажные человечки — пожилой Павловский, скабресный Пионтковский и вся редакция «Эха Москвы» в полном составе, — превращаются в новую голосистую армию, вышедшую из-под контроля владельца цирка. Ожившие куклы под руководством бравого Буратино. Вот это уже будет политика. Снова повторюсь: это маловероятно. Но давайте просто пофантазируем, дадим волю политическому воображению.

Итак, эта весна — последний срок для Медведева, если он хочет вернуть политику в Россию. Этот возврат может состоять только в одном: в демонтаже путинского могущества и соответственно в разрушении того консенсуса между Путиным и народом, в основе которого лежит согласие об «отсутствии политики». В электоральном смысле опорной базы у Медведева нет, так как в любом случае это подавляющее меньшинство — те, кто голосует за «Правое дело» и «Яблоко», а также персонально старая правозащитница Людмила Алексеева. Поэтому речь не идет о выборах. Но нельзя сбрасывать со счетов следующие факторы: активность либералов в СМИ, их влияние в крупном бизнесе (олигархат), экспертное сообщество (в подавляющем большинстве представленное носителями либерального мировоззрения) и поддержку большинства международного сообщества (в первую очередь США), которое с удовольствием видело бы Россию вновь погруженной во внутренние дразги, как в 90-е. Добавив сюда волю самого Медведева (если она есть), и мы получаем весьма серьезный силовой потенциал, асимметричный в отношении Путина, но имеющий свои собственные козыри. Реальной целью могут стать следующие парламентские и президентские выборы. В конце концов, если все пойдет по такому сценарию, то где гарантия, что 12 лет президентства Путину достанутся по умолчанию?

Медведев vs Путин и их возможные партии

Если допустить, что так все и будет развиваться, то должна начаться вторая волна политизации. Смыслом этой политизации может стать только разделение общества по формуле: Медведев или Путин; Медведев vs Путин. Только это может вернуть политику в Россию. Все остальное — правые или левые, центристы или радикалы, либералы или социал-демократы — это никому сегодня непонятно, неинтересно и неактуально.

Если политика вернется, то уже после нынешнего выборного цикла начнется формирование двух партий: партии Медведева и партии Путина. Можно предположить, что у Путина, главы «Единой России», своя партия уже есть. Но это совсем не так. «Единая Россия» не принадлежит никому, даже самой себе. Она есть, пока политики нет. Она и есть политико-партийный инструмент деполитизации политической жизни. Для участия в реальной политике ЕР не приспособлена и не предназначена. Поэтому, можно сказать, что у Путина нет партии. У Путина есть власть, харизма, влияние на силовиков и чиновничество и легитимация народа. Беспартийная власть и беспартийный народ. Это, конечно, очень много. Много, но не все. Путин не любит ничего декларировать, он любит делать все по факту. Поэтому лобовая политическая борьба не его стихия. Политизировать свой гигантский потенциал будет для него психологически чрезвычайно сложно, а возвращение политики потребовало бы от него именно этого. Потом делать вид — это одно, четко обозначать цели — совсем другое. Путин всегда, при любой возможности уходил от политической ясности, не имея к ней, по всей видимости, ни малейшей склонности. Это может стать его слабым местом.

У Медведева до какого-то момента были проблемы с партией. Ее как готового политического института просто не было. Но она могла появиться, если в бы в дело включились мастера политических интриг 90-х. У тех есть огромный опыт в создании пузырей на пустом месте. Используя живость ума гонтмахеров и «Эха Москвы», задействовав средства олигархов, и так психологически тяготеющих к Медведеву, опираясь на некоторые СМИ и поработав «чисто конкретно» с депутатами в Госдуме (из любых партий — они ничем друг от друга не отличаются: все по сути беспартийные), Медведев имел все шансы быстро сверстать некоторое подобие новой политической структуры. Конечно, идеологически это должна была быть либеральная партия. Однако в электоральной перспективе даже фанатикам ясно, что с откровенно либеральной программой Путина им в 2018 году не одолеть. Поэтому либерализм должен оставаться «тайным учением» медведевского ядра. Для масс надо будет выдвинуть что-то совершенно иное. Подошла бы как социальная (левая) демагогия, так и национализм. Что и попытался реализовать олигарх Михаил Прохоров с «Правым делом». Не понятно, что с ним произошло на самом деле — то ли этот замысел был разоблачен и устранен на корню, то ли неумолимая сила энтропии сыграла на руку Путину, но только, как нам всем известно, этому проекту не суждено было реализоваться. Так бы Медведев и остался без партии, если бы... Если бы Путин не отдал ему «Единую Россию». Которая, в свою очередь, вольно или невольно, но наделила Медведева еще и перспективой премьерства. А вот это уже серьезно. Бросить вызов Путину с позиции премьера будет гораздо продуктивнее, нежели, допустим, с позиции главы иннограда «Сколково».

Разве это возможно, спросят многие. Настолько имидж президента-юриста не вяжется с представлением о грубом прагматизме. Верно, не вяжется. Его имидж не монтируется с

политикой вообще, так как он фигура неполитическая и никогда таковой не был. И если все будет развиваться по инерции, то никогда ею и не станет. Однако в случае необратимого вовлечения Медведева в политику, ему придется осваивать те стратегии и формы поведения, те дискурсы, к которым он, по всей видимости, не имеет ни малейшей предрасположенности (точно так же, как и Путин). Медведев — фигура деполитизированная, поэтому для вхождения в реальную политику ему придется сделать над собой усилие не меньшее, чем Путину. В любом случае, если партия Медведева задумает идти в наступление на массы, она должна стать лево-националистической партией или чем-то в этом роде. Для «Единой России», в секунду, прямо на съезде, отказавшейся от консерватизма и принявшей модернизацию в качестве идеологии (едва слышав, что ее отдают Медведеву), — изменение позиции — это вообще не вопрос. В конце концов, стоит просто несколько раз сказать про величие русского народа, сложить гимн Империи и пообещать социальную справедливость всем здесь и сейчас — и полдела сделано. К этому можно показательно посадить одного олигарха и пару полицейских чинов. Можно прокатиться на самолете и на лошадях, накачать пресс и надеть военную форму (адвокатскую, например) или просто что-то в стиле парамилитэр. Все это вполне доступно премьеру.

Вполне можно определить сроки последнего шанса начать политику в преддверии 2018-го. Этот момент — весна 2012 года. Позже уже не успеть. Как опознать, принято ли решение Медведевым о возврате политики или нет? Очень просто: весной, возможно, еще до президентских выборов, еще в статусе Президента он должен будет запустить популистскую программу, включить социальный (что ему проще) и националистический (что ему противно) дискурс. Либерализм надо будет перевести на уровень «подразумевания», и так все либералы при начале его противостояния с Путиным автоматически перейдут на его сторону (для этого никаких сигналов подавать не надо: имидж Медведева — сам по себе знак).

Стратегия партии Медведева: сеть

Каков возможный сценарий возврата политики? Здесь все непредсказуемо. У Путина несравнимо больше шансов на победу в 2018-м, но она далеко не гарантирована. Если Медведев будет действовать с умом, у него тоже есть шанс. Интеллектуальное превосходство (либеральные пиарщики и политтехнологи) и международная поддержка (а значит, и американские пиарщики и политтехнологи) будут на его стороне. В ответ на это Путину также придется придавать себе и своей «партии» (которую надо прежде создать, возможно, на основе ОНФ^[11]) политическое содержание. И тут вопрос: сообразит ли он, на кого в такой ситуации опереться и есть ли у него такая опора (интеллектуалов он особенно никогда не жаловал)? Не пойдет ли он путем наименьшего сопротивления, перекупая сотрудников штаба конкурента, действуя силовыми и подковерными методами? Не начнет ли он гасить политику, вместо того чтобы противопоставить Медведеву свою политику (что потребует политического оформления того консенсуса, который и так существует между Путиным и народом, но пока по факту, а не на идейной основе)? Этот вопрос пока открыт.

Теперь несколько слов о международном контексте. Можно себе представить, с каким нетерпением Запад (и в первую очередь США) ждет момента начала «политики» в России. Это для Вашингтона шанс. И американцы непременно приведут в действие всю свою

агентуру влияния в России, чтобы создать благоприятные условия для радикализации ситуации. 2018 год — это срок проведения отложенной (по причине назначения преемником Медведева) оранжевой революции 2008-го. Это наиболее благоприятный для Запада исторический момент для прерывания наметившегося процесса возврата России как суверенной державы в мировую политику. И в такой ситуации, надо полагать, будут задействованы все силы.

В первую очередь активизируется либеральная прослойка в самой России, многочисленные НПО, фонды и радикальная оппозиция. Перед ними встанет задача создать социальную атмосферу — в СМИ, в экспертном сообществе, в молодежных средах, благоприятствующую Медведеву и наносящую урон позициям Путина. Будет запущена медведевская сеть — не тот формальный пул среднероссийского чиновничества (президентская тысяча), но реальная сеть, скрытая от глаз и действующая по планам, разрабатываемым за пределами России. В 90-е такие сети действовали чрезвычайно эффективно для поддержки Ельцина и младореформаторов. Далее начнется новая волна дестабилизации на Северном Кавказе. То, что там происходит сейчас, — цветочки. Ингушетия, Дагестан, Кабардино-Балкария, в какой-то момент и сама Чечня станут настоящим театром боевых действий. И здесь сети, управляемые извне России, будут аккуратно ситуативно подыгрывать Медведеву. Наконец, на дипломатическом уровне Запад серьезно поддержит Медведева-премьера, однозначно встанет за него горой, сделав ряд шагов, чтобы показать успешность и результативность его политики (якобы в противовес Путину).

Стратегия партии Путина: идеология

Какую же оптимальную стратегию следовало бы в такой ситуации принять Путину? Политизация подтолкнет его к тому, что он всегда ранее откладывал на потом и чего хотел бы избежать в дальнейшем — к выработке ясной стратегии развития России, к созданию своей собственной политической программы. Пожелания со стороны истории и масс к контенту этой стратегии в целом очевидны. Народ ждет от Путина укрепления порядка и централизации, сильной отеческой (патерналистской) власти, восстановления в полной мере международных позиций России, защиты суверенитета, возврата на имперские патриотические позиции. Это все было и так, но своими именами не называлось и в последовательную законченную программу не воплощалось. Теперь придется это сделать.

Но вот чего от Путина все давно ждали, так это полноценной охоты на олигархов. Изгнание Гусинского, Березовского, Невзлина и иже с ними было для народа бесценным подарком. Еще большим подарком была посадка Ходорковского и Лебедева. Но это отдельные шаги, народу же нужна программа по искоренению олигархии как политического и экономического явления. Декларированная и показательная, системная. Пока все знаковые фигуры от Абрамовича до Дерипаски не сядут или не убегут, радость народная будет омрачена сомнением. Более того, важна не сама посадка, а проникновенные слова Путина, осуждающие олигархию, простые и внятные человеческие слова. Это будет значить больше, чем посадка. Русские некровожадны — мы просто очень любим правильную, нравственно здоровую речь.

И, наконец, Путину придется обрисовать внятно горизонты будущего для России. Пересказать с комментариями свою мюнхенскую речь; растолковать, что такое

многополярный мир и почему он необходим России; объяснить губительность либерального «конца истории»; очертить перспективы возрождения российской промышленности и экономики в целом. Набросать идеальные границы нашего влияния в мире. Утвердить традиционные для русских и автохтонных народов России консервативные, укорененные в глубине народной жизни ценности (семья, нравственность, общинность, жертвенность, чувство вселенской миссии). Он должен будет описать образ будущего, близкий лично ему, Путину.

Сохраняющееся влияние Путина на чиновничество, на силовиков, на тех, кто приехал с ним из Питера, — это очень важные факторы. Но они не смогут быть конвертированы в политику напрямую. Чиновники и силовики деполитизированы еще в большей степени, чем народ. Им есть что терять, и поэтому, если схватка начнется серьезная, большинство из них будет готово в любой момент перебежать к тем, на чьей стороне будет перевес. В человеческом смысле это чаще всего мусор, на который надежды возлагать опасно. Прежде чем на них можно будет рассчитывать, их необходимо политизировать. И все по кругу: чтобы политизировать сторонников, надо иметь политику.

Одним словом, чтобы выиграть в возможном противостоянии приз 2018 года, Путину придется — явно вопреки его воле и отчасти вопреки состоянию масс — вступить в политику и закончить с деполитизацией (либо отложить ее на время), со столь удобной для него и столь приятной для народа аполитией. Если под воздействием обстоятельств Путин пойдет на это, то, кроме всего прочего, будет вынужден решить ту задачу, которую он в инерциальном состоянии «политических» процессов решать явно не собирается: задачу разработки содержательного политического и идеологического проекта, обращенного к будущему. Этому можно было бы только порадоваться, не будь слишком велика опасность: если политика вернется в Россию, она возвратит вместе с собой все заложенные в ней риски. И тут может сказаться в самом негативном ключе незавершенность всех предшествующих путинских реформ: непременно даст о себе знать и сепаратизм, и недоистребленная пятая колонна (проводник внешнего управления), и цинизм олигархии, и разрушенная промышленность и наука, и нерешенность социальных проблем, и запущенность, нравственного воспитания молодого поколения. Одним словом, мы на самом деле можем скатиться в 90-е.

Но избави нас от политики

Описав такой катастрофический сценарий возвращения политики, надо снова вернуться к началу — к той беззаботной и спокойной жизни без политики, которой мы сможем наслаждаться в том случае, если Медведев последует по благому пути имитации политики и не станет жертвой того гипноза, в который он сам и погружает своих пациентов (массы). В любом случае отсутствие политики лучше, чем ее присутствие. Этого хочет народ, это устраивает власть. Поэтому, если этой весной мы не заметим серьезных изменений в поведении Медведева, можно будет к лету вздохнуть с облегчением. Фу, пронесло. «Тандем крепок как никогда», а позже Медведев уже просто не успеет ничего принципиально изменить. И тогда, как бы ни старались деструктивные силы, американские сети и подрывные элементы, два российских соправителя в едином порыве справятся со всеми кознями, которые готовятся недоброжелателями на 2018-й, и каждый получит искреннюю поддержку и одобрение народа, а пятая колонна либо присмирееет, либо упакует чемоданы и

с вещами отправится на выход. А если все участники примут свои роли именно как роли, то и чемоданов паковать не придется. Даже «Эхо Москвы» будет вещать, как прежде. Никому они, по сути, не мешают, даже наоборот — поддерживают в патриотах боевой дух (надо же кого-то ненавидеть).

Без политики, конечно, скучно. Но если политика в реальности, а не в грезах, означает обязательно плохую политику (как было в 90-е и как может, не дай бог, случиться снова), то лучше ничего, чем такая политика. Конечно, было бы замечательно, чтобы была хорошая и содержательная, внятная и конструктивная политика у России на будущее и чтобы ее разработал и олицетворял Путин, чтобы помогал ему в этом юный Медведев, и чтобы она еще больше сплотила народ и власть. Но лучшее — враг хорошего. Пока это утопия, никто не делает ни единого жеста в этом направлении, а то, что делается, смешно и лучше бы вообще не делалось. А вот «плохая политика» — либеральное реформаторство, модернизация как тотальная приватизация, игра с суверенитетом, угроза раскола и распада страны — вот это, напротив, вполне реально, но очень этого не хотелось бы. В любом случае наш анализ показывает, что все сейчас зависит от Медведева. На него массивно оказывается дурное влияние. Для хорошего влияния пространства и ситуаций практически нет. Может быть, так и задумывалось, кто знает. Но нельзя недооценивать и Путина, и сам медведевский здравый смысл. Если ситуация будет оставаться неизменной до следующей осени, то все дурновлияющие принесут вред только самим себе (мы их записываем пофамильно — всех тех, кто подбивает Медведева восстать на Путина), поезд уйдет, и политики на 12 лет не будет. Если только не война, но и в этом случае она будет навязана России извне.

Возврат политики в Россию несет с собой все заложенные в ней риски, а вернуться она может только при разделении общества по формуле Медведев vs Путин. Нам же остается наблюдать, как будет разворачиваться ситуация в решающем 2012 году. Правда, есть и иной выход: в отсутствие политики можно сосредоточиться на чем-то ином — кому на бизнесе, кому на духовной жизни, кому на науке и образовании, кому на спасении души, кому на ремесле, кому на изучении истории или природы, кому на любви, кому на путешествиях. Жизнь богата всем, и если политика закончилась, можно найти себе иное занятие. Жила бы страна родная. Так что черт с ней, с политикой! Она и есть главный вызов Путину.

Глава 4

Геополитика Путина

Смена внешнеполитического курса

Приход Владимира Путина к власти ознаменовался резкими изменениями не только во внутриполитическом устройстве, но в первую очередь — во внешнеполитической ориентации России начала 2000-х. Именно с визитов Путина в страны Дальневосточного региона началась эпоха новой евразийской политики. Поворот российской политики к востоку стал закономерным и в высшей степени позитивным следствием осознания новым российским руководством геополитических вызовов России в новых исторических условиях. Вопрос в мировой политике был поставлен следующим образом — будем ли мы иметь однополярный мир с единственным субъектом истории в лице США либо удастся установить реальную многополярность. В одиночку Россия и любая другая крупная региональная держава не способны сбалансировать геополитическую мощь США. Следовательно, многополярный мир не сложится. Это было понятно уже тогда. Единственный вариант остаться в роли субъекта истории для России — заключить долгосрочный стратегический альянс с великими державами Евразии, обладающими мощным демографическим, экономическим, военным и культурным потенциалом. Реализации этой евразийской внешнеполитической линии, постепенно становящейся идейно-правительницей новой России, и были посвящены турне нового Президента. Он выдвинул и осуществил смелые геополитические инициативы. Это и активизация отношений по осям Берлин — Москва, Москва — Тегеран, Москва — Дели, Москва — Пекин, Москва — Токио. Хотя по своей значимости они не одинаковы. Но все это соответствует евразийской геополитической стратегии, единственно приемлемой для России, и в этом мы готовы всячески поддерживать Путина и помогать ему в подобных начинаниях.

Устанавливая тесные контакты со странами Азии, Россия приобретала долгосрочных партнеров в экономическом и стратегическом развитии, обеспечивая минимальные предпосылки для возможности многополярного мира. В тот момент мы стали очевидцами очень важного события — поворота российской политики от безоглядного атлантизма к постепенному вхождению в логику евразийской интеграции. Налаживание тесных связей со странами Азии само по себе не является антизападным шагом. Но тем не менее дает понять Западу, что претензии на единоличную мировую гегемонию с его стороны несостоятельны и не устраивают не только Россию, но большое количество мощных мировых держав, что заставляет Запад обращаться с евразийскими государствами и народами в корректной демократической манере с признанием и уважением к их цивилизационному выбору. Содержательная сторона турне Владимира Путина начала 2000-х по странам Востока и анализ деклараций и оценок аналитиков из СМИ данных регионов указывали на то, что это не просто дежурные визиты вежливости, но начало нового евразийского курса.

Мыслить пространством

Долгое время в нашей стране геополитика считалась наукой буржуазной и ложной. Напомню, данная дисциплина рассматривает мировую историю как противостояние двух типов цивилизаций: Морской и Сухопутной. Геополитика видит пространство как некую реальность, не только географическую, но качественную, влияющую на тот тип цивилизации, который на этом пространстве складывается, а также предопределяющую во многом психологию народа, который живет на данной территории, в том или ином ландшафте. Именно эта связь культуры, традиции и цивилизации с качественным пространством лежит в основе геополитического метода.

В начальной форме этот метод был предложен Фридрихом Ратцелем, германским исследователем, которого принято считать основоположником политической географии — предшественницы геополитики. Рудольф Челен, шведский ученый, предложивший сам термин «геополитика», так же серьезно исследовал эти проблемы. Однако основы этой науки в ее окончательном виде были заложены в небольшой статье английского ученого сэра Хэлфорда Макиндера «Географическая ось истории», где обобщается принцип противостояния сухопутной и морской цивилизаций. Макиндер делает вывод о том, что сухопутная цивилизация обладает своими качественными характеристиками, как то: иерархизм, авторитаризм, превалирование идеалистических ценностей над меркантильными, постановка коллективного, общественного над индивидуальным. Морская цивилизация отличается в большей степени индивидуализмом, плутократией, представлением о возможности приравнять различные системы ценностей к финансовому эквиваленту. В качестве типологии рассматривается Рим — сухопутная цивилизация и Карфаген — морская, далее Англия, владычица морей, и противостоящие ей континентальные Франция и Германия. И, наконец, оплотом сухопутной цивилизации на Земле является то, что в геополитике принято называть «хартлендом» или «срединной землей». Это — массив Евразийского континента, лежащий в северной и восточной его частях, который географически и исторически совпадает с территорией России: Российской империи, Советского Союза, Российской Федерации.

На основании такого исторического подхода делается вывод о естественном и предопределенном противостоянии этих двух типов цивилизаций, которое основывается не на идеологии или конкретных национальных интересах (которые могут быть различными даже у государств одного и того же политического типа), а на фундаментальной цивилизационной оппозиции, на столь же базовых, абсолютных принципах, как, например, марксистское понимание классовой борьбы, противостояния труда и капитала. Геополитика учит о диалектическом противоборстве Суши и Моря, которое предопределяет процесс исторического развития стран и цивилизаций. Вот, что такое геополитика.

Применительно к России геополитический анализ ситуации или геополитический взгляд на историю, геополитический подход к вычленению наших стратегических интересов вытекают из понимания естественного и органичного противостояния между Россией (какой бы режим здесь ни был: демократический, коммунистический или царский) и западным миром, в основном воплощенного сегодня в англосаксонских странах, то есть в США и их важнейшем европейском союзнике — Великобритании. Следовательно, применение геополитического подхода к истории показывает, что противостояние

Российской империи с Английской короной было предопределено этими фундаментальными параметрами. Таким образом, все основные конфликты второй половины XIX века — начала XX века происходили в рамках именно этого противостояния. Это и Крымская война, войны на Балканах, столкновения в Афганистане и Средней Азии, интервенция в Китай в 1900 году и даже Русско-японская война, спровоцированная не без помощи англичан. На социально-политическом уровне речь шла о противостоянии двух монархических систем. Тогда это обосновывалось противоречием державных (колониальных и империалистических) интересов. Позже, когда в России пришли к власти большевики, сходный конфликт приобрел характер идеологического противостояния социализма и капитализма. Но геополитическая суть осталась абсолютно той же. Геополитический подход объясняет также, почему переход к новым идеологическим моделям в России, которая официально приняла либерал-демократические ценности, не снимает прежнего геополитического противостояния с либерально-демократическими США.

Геополитика делает более относительным собственно идеологический фактор «холодной войны», привязывая ее к геополитической модели. Это не значит, что идеология вообще не играет никакой роли. Играет и будет играть. Но саму идеологию, если уж на то пошло, следует рассматривать как своего рода сублимацию геополитики. Ее функция тогда обнаружится, как переводение глубинных геополитических тенденций в доступную и понятную большинству народа форму.

Жизнь показала, что, несмотря на наш отказ от той идеологии, которая якобы была причиной антагонизма между США и СССР, отношения России и Запада не улучшились. К России по-прежнему относятся с недоверием, с непониманием, с подозрением. НАТО расширяется на Восток, бомбит наших союзников — сербов. Мы продолжаем идти на уступки, а нам говорят, что в России якобы «преступный олигархический режим», что «демократия у русских неправильная», и так далее. То есть повод, чтобы видеть в России врага для Запада, всегда найдется, и причина здесь именно в геополитических предпосылках.

Сейчас геополитический метод важен именно потому, что он идет на смену идеологической мишуре. На Западе нечем обосновать продолжающееся противостояние с Россией, кроме как геополитикой. Отсюда резкий взлет идей Збигнева Бжезинского и его программной книги «Великая шахматная доска». Но точно так же и у нас нет аргументов для объяснения такой ситуации. Россия стала демократическим государством, в ней действует система разделения властей, есть всенародно избранный Президент, то есть установилась система ценностей, формально сходная с западной. Однако содержательная сторона нашей цивилизации оказывается совсем иной. И вот для того, чтобы обосновать место России в современном мире, нам точно так же необходима геополитика как базовая дисциплина для оправдания и аргументации своих стратегических шагов. Это — не случайная мода, это надолго и всерьез, и это наша судьба.

Исходя из изначального дуализма мировой цивилизации, состоящей из двух противоборствующих систем, геополитика имеет два глобальных центра, где теоретическая деятельность совпадает с практической, с принятием решений, с влиянием на них на глобальном уровне — это США и Россия. В США самой влиятельной структурой в этой области является «Совет по международным отношениям» (CFR — Council on Foreign Relations). Его главные теоретики — Збигнев Бжезинский и Генри Киссенджер. Эти же личности вдохновляют международные органы принятия важнейших геополитических

решений — «Трехстороннюю комиссию», Бильдербергский клуб. В CFR геополитика предопределяет позиции по основным стратегическим вопросам большинства американских конгрессменов как республиканской, так и демократической партий. В этом универсальность геополитики. Она является общей базой для американского стратегического мышления! Основные ценности формируются исходя из принципов, основ и императивов геополитики, а уже относительно способов их реализации спорят различные школы. Вот, например, проект Френсиса Фукуямы «Конец истории» и проект Самуила Хантингтона «Столкновение цивилизаций». Это две версии предсказания общего западноцентрического развития событий в геополитической сфере. Фукуяма предлагает создание мирового государства «здесь и сейчас», Хантингтон утверждает, что этот проект надо отложить, потому что существует еще много противоречий в мире. Они не противоречат между собой в целях, единодушно считая, что необходимо построить единое мировое западноцентрическое государство под контролем США и учредить Мировое правительство. При этом Фукуяма утверждает, что сейчас, после крушения Советского Союза и социалистической системы, для этого в мире сложилась самая благоприятная обстановка, а Хантингтон считает, что мировые цивилизации еще должны пройти сложный процесс создания и распада новых геополитических блоков. Это серьезный спор, но в строгих рамках единой геополитической модели.

Поскольку противостояние ведется между Атлантистским миром и Востоком (Евразией), то вторым крупнейшим центром геополитической мысли на планете является российский. Миры российский и американский по своему геополитическому весу все еще сопоставимы. Стратеги США мыслят за весь Запад, за всю цивилизацию моря, геополитики России вынуждены, в силу своего положения, мыслить за весь остальной континентальный мир, за цивилизацию Суши, за Евразию.

Основным центром геополитики в России является «Центр геополитических экспертиз». Этот Центр (ЦГЭ) ведет работу с парламентскими структурами, а также с Советом Безопасности, с силовыми структурами, с Администрацией Президента. В нем разрабатываются масштабные элементы геополитической стратегии для России. По своим функциям ЦГЭ можно было бы назвать евразийским аналогом «Совета по международным связям», хотя масштаб, увы, конечно, у нас гораздо более скромный, поскольку жизненная необходимость геополитического метода еще не до конца осознана руководством страны. Но это технический вопрос и вопрос времени. Кроме того, существует ряд других структур, претендующих на то, чтобы называться «геополитическими центрами». Однако большинство из них пытаются заниматься геополитикой, отдавая дань моде. Есть соответствующие подразделения в большинстве силовых ведомств с иными названиями, но по сути весьма близкие к геополитическим исследованиям. В целом же в России идет становление геополитической школы, геополитики как науки, поэтому есть организации, которые имеют громкие названия, но не соответствуют по содержанию, и наоборот.

Если западная геополитика не может не быть атлантистской, то российская геополитика не может не быть евразийской. Причем это не вопрос выбора, это вопрос национального выживания. Либо наша стратегия будет направлена на поддержание России как альтернативного Западу центра, либо России просто не будет, а будет восточный придаток Запада. Необходимо также добавить, что между двумя глобальными геополитическими полюсами существуют промежуточные зоны, так называемый «римленд», береговые зоны. Там есть свои версии геополитики. Например, европейская школа, одним из

ярких представителей которой является Ив Лакост, советник бывшего президента Франции, Миттерана, издающий любопытный геополитический журнал «Геродот». Это версия геополитики малых масштабов, она стремится отойти от тех обобщений, которые свойственны американской или российской геополитике и были свойственны в свое время немецкой геополитике Карла Хаусхофера. Хотя в то же время работы Пьера Беара «К новой Евразии» и Пьера Галуа «Геополитика» достаточно объективные. В свою очередь немецкая школа геополитики мыслила глобально. Исходя из геополитических принципов, Хаусхофер был категорическим противником войны на два фронта. Он говорил о том, что с точки зрения законов геополитики Германия является не самостоятельным полюсом, а «римлендом», промежуточным пространством между атлантизмом и евразийством, и поэтому она должна сделать выбор: либо быть с Советским Союзом, либо с Англией. Но если с СССР, то против Англии, если с Англией, то против СССР. Как мы знаем, Гитлер остался глух к этим выводам и проводил авантюрную с точки зрения геополитики линию. Это было не просто ошибкой, это было колоссальным преступлением против германского и русского народов, против всего мира. Вот чего стоит неправильно выбранная геополитическая модель, переоценка одной геополитической категории и недооценка другой! Поэтому людям непрофессиональным, дилетантам в этой области, следует быть очень осмотрительными и не спешить с обобщениями, выступлениями, рекомендациями. Используя геополитическую терминологию, некомпетентные советники или аналитики могут наломать дров. В целом же европейская школа геополитики существует, и по мере становления Европы как самостоятельного политического субъекта она будет активно развиваться, но пока она только в стадии становления. Еще нет крупных правительственных центров, исследования ведутся отдельными людьми, такими как австриец Йордис фон Лохаузен, французы Лакост, Биар, Галуа, бельгиец Стойкерс.

У геополитики как науки много противников. Это, как правило, сторонники либо чистого марксизма, либо чистого либерализма, например Сорос. Они стремятся придать черты универсальности своим собственным, довольно тоталитарным идеологиям и отрицают влияние пространства на историю и политику. Тем не менее эта наука становится новой формой мышления, новым политическим языком XXI века, без овладения которым сегодня невозможно понять ни одну внутреннюю или внешнюю проблему России. В наше время любой крупный лидер или руководитель обязан мыслить пространством и оперировать геополитическими категориями. Так должен мыслить и Путин, если он всерьез собирается вернуть России ее геополитическую субъектность.

Патриотическое прозрение

США планомерно движется к закреплению мирового господства. Это официальный проект их внешней политики, вне зависимости от того, кто у власти: неоконсерваторы или демократы. Стратегически контроль над миром в их геополитике осуществляется через контроль над береговой зоной Евразийского континента, которая должна постоянно расширяться вглубь. Для России и постсоветского пространства эти «Большие шахматы» означают только одно: однополярный мир с доминацией США будет создаваться за наш счет. Причем делается это чужими руками. Сценарий на всем постсоветском пространстве один и тот же: проамериканские силы с опорой на местный национализм свергают колеблющиеся режимы, тяготеющие к Москве, и инициируют циклы нестабильности по периферии России — особенно там, где этноконфессиональная ситуация благоприятствует конфликту. Окончательный вывод стран СНГ из-под влияния Москвы и начало дезинтеграции самой РФ — это стратегический план США на ближайшее десятилетие.

В частности, ситуация на Кавказе является прямым следствием планов по укреплению американской гегемонии. Этот план открыт и носит название «Project for New American Century». «Революция роз» в Тбилиси — важная часть плана. Колеблющийся между Вашингтоном и Москвой Шеварднадзе смещается, к власти приводится проамериканский молодой националист Саакашвили. И план по дестабилизации болевой точки всей евразийской геополитической конструкции запущен в действие. Дальше следует вероломное вторжение в Южную Осетию, которое привело реализацию плана в состояние сбоя, но не отменило его: США продолжают перевооружать Грузию, выдержав небольшую паузу. Однако на сей раз это отмечают и в Москве. В своем недавнем интервью Владимир Путин недвусмысленно определил свое отношение к готовящемуся новому витку эскалации на Кавказе: «Я вижу, намерения сегодняшней администрации США улучшить отношения с Россией совершенно четко прослеживаются. Но есть и другое. Например, происходит дальнейшее перевооружение Грузии. Зачем? Ну, это же реально. Мы же видим. Если бы не было перевооружения два года назад, не было бы и агрессии, и крови, которая там пролилась. А ведь, между прочим, нашим партнерам об этом говорили, в том числе и наши европейские друзья. И все отмалчивались. И чем закончилось? Довели до войны. Сейчас продолжают перевооружение»^[12].

Атлантистское наследие Горбачева и Ельцина в окружении Путина

При Горбачеве и Ельцине Москва откровенно подыгрывала Вашингтону, ликвидируя в одностороннем порядке все преграды для единоличной американской доминации в мире — Варшавский договор и СССР. Москва играла на стороне США, а значит, против себя самой. Как называется такое поведение, не стоит напоминать. Владимир Путин пришел к власти на волне отторжения Россией прежней самоликвидаторской стратегии. Путина выбрали за мускулы, за решимость покончить со сдачей русских интересов во внутренней и внешней политике. На вторжение Шамиля Басаева в Дагестан Путин ответил адекватно и получил геополитическую легитимацию и поддержку населения. Но геополитического перелома в первый срок правления Путин достичь не смог. Атлантистские прозападные экспертные кадры, унаследованные от эпохи Ельцина, в критические моменты склоняли Путина в

сторону атлантистского выбора. А ведь любой компромисс с атлантизмом для Москвы был равнозначен отказу от собственных стратегических интересов. Солидарность Москвы с Вашингтоном в вопросе так называемого «международного терроризма» ничего конкретного ей не дала и дать не могла: Запад по-прежнему давит на Кремль в отношении Северного Кавказа, а американские военные базы в Центральной Азии никак не укрепляют национальную безопасность России.

Усилиями атлантистской группировки в окружении президента в течение всего первого срока патриотическая стратегия не могла достичь той черты, за которой она стала бы необратимой, и Россия окончательно утвердилась бы на пути геополитического возрождения.

Южная Осетия: критическая точка российской геополитики

Все противоречие геополитической линии Путина проявилось в ситуации с Саакашвили, который был приведен к власти именно для того, чтобы интенсифицировать конфликт с Россией, окончательно вывести Грузию из-под российского влияния, втянуть ее в конфликт, создать предпосылки для размещения американских сил на Кавказе. Этот план был связан с проектом Буша «Greater Middle East» и предполагал новую волну дестабилизации ситуации на Северном Кавказе — чему примеры убийство Ахмата Кадырова, мятеж в Ингушетии с последующей ее перманентной дестабилизацией, и инсургенция боевиков в Кизляре. На повестке дня беспорядки в Кабарде и новый цикл напряженности в Карачаево-Черкесии. Атлантистские советники и прямое давление Вашингтона убедили президента, что Саакашвили удовлетворится Аджарией, и острота проблемы будет снята. Это был серьезный стратегический просчет. Саакашвили действует по строго определенной националистической повестке дня, сформулированной в Вашингтоне: чем больше Москва пойдет на поводу у Тбилиси — тем лучше. Но для США Россия — не равный партнер, с ней не договариваются, ее принуждают. Принудив вывезти Абашидзе, Саакашвили начал настаивать на «вывозе Кокойты», Багапша. Когда Москва заупрямилась, Вашингтон пошел, как и всегда, на жесткое обострение ситуации.

Трагедия августа 2008-го в Южной Осетии стала своего рода тестом для Владимира Путина — действительно ли он отошел от власти, передав реальные рычаги более либеральному и прозападному Дмитрию Медведеву, или же оставил за собой контроль над основными стратегическими вопросами, касающимися настаивания на сохранении реального суверенитета России.

Геополитический выбор президента Путина

В августе 2008-го Владимир Путин оказался в точке фундаментальной бифуркации: его геополитическая легитимация (патриотизм и евразийство) обязывали его активно поддерживать Южную Осетию. Ситуация тогда стала особенно критической оттого, что в Южной Осетии Саакашвили столкнулся не с фрондирующим кланом, а с воинственным древним осетинским этносом, некогда вошедшим в Россию добровольно и исторически выполнявшим функцию российского форпоста на Кавказе. Северная Осетия также никогда не согласится с радикальным отделением южноосетинских земель от России. Поступив с Южной Осетией так же, как с Аджарией, Путин навсегда утратил бы свою легитимность в

патриотически настроенном сегменте российского общества, являющемся основой его политической поддержки. И он это прекрасно понимал. Сдача Южной Осетии означала бы для Путина личную катастрофу, политическую делигитимацию и денонсацию своей миссии возрождения государственности. Но нелегко было сделать и резкий шаг в сторону Цхинвала: это означало бы резкое ухудшение отношений с Вашингтоном, возможный прямой саботаж со стороны проамериканской агентуры влияния, контролирующей многие стратегические точки страны в экономике, экспертном сообществе и СМИ.

С каждым новым шагом США по направлению к России компромисс между патриотизмом и западничеством, который составлял основу геополитической формулы Путина первых восьми лет, был все менее возможен. Можно себе представить, сколь сложным является выбор Путина: быть на стороне страны и народа, ибо это означает бросить вызов заокеанскому гиганту; поддаться давлению атлантистского колосса означает предательство всей России, всей национальной истории.

Сегодня Путин вновь стоит перед выбором: ослабить хватку, пустив ситуацию на самотек, к чему его склоняет вновь поднявшее голову либерально-атлантистское лобби, переместившееся в окружение Медведева, либо вновь принять на себя ответственность за судьбу России и русского народа, открыв новый цикл патриотической истории, возвращения России статуса великой мировой державы. Мюнхенская речь Путина, всполошившая тогда западное сообщество, сегодня становится его реальной политической платформой, что он открыто декларирует: та самая знаменитая речь, произнесенная в Мюнхене, стала особенно актуальна именно сейчас. «По сути, я же говорил правду. Я же правду сказал!» — заявляет Путин, несмотря на то что с момента мюнхенской речи прошел не один год. «Я просто не мог осознать ее глубины. А не потому, что я не решался сказать. Или считал несвоевременным. А на самом деле все очень просто: как в быту. Нам сказали одно, а сделали совершенно другое. Причем в полном смысле этого слова надули! В ходе вывода войск из Восточной Европы генсек НАТО сказал нам, что СССР, во всяком случае, должен быть уверен в том, что НАТО не будет расширяться дальше существующих его границ. Ну и где же это все? Я так и спросил их. Им ответить-то нечего. Обманули самым примитивным образом. И, кстати говоря, к сожалению, я должен это констатировать, и я без стеснения произнесу то, что сейчас скажу вам вслух: вот в такой большой политике такие элементы, как минимум элементы надувательства, встречаются нередко, и мы вынуждены это учитывать»^[13].

Мюнхенская речь Владимира Путина стала программой его возвращения как исторической фигуры, окончательно принявшей путь возрождения России. И в этой связи 2012 год — это не просто дата. Владимир Путин может вернуться только как историческая фигура, окончательно принявшая путь возрождения России как великой державы. Иначе все предыдущее — сделанное, сказанное — станет напрасным. Россия ждет лидера, который вернет ей былое величие. И другого нашему народу не надо.

Путин: «отрицаюся сатаны»

В последнее время все яснее в высказываниях Владимира Путина вырисовываются основные моменты новой внешней политики России, что дает реальную возможность составить картину внешнеполитической доктрины, которая еще недавно была довольно расплывчатой. Основные моменты этой доктрины, безусловно, исходят из предпосылки о решимости вывести Россию в разряд великих мировых держав. Сделать ее самостоятельным и влиятельным игроком планетарного масштаба. Впервые Владимир Путин дал понять, каким он сам видит место России в контексте «Большой восьмерки». А именно это позволило понять, каким Кремль на тот момент видел отношения с Западом и всем остальным миром. «Я знаю, что такие записные недоброжелатели нашей страны есть. Они все еще остались в прошлом веке, все это специалисты в области советологии. Несмотря на то что Советский Союз прекратил свое существование, они все еще там, потому что другой специальности у них нет... никто не хочет, чтобы «восьмерка» превратилась в сборище «жирных котов», потому что разница, дисбаланс в мире, нарастают», — заявил Владимир Путин в ответ на высказывания тогдашнего госсекретаря США Кондолизы Райс, протестовавшей против председательства России в «Большой восьмерке».

За образным сравнением с «жирными котами» и упоминанием о «золотом миллиарде» скрывается законченная геополитическая концепция. «Большая семерка», то есть «восьмерка» за вычетом России, представляла собой клуб наиболее развитых стран, называемых иногда «первым миром». На противоположном полюсе располагаются развивающиеся страны, «третий мир». Ранее СССР представлял собой «второй мир», то есть особую геополитическую реальность, менее развитую технологически, экономически и социально, нежели Запад, но более успешную, чем страны «третьего мира». В эпоху Ельцина Россия пыталась отчаянно вписаться в зону «Первого мира», и была готова на все, в том числе и на отказ от своих традиционных зон влияния в Азии и на Востоке. На Запад любой ценой, даже ценой распада самой России — таков был курс. Однако, стремясь вписаться в «золотой миллиард», ельцинская Россия не только утрачивала свои позиции, но стала еще более отставать от Запада. Появилась угроза превращения страны в часть мировой периферии. В результате мы почти соскользнули из «второго мира» в «третий». Двуличный Запад, впрочем, поощрял это самоликвидаторство Москвы и в награду за послушание принял Россию в «Большую восьмерку». Не забывая, впрочем, продвигать структуры НАТО к нашим границам и выводить из-под нашего влияния один кусок постсоветского пространства за другим. Именно этому соскальзыванию в «третий мир» поставил предел приход Владимира Путина. Кредо Путина являлось — во что бы то ни стало сохранить за Россией позиции «второго мира». И упорство в проведении этой самостоятельной и независимой политики, которая становится все более и более очевидной, вызвало растущее негодование на Западе.

Россия при Путине все более осознает свою планетарную миссию. И эта миссия состоит в том, чтобы сбалансировать одностороннее господство «богатого севера» и выстроить справедливый миропорядок с учетом интересов и чаяний всех стран и цивилизаций. Включая регионы «третьего мира». У современной России недостаточно стратегического потенциала для того, чтобы в одностороннем порядке — как в эпоху СССР — уравнивать западный полюс. Но вполне достаточно сил, чтобы, оставаясь одной из самых развитых держав, выступать от имени униженных и оскорбленных. По этому поводу

Путин также в свое время высказался недвусмысленно: «Во-первых, у нас ракет еще достаточно. И более того, мы развиваем свой ядерный комплекс сдерживания. <...> В позапрошлом году успешно проведены испытания таких боевых комплексов, которых пока нет, и вряд ли раньше нас появятся на вооружении других стран мира. Это очень серьезные комплексы, для которых что есть система ПРО, что нет, — им безразлично». Отныне ясно, что все нападки со стороны «записных советологов», продолжающих реализовывать подходы «холодной войны» к нашей стране, будут жестко парироваться. Как выразился Путин по отношению к западным недоброжелателям, «с ними бесполезно дискутировать <...> Ну, что можно сказать таким людям? Они заслуживают только одной маленькой реплики: «Тьфу на вас», и все»^[14]. Плюнув на так называемых «советологов», Путин символически отрекся от атлантистской геополитики, которая основана на принципиальном противодействии континентальным государствам, занимающим центральное место Северо-Восточной Евразии. Будь то Российская империя, СССР или новая демократическая Россия. Таким же образом в обряде православного крещения крещаемый поворачивается к Западу, к месту, куда была низвергнута денница, и трижды плюет, повторяя «отрицаюся сатаны».

Будем называть вещи своими именами — нынешнее поведение Владимира Путина и его высказывания — есть признаки исторического реванша, возвращения на позиции «второго мира», заявка на авангард в сложном, но справедливом деле строительства новой многополярности. После этого без натяжек можно сказать: у России отныне есть внешнеполитическая доктрина. И эта доктрина соответствует основным критериям научного патриотизма. Теперь дело за малым: воплотить эти принципы в жизнь.

Федеральная реформа президента Путина

Геополитический анализ

По сути, к революционным изменениям во внутривластном устройстве привела Федеральная реформа Владимира Путина, в результате которой Россия пережила серьезные геополитические трансформации. Однако на тот момент еще далеко не все представляли, что такое геополитика. Это мировоззрение власти, наука о власти, наука для власти долгое время находились под прямым запретом коммунистической идеологии. Действительная же актуальность геополитики для России открылась лишь именно с приходом Владимира Путина. Во-первых, геополитика — это дисциплина содержательная. Когда мы говорим, что она для власти, мы подразумеваем, что люди, находящиеся у власти, могут проверить на практике то, что им очень полезно знать законы геополитики. В то время как обычный человек эту дисциплину может испытать лишь пассивно, например, для того, чтобы понять содержательную сторону новостей или событий, происходящих в мире. В любом случае, это содержательное понятие геополитики предполагает рассмотрение мира и мировых процессов, привязанных к географическим реальностям. Например, когда мы говорим о демократии, о национализме, о либерализме, о монархии; когда мы рассуждаем просто — в политологических терминах, — мы говорим об этих понятиях, не привязывая их к месту. Когда мы начинаем говорить геополитически о тех же самых реальностях, мы говорим — российская демократия, евразийская демократия, западная демократия, о том, как демократия применяется к Востоку.

То же самое и относительно экономических моделей. Необходимо не просто рассуждать, что лучше, «план» или «рынок», но помещать и «план» и «рынок» в конкретные географические, историко-географические контексты. Но самое простое выражение геополитики сводится к следующему: между современной евразийской моделью множества цивилизаций и современной атлантистской, западной цивилизацией существует неснимаемое историческое, цивилизационное противоречие. Не сводящееся только к проблемам идеологии. Это доказывает тот факт, что когда Россия была империей и Британская империя была монархией, между нами существовали фундаментальные геополитические противоречия. Несмотря на сходную форму правления, у нас были совершенно разные цивилизационные интересы. Когда Запад стал демократическим, а Россия — большевистской, то под другой идеологической моделью все равно продолжали существовать те же самые геополитические противоречия. Когда Россия стала демократической, эти противоречия с демократическим же Западом никуда не исчезли. НАТО продолжила расширяться на Восток, бомбить наших геополитических союзников сербов, тем самым лишь подтверждая базовые законы геополитики, гласящие о том, что цивилизационное пространство, культурная география определяют исторические отношения между крупными геополитическими блоками, крупными народами и державами.

Евразийский проект — путь великой державы

Не отрицая либерализм в абсолютном смысле, следует тем не менее отрицать тот рецепт либерализма западного типа, который нам навязывается атлантистскими

геополитическими силами. Понятно, что какие-то элементы либерализма в экономике надо адаптировать в нашей специфике евразийской реальности. Что же касается советско-царистского проекта: эти исторические формы существования нашего общего евразийского пути в истории России себя изжили, они исчерпаны. Не стоит ратовать за их полное отрицание или опровержение никоим образом, но при этом надо понимать, что они исчерпаны исторически. На данном этапе мы должны выработать новый, третий путь, третью модель нашего государственного мировоззрения, государственной и культурно-общенародной идеологии, которая будет продолжать и развивать общую миссию нашей исторической судьбы на новом этапе.

Евразийская модель — начало рассмотрения нашей нынешней ситуации исходя из качественного цивилизационного пространства. Это является самым важным и перспективным путем развития нашего общества, поскольку позволит, сохранив основной импульс (географический, исторический, — которые лежали на предшествующих этапах развития нашего государства), тем не менее отыскать и разработать совершенно новое и уникальное мировоззрение для России в XXI веке, базируясь на исторических этапах. Мы должны идти дальше, не просто возвращаться к старому, а создавать новый синтез. С этих позиций и стоит оценивать Федеральную реформу Путина.

Еще с момента назначения Владимира Путина исполняющим обязанности премьера начинался иной этап в истории Российского государства. Давайте посмотрим на содержательную сторону тех событий, тех перемен, которые произошли за несколько лет до появления Путина. Мы перешли от коммунистической модели к демократической. Под этим знаком бурно развивались события с конца 80-х годов до конца 90-х годов. Но уже к середине правления Ельцина стало ясно, что прямое внедрение западных либеральных ценностей в России невозможно, оно наталкивается на глубинное сопротивление не просто какой-то оппозиции, а на базовые архетипы нашего национального уклада. Это стало понимать ельцинское окружение. Я тогда думал над тем, сам ли Борис Николаевич эволюционирует в этом ключе под воздействием объективных фактов, либо ему на смену придет тот человек, который не будет запятнан либеральными ошибками и реализует уже новый курс.

Новый курс назревал еще при Ельцине, началось привнесение в идеологию патриотически-державных ценностей. Однако при Ельцине полноценно сделать это не удалось. Но его преемник — Владимир Владимирович Путин воплотил в себе именно этот курс — на новое государственное строительство, на новое утверждение державной линии, на консолидацию всего российского общества в этом сложном историческом периоде, когда наши основные государственные ценности стояли под ударом. И по внутренним причинам, поскольку российское общество было расколото благодаря национальным конфликтам, сепаратизму, социальным кризисам, и под внешним давлением нашего геополитического соперника, воплощенного в Западе. Таким образом, путинский курс, его жесткая реакция на наглое выступление ваххабитов в Дагестане, захват чеченскими ваххабитами дагестанских территорий и, собственно говоря, Вторая чеченская кампания, плюс его федеральные реформы и вся его деятельность были направлены на усиление российской государственности. Это он декларировал, он это делал, и этот курс объективно соответствовал запросам того момента.

По большому счету это стало революцией сверху, которую мы пережили. Мы перешли от коммунизма к демократии, а затем, с приходом Путина, от западной, экстремистской,

либерал-демократической, атлантистской модели к некоему патриотическому, евразийскому курсу. Это очень серьезный процесс, который затронул абсолютно всех. Речь идет о переделе мировоззрения, а это гораздо больше, чем передел собственности или властных полномочий. Речь идет о том, что мы меняем вехи. Это очень серьезный момент. Путин это декларировал, и Путин начал это осуществлять.

Стратегия собирания русских земель

Началом федеральной реформы, не эпизодом, а именно началом некоей стратегии можно считать политику Путина по отношению к Чечне. Во-первых, необходимо было подавить очаги сепаратизма в Российской Федерации. И они были связаны не только с Чечней и Дагестаном. В тот момент существовала колоссальная угроза для территориальной целостности нашего государства в связи с произволом местных губернаторских систем. Сами губернаторы в значительной степени превратились в мелких царьков, установивших полукриминальные режимы, очень слабо связанные не только с законностью, но и с единством центра.

Во время ельцинского периода сложилась абсолютно отрицательная и негативная практика политической торговли регионов с центром: центр давит, ставит свои условия, губернаторы и регионы с ним торгуются. Плюс огромное количество лобби и влияний, Борису Николаевичу нашептывали представители тех или иных губернаторских групп — один день на одно ухо, другой день на другое. Поэтому никакой последовательной политики центра и регионов при Ельцине не было. Более того, усугублялись возможности государственного сепаратизма, нарушалось единое правовое административное управление Россией. И, по большому счету не только угроза национального сепаратизма была очень актуальна, но нарастала угроза просто распада страны. Если мы учтем геополитический фактор того, что Збигнев Бжезинский — крупнейший американский геополитик, и предполагал — распад России, соответственно, можно увидеть за этим действиями, за этим сценарием некое западное влияние. Я много работаю с материалами различных западных проектов, служб — закрытых и полужакрытых и могу с полной ответственностью сказать, что за произволом губернаторов в ельцинский период почти постоянно и повсеместно стоят определенные стратегии нашего геополитического противника. В той или иной степени, прямо или косвенно, через экономические, политические и другие структурные, промышленные и дипломатические рычаги. Чечня — это был пик того, как западные спецслужбы через Турцию, Саудовскую Аравию отрабатывали возможность распада России в наиболее экстремальной форме путем натравливания еретической псевдоисламской секты ваххабитов на русских. Этот вариант — один из вариантов распада. Продумывались и создавались структурные базы и для других моделей, в том числе по чисто региональному признаку. Путин бросил вызов всему этому процессу развала России, продолжив его своей федеральной реформой. Тут, мне кажется, совершенно однозначна ориентация, абсолютно ясная направленность всех его действий. Кстати, обратим внимание на его поддержку в создании союзного российско-белорусского государства, интеграцию в рамках СНГ стран таможенного союза.

Путин проводит последовательную политику собирания русских земель. Это — отнюдь не импровизации, это последовательный путь, продуманная, последовательная политика. Более того, я даже думаю, что здесь существует некоторый парадокс. Путин пошел гораздо

дальше в деле державостроительства, чем та патриотическая оппозиция, которая критиковала его предшественника Ельцина. И здесь возникает интересный момент. Патриотическая оппозиция оказалась не способна встроиться в поддержку Президента, стать его опорой, и это противоречит их же собственным лозунгам. Так как никакой патриотический кандидат, на мой взгляд, не мог бы вести столь последовательную, радикально жесткую, и с другой стороны, очень грамотную политику по восстановлению государственности, чем Владимир Владимирович Путин. И это, безусловно, продукт последовательной, разумной, размеренной и, на мой взгляд, крайне верной линии продуманной стратегии. Федеральная реформа Путина — это реформа государственническая, державостроительная. Я ее поддерживаю на все сто процентов.

Безусловно, Путин был вынужден предпринять чрезвычайные меры. Он гасил пожар. Если в момент погашения пожара пожарные наступят в доме на хрустальный сервиз — ничего страшного, так как спасаются жизни людей, спасаются здания. Но в дальнейшем, хочу подчеркнуть, регионы должны получить определенную компенсацию за лишение их некоторых суверенных полномочий, якобы автономий и суверенностей, которые они смогли приобрести за время бесхозного управления государством эпохи Ельцина. И здесь вопрос не в том, что это репарации или выплаты, речь идет о том, что необходимо по-новому объяснить регионам, русскому народу, который живет в большинстве этих регионов, и одновременно другим российским этносам, почему, собственно говоря, они должны быть в составе единого государства.

Здесь нам приходит на помощь евразийская идея, которая отрицает предшествующие формы мобилизации России в единое государство. При царе, вспомним, как объяснялось: существует *монархия*, существует *православие*, существует *народность*, и вот эти три термина *уваровской формулы* ^[15] объясняли единство государства, единства народа и были высшим критерием. В советский период была идея об интернациональной дружбе народов, советское государство, социализм, и это было мотивацией сохранения народа в едином государстве. Сегодня оба эти принципа недействительны. Говорить о том, что мы должны находиться в едином государстве ради демократии — абсурдно, потому что наша демократия — очень неопределенная вещь, она еще до конца не сложилась. И уж практически никого из здравомыслящих людей этот термин не может мобилизовать на сознательное и волевое сохранение единства государства. Таким образом, мы должны продумать новую систему мотивации.

Концепция общеевразийской судьбы

Евразийская идеология, которую мы разрабатываем, это еще не законченный комплекс идей, это идея в движении. Это становящееся мировоззрение предполагает такую модель, которую кратко можно выразить как «концепция общеевразийской судьбы». Дело в том, что народы, которые живут на территории России, шире — на территории Евразии, — объединены неким очень трудно уловимым, но на самом деле общим цивилизационным настроением. Он особенно ярок, когда наши люди, граждане России, попадают на Запад. Я беседовал в Москве с очень крупным бизнесменом чеченского происхождения. И он мне рассказывал, что, попадая на Запад, даже в Турцию, которая должна быть близка чеченцам по целому ряду исторических причин, он чувствует себя русским, говорит на русском языке, осознает себя, азербайджанца, армянина, этнического славянина как своих братьев перед

лицом иной цивилизации. Это принцип общего знаменателя перед лицом той цивилизации — западной, атлантистской, которая основана на совершенно иных принципах. Запад основан на принципе индивидуализма — это то, что объединяет все народы и все государства под знаком атлантизма, под знаком современного Запада. Евразийские общности, евразийские народы привыкли к той или иной форме общности и коллективизма. Община у русских, община у мусульман — в любых формах речь идет о коллективном, открытом миру, природе и людям мировосприятию, независимо от того, исповедуют ли эти люди православие, ислам, буддизм или какие-то другие формы религии. И эти элементы традиционного общества, общинной психологии, единства географической цивилизационной судьбы при внимательном исследовании могут стать очень серьезной базой для новой государственной солидарности. Я подчеркиваю, что забывать об этом, особенно на следующем этапе, просто невозможно, поскольку никакой силой различные народы, даже различные регионы не удержать. Это не вопрос силы. И в этом отношении мы уже сейчас в федеральные, централизаторские, интеграционные реформы Владимира Путина должны стараться заложить эту мировоззренческую основу для того, чтобы люди осознали свое место в государстве как результат исторического выбора не только их самих, но и их предков. Мы должны углубиться в историю, разобраться и вычленить этот общий знаменатель. Евразийская модель, разработанная еще предшественниками-основателями евразийства в двадцатые годы — князем Трубецким, Савицким, Алексеевым, — дает для этого прекрасное основание.

Надо отчетливо понимать, что евразийство — это не продукт индивидуального творчества — например, моего. Это некая объективная тенденция. Понимает ли руководство страны или не понимает, мыслит ли оно в терминах евразийства и геополитики или не мыслит, тем не менее действия, направленные на укрепление нашей державности, прямо или косвенно, сознательно или бессознательно приведут наше руководство к евразийской геополитике. Я хочу подчеркнуть следующий момент. Владимир Владимирович Путин постоянно в своей речи использует аддиктив, прилагательное «геополитический», «геополитика», «геополитическое положение России». И если мы заглянем в учебник по геополитике, который я написал и который принят в большинстве вузов, в нем четко дается определение, что такое геополитика^[16]. Путин произносит слово «геополитический», и следует его понимать так, как дает его интерпретацию мой учебник. Что он может еще иметь в виду, кроме этого — непонятно, поскольку я излагаю не свои взгляды, а моменты формирования дисциплины, то, каков ее понятийный арсенал и что значит термин «геополитический» объективно, когда он используется в политологической и профессиональной речи. В учебнике я даю ретроспективу этого.

Сейчас в высшем военном руководстве стало модой защищаться и писать книги по геополитике. Мы видели, как Путин присутствовал на защите диссертации у адмирала, который говорил об океанических геополитических пространствах России. Если президент окружен высшими военными чинами, которые просто валом защищают диссертации по геополитике, если он постоянно использует термин «геополитика», если он проводит объективные реформы в геополитическом, евразийском ключе, говорит об этом, делает, и вокруг все об этом говорят и делают, ну как же можно сказать, что все это получается случайно? На самом деле совершенно не случайно. Моя книга по геополитике продается в Администрации Президента много лет, по-моему, все уже ее прочли. Это вовсе не значит, что согласились, но, по крайней мере, учли эту евразийскую геополитическую позицию. И

если мы видим, что наконец-то так оно все и происходит, вполне логично предположить, что совпадение это не совсем случайное.

Владимир Путин как человек судьбы

Стремительно уходит в небытие вся ельцинская политическая парадигма — и властная, и оппозиционная, и из политики, и из СМИ. Все силы, действовавшие вчера, в ближайшее время будут рассеяны, так как сама их конфигурация настроена на иную модель функционирования, более не действующую. В своих политологических оценках я обычно исхожу из того, что политика есть продолжение духа. Если дух грязен, то и политика грязна, если дух чист, то и политика чиста. У нас ложный образ политика как шоумена, болтуна или чиновника. Политика в России оторвана от идей, наши политики меняют идеологии как костюмы. Это исторически понятно, но такой подход обречен. Нам нужна политика идей и соответствующие политики. Я убежден, что в политику должны приходиться люди нового типа. Это не просто, и есть огромная инерция сопротивления. Есть также и технологии. Я преподавал курс «Философии политики»^[17], знаком с технологиями этого процесса. Строго говоря, я занимаюсь политикой в той или иной форме с начала 80-х, то есть я один из старейших российских политиков. Однако лишь сегодня я дозрел до того, чтобы взять на себя ответственность персонально. Ранее я полагал, что моя роль ограничивается генерированием политических идей. Но как оказалось, уже через шаг они извращаются до неузнаваемости. Опыт почти 30 лет в российской политике заставил меня наконец выступить в роли лидера с опорой на большое количество убежденных соратников и последователей, которые делегировали мне свое доверие.

Революционный потенциал Владимира Путина

Следующим президентом России я вижу Владимира Владимировича Путина, человека судьбы. Не знаю, что придет на смену стремительно ветшающей политической модели, но что-то прийти должно. Я думаю, что мы недооцениваем революционного потенциала Владимира Владимировича. Не как личности, но как исторической фигуры, предопределенной местом и временем. Он был назначен исполняющим обязанности Президента России в день, указанный Нострадамусом как момент прихода «великого короля Ужаса». Путин — это знак. Причем извлечение этого знака из его политико-психологической конкретики — дело тончайшей теургической операции. К ней — к такой операции — не готовы и не способны ни его оппоненты, ни его союзники, ни его сторонники. Я думаю, что Путин носит в душе нечто очень серьезное и очень странное.

Мой покойный друг, великий французский писатель Жан Парвулеско, написал визионерскую книгу «Путин и евразийская империя»^[18], в которой прямым текстом пишет о том, что «Владимир Путин — это человек судьбы». В последней части есть его интервью со мной, где я сформулировал проблему так: «Политическая битва за Путина есть битва за смысл истории» — «La lutte politique pour Vladimire Poutine c'est la lutte pour le sens de l'histoire». Но все это — по ту сторону ельцинизма, по ту сторону... Перешагнуть смогут не все. И время потребует новых людей, новых политических органов и новых изданий.

В какой-то момент у части населения России начало складываться впечатление, что мы движемся в сторону «либеральной диктатуры», когда сталинскими методами будут внедряться грефовские реформы. Все либеральное плохо. Диктатура — тоже. Сталинские методы требуют соответствующей мобилизационной идеологии. В случае либерализма этого

не достичь. Опасения напрасны. Я думаю, что это временное явление, и весь либеральный курс будет постепенно свернут. Не стоит паниковать раньше времени. Лучше усиливать и делать необратимой державную линию российского руководства. Вместе с тем пока геополитика в России — это созревающий плод. То, что на поверхности, за редким исключением, больше напоминает плачевные результаты аборта. В думе прежних созывов действовал перманентный балаган в виде комитета по геополитике, где над дискредитацией этой дисциплины трудились одичалые ЛДПРовские кадры. Именно какие-то депутатские отбросы, которым не нашлось места в серьезных комитетах, сбились в свое время в думскую комиссию по геополитике. Состояние геополитики неудовлетворительно, так как вместо серьезной научной работы, исследования первоисточников, переводов и т. д. все предпочитают грубо списывать из моих учебников и статей огромные куски, чаще всего без ссылок, и разбавлять их собственным «оригинальным» бредом. Наибольшее количество базовых текстов перевели и опубликовали мы в хрестоматийном разделе моего же учебника «Основы геополитики». Я надеюсь, что этот вал думских и недумских плагиаторов пройдет и в нашей стране сложится нормальная полноценная квалифицированная школа, фундамент которой я заложил. Но для этого должно пройти время.

Я остаюсь сторонником Путина, хотя и считаю, что внешняя политика после 11 сентября 2001 года могла быть более адекватной. Нет никаких сомнений в том, что прозападные настроения в нашем обществе и в политической элите на тот момент все еще были сильны. Это не могло радовать, однако даже тогда тактические ходы Кремля нельзя было рассматривать как отказ от евразийской геополитики как таковой. Это была в большей степени пиаровская агония тех политических сил, которым в новой евразийской России не найдется места.

Надо отметить и еще один важнейший момент. Между проамериканским и проевропейским курсом имеется существенная разница. Проевропейский курс — часть евразийской геополитической стратегии. Евросоюз имеет с США общую культуру, но разные интересы. С Россией Европа имеет разную культуру — подчас антагонистическую, но сходные интересы, особенно — в энергетическом секторе. Стратегический союз России с Европой важен для Европы и для России, но неприемлем для США. Эта сложная картина определяет frame геополитической стратегии Москвы.

Путин, спецслужбы, армия и НАТО

В области спецслужб евразийский курс Путина подразумевает следующую диалектику. Максимально евразийской спецслужбой по определению является ГРУ, военная разведка. Так как интересы державы в чистом виде — вне зависимости от специфики политического режима — в любом государстве вверено защищать, в первую очередь, армии, то ГРУ традиционно выполняло функции именно стратегического планирования. КГБ СССР, как и нынешняя ФСБ, приоритетно занимались политическими вопросами, вторичными в отношении геополитики. При Горбачеве КГБ сыграл на первых порах отрицательную роль, упустив из виду стратегические интересы страны и всего Восточного блока, допустив распад Союза и всей системы. Это сопровождалось оттеснением ГРУ и маргинализацией Вооруженных сил. На следующем этапе реформ сам КГБ стал жертвой антиевразийской инерции, и на первый план выдвинулась структура МВД, занятая преимущественно уголовной стороной реальности, не озабоченная ни политикой, ни тем более геополитикой.

Усиление МВД приходится на середину 90-х годов, когда атмосфера в российской политике и в обществе в целом была максимально далека от евразийства. Тогда доминировали, напротив, установки на атлантизм, оппортунизм, олигархия, неумеренная коррупция, откровенная брезгливость к собственной стране, ее истории, ее народу, ненависть к государству и т. д.

Но по мере ужесточения внешнеполитической ситуации для России необходимость геополитики стала все более осознаваться ее истеблишментом. Приход бывшего офицера КГБ Владимира Путина — это важный симптом. Ситуация со спецслужбами стала разворачиваться в обратном направлении. Усиление КГБ в какой-то момент стало важным *евразийским элементом*. Оно подготавливает постепенный переход к полноценному стратегическому сознанию и доминации державных интересов над всем остальным». Естественно, после 11 сентября 2001 года все эти соображения несколько оттенились политической конкретикой. И здесь можно сделать самые зловещие предположения, весьма созвучные моей книге «Конспирология»^[19], хотя я постепенно пересмотрел некоторые положения, высказанные в этой работе, и развил эту тему более фундаментально в моих более метафизических и аргументированных работах.

Хотелось бы затронуть еще одно решение Владимира Путина. В свое время он одобрил проведение мероприятий по поэтапному переходу к комплектованию части Вооруженных сил РФ на контрактной основе вместо призывной. Я имею к этой проблеме некоторое отношение, так как разрабатывал геополитические модели реформирования Вооруженных сил, в частности раздел, связанный со стратегическими перспективами. И могу дать единственно верный ответ, почему военная реформа, в том числе и переход на контрактную основу, тормозится. Дело в том, что военная реформа как практика должна быть реализацией положений военной доктрины как теории. Такие вещи между собой теснейшим образом взаимосвязаны и не могут существовать отдельно друг от друга. Ныне существующая военная доктрина является двусмысленной, поскольку не отвечает на самый главный вопрос: «Кто является нашим потенциальным противником». А ответ на этот вопрос и определяет весь строй военной доктрины и, соответственно, ход военной реформы, где перевод армии на контрактную основу — лишь один из элементов. Именно относительно этого главного, причинного пункта о потенциальном противнике и ведется все эти годы невидимая, но очень активная и жесткая борьба между силовыми министерствами и ведомствами и политическим руководством страны.

Военные настаивают на том, что раз американцы в качестве одного из своих самых вероятных потенциальных противников рассматривают Россию или так называемый евразийский блок, то и мы должны считать США своим основным противником. Что логично. Этому противодействует Кремль. Соответственно, реформирования армии не происходит, а все связанные с этим вопросы, в том числе и о контрактной основе, носят неконкретный и отвлеченный характер. При Путине, казалось, был достигнут консенсус — принята концепция национальной безопасности, ориентированной на многополярный мир, что делает США как строителя однополярного мира нашим главным потенциальным противником. Но события 11 сентября 2001 года спутали все карты — после них стало опять не понятно, является ли для нас Америка противником или нет? Если нет, то России надо делать армию, где стратегический сектор будет минимизирован, а максимум внимания будет отдано созданию профессиональных компактных Вооруженных сил, способных эффективно вести боевые действия на границах РФ. В этом случае армия становится

продолжением полиции или, скажем, пограничных войск. Но на деле это жестко противоречит самой геополитической логике.

Мы убедились на множестве примеров, что американцы готовы улыбаться, говорить о некоторых уступках, но в стратегической сфере они своих позиций не меняют. В итоге заново обостряются противоречия — не между сторонниками профессиональной армии и ее противниками, а между двумя основными определениями геополитической функции России. Думаю, и сам Путин однозначного решения по этому вопросу еще не принял, хотя позиция становится все более обозначенной.

То же самое касается и отношений с НАТО, о членстве в которой время от времени заходит разговор. В случае вступления в эту организацию, что, впрочем, маловероятно, Россия разрушит эту организацию: наше членство в Североатлантическом альянсе радикально изменит его структуру и геополитическую направленность. Ведь вступление в этот блок мощной евразийской ядерной державы со своими совершенно определенными континентальными интересами сводит на нет само понятие «атлантизма», превращает Североатлантический альянс в нечто совсем иное. В этом случае НАТО, по определению, не сможет выполнять те функции, ради которых она, собственно, и создавалась. Это будет совершенно новый стратегический союз. При этом стратегический и военный вес России будет настолько высок, что организация уже не сможет проводить единую цивилизационную и геостратегическую линию, которой ныне придерживается НАТО. Владимир Путин с самого начала постоянно делает в этом направлении определенные и очень настойчивые шаги, например, предлагая создать общеевропейскую систему противоракетной обороны. Насколько мне известно, такое изменение нынешней модели геостратегических взаимоотношений с Западом является для Путина одной из приоритетных задач и лежит в русле всей проводимой им внешней политики. Однако в НАТО тоже прекрасно понимают, о чем идет речь. На мой взгляд, США сейчас совершенно не готовы к подобным преобразованиям альянса и пойдут на это, только если почувствуют свою фундаментальную уязвимость. Поэтому нам надо стремиться в НАТО, но не удивляться, если нас туда никогда не примут: мы ведь имеем дело не с идиотами. Другой вопрос, что в нынешней ситуации Россия пытается показать Европе и США свою геополитическую субъектность. Это абсолютно правильно, и любое наше возможное участие в антитеррористической деятельности международного сообщества должно обставляться рядом стратегических условий со стороны России. Вообще, наша прямая вовлеченность в американскую антитеррористическую акцию крайне нежелательна, а то и губительна. Но даже другие, более гибкие, формы участия России в противостоянии международному терроризму, безусловно, должны сопровождаться рядом требований. В частности, требованием прекратить расширение НАТО.

Евразийская мысль — будущее России. По опросам ВЦИОМ, которые я часто цитирую, 71 % россиян считают Россию самостоятельной евразийско-православной цивилизацией. Путин — лидер народный. Он не может не учитывать такой выбор россиян. Ему досталось тяжелое наследство, малоадекватные для исполнения возложенной на него исторической миссии кадры. Но все это преодолимо. Лидер России — Евразии не может не быть евразийцем. Это геополитическая аксиома.

Глава 5

Евразийская революция Путина

Владимир Путин и консервативная революция

В течение всего своего первого правления Президент Путин отчаянно и настойчиво намекал на ту повестку дня, которую он собирается предложить нации. Многим хотелось бы, чтобы он выражался яснее, отчетливее, конкретнее. Но мало ли кому чего хочется. Стиль Путина таков, каков он есть: он «дает понять» и оставляет обширное поле для интерпретации. Но постепенно, кажется, все встало на свои места. Загадочный Путин молчаливо и скорее нахмуренным и веселым одновременно видом, нежели человеческими словами, дал нам наконец-то понять: его программа правления обозначается одним простым словом — «консерватизм».

Все облегченно вздохнули: наконец-то наступила ясность, Президент расшифровал свой план. Любопытно, что и на сей раз Путин остался верен себе: сам он слова «консерватизм» не произносил. Оно постепенно считалось само собой: как с помощью сурдопереводов во время терактов на Дубровке умельцы считывали реплики премьера Касьянова, боявшегося штурма, так политтехнологи и специалисты по контент-анализу расшифровали невидимое шевеление насмешливо-корректных губ Президента. Но всем как-то сразу стало понятно и дорого это слово — «консерватизм».

Итак, Путин правил все эти годы в духе «консервативной программы» и явно намеревается продолжать так и на следующем президентском цикле. Скорее всего в русле консерватизма будет решаться и тема дальнейших политических реформ.

Новый вопрос

Определенности стало больше, но Путин изменил бы себе, если бы раскрыл карты до конца. Теперь полем загадки стало само понятие «консерватизм». Что, собственно, под этим следует понимать? Ответ на вопрос «кто он, мистер Путин?» мы получили — «*Мистер Путин — консерватор*». Но теперь насущным становится другой вопрос: «What does «conservatism» mean in modern Russia?»^[20] Этот вопрос политики, политологи и следящее за развитием бытия избранное население будут решать как в предвыборный период, так и после него.

Путину же будут доставлять сущее удовольствие инициативы по трактовке этого понятия. Чем более запутанными и невнятными они окажутся, чем больше наплывов и противоречий случится в смысловых полях, чем больше идиотских полемик и самоуверенных маразматических заявлений теледикторов и аналитиков он услышит на тему «консерватизма», тем больше он будет потирать руки. Кажется, Путин входит во вкус. Мы же попробуем очертить те очевидные истины относительно консерватизма, которые будут подвергаться насилию или тщательно маскироваться в грядущей полемике. As usual.

Фундаментал консерватизма

Консерватизм в самом общем смысле означает положительную оценку исторической традиции, рассмотрение политико-социальной истории государства и нации как образца для подражания, стремление сохранить преемственность национально-культурным корням народа. Прошлое во всех разновидностях консерватизма рассматривается со знаком плюс.

Не все в прошлом может быть оценено равнозначно, но никакой последовательный консерватор не станет однозначно очернять ни один из периодов в истории собственного народа и государства. Более того, консерватизм исходит из обязательной предпосылки о наличии у народа и государства определенной исторической *миссии* — которая может варьироваться от универсального религиозного мессианства до скромной уверенности в ценности национальной самобытности. Настоящее, прошлое и будущее связываются в глазах консерватора в единый целостный проект, обращенный к ясной национальной цели. Консерватор, принимая любое политическое или экономическое решение, всегда обращается к прошлому и задумывается о будущем. Консерватор мыслит веками, эпохами, а не сиюминутными выгодами. Его горизонт — и временной, и географический, и ценностный — всегда обширен.

Консерватор является носителем национальной культуры, предан ей, силится соответствовать ее нормативам. Консерватор всегда делает над собой усилие: от обязательной молитвы до умывания холодной водой по утрам. Консерватор неизменно ставит долг, честь, общественное благо, верность традициям, доброе имя выше комфорта, выгоды, прибыли, популярности. Консерватор одевается в стиле BCBG («*bon chic bon genre*»)^[21].

Консерватор сдержан и предпочитает выражаться взвешенно и продуманно. Консерватор корректен, у него есть очки про запас, даже если у него стопроцентное зрение.

Консерватор смущен бытием и тщательно выбирает книги для чтения. Консерватор никогда не считает себя консерватором.

Консерватор улыбается уголками губ и никогда не размахивает руками.

Всякий, кто не соответствует этим параметрам, никакой не консерватор, а так...

Евразийство как фундаментал российского консерватизма

Российский консерватизм на нынешнем этапе также имеет свой фундаментал. Выявить его несколько сложнее, но возможно.

Современный российский консерватизм не может быть строго коммунистическим. Это течение следует назвать либо «реваншизмом», либо «реставрацией». Коммунистическая догматика всегда отрицала преемственность советского строя *царизму* и осмысляла в исключительно черных красках период новейших демократических реформ. Следовательно, ортодоксальный коммунизм не является полноценным консерватизмом.

Современный российский консерватизм не может быть либерал-демократическим. Несмотря на то что именно либерал-демократическая модель в экономике и политике была идейной платформой победивших реформаторов в ельцинский период, она является революционной и настаивает на радикальном разрыве — как с советским прошлым, так и с наследием царизма. Не случайно советский и досоветский периоды истории запрессовались младореформаторами в один уничижительный термин — «красно-коричневые».

Современный российский консерватизм не может быть и чисто монархическим, так как тогда следовало бы вычеркнуть из национальной истории и советский, и новейший либерал-демократический периоды.

Особенность российской политической жизни в XX веке такова, что основные ее этапы находились друг с другом в прямом и жестком концептуальном противоречии, сменяли друг друга не по линии преемственности, но через революции и радикальные разрывы. Это

ставит перед формулой современного российского консерватизма серьезные проблемы: преемственность и идентичность России и русского народа не лежат на поверхности; для выхода на последовательно консервативные позиции необходимо предпринять усилия, возвышающие нас до уровня нового исторического, политического, цивилизационного и национального обобщения. Современный российский консерватизм не данность, а задание. Возможно, поэтому Путин и улыбается.

Последовательный российский консерватизм должен связывать воедино исторический и географический пласты национального бытия. Оптимальной формулой такого консерватизма является веер евразийских обобщений и интуиций. Напомню, что евразийцы уже в первые годы советской власти настаивали на цивилизационной преемственности СССР в отношении Российской империи.

На самом деле размышление о современном российском консерватизме, по сути, и есть размышление о евразийстве, синтезирующем русскую политическую историю на основании уникальной геополитической и цивилизационной методологии. Россия, понятая как Евразия, обнаруживает свою неизменную и постоянную суть, свою идентичность в истории — от мозаики славянских, тюркских и угорских племен, через Киевскую и Московскую Русь, к Великой континентальной империи, вначале — «белой», потом — «красной», вплоть до сегодняшней, несколько растерянной, но внутренне собирающейся для нового исторического рывка демократической России.

Гандикап либерального консерватизма

Некоторая неготовность сделать евразийство официальной идеологией современной России оставляет свободное пространство для разнообразных демагогических демаршей вокруг толкования консерватизма. Так вчерашние либерал-демократы, привыкшие к интеллектуальным pret-a-porter из-за океана, явно намереваются предложить нам под видом консерватизма прямолинейный ремейк с англосаксонского (точнее, американского) оригинала.

В США есть собственная традиция консерватизма, которая, как и положено, исходит из приоритета национальных интересов США, наделена серьезным мессианством — «американская цивилизация как пик человеческой истории», чтит прошлое и стремится сохранить и упрочить позиции своей великой державы в будущем; исповедует верность патриотическим ценностям, религиозным, политическим, социальным и культурным нормативам, выработанным в ходе исторического развития. Это естественно, и сегодня американский консерватизм закономерно процветает — США достигли небывалой мировой мощи, что внушает ее гражданам вполне обоснованное чувство гордости и уверенность в своей правоте.

Но прямой перенос «республиканского» американского консерватизма на российскую почву дает абсурдный эффект: получается, что «сохранению» («консервации») подлежат те ценности, которые не только не являются традиционными для русской истории, но которые практически отсутствуют и в современном российском обществе, всячески противящемся их внедрению.

Россия — древняя сухопутная империя с сильным коллективистским духом, с традиционно жестким административным управлением и специфическим мессианизмом. США — относительно новое морское образование, заведомо верставшееся как

лабораторный вариант внедрения в жизнь прогрессистских буржуазно-демократических принципов, вызревших в среде крайних протестантских сект. То, что для американской цивилизации — ценность, для русских — грех и безобразие. То, что они уважают, нам противно. И наоборот.

Русь двигалась на Восток. США — на Запад. Да, мы проиграли, а они выиграли. Они оказались сильнее. Но по нашей логике не в силе Бог, а — в правде. И правда — в нашей русской цивилизации. Так говорит полноценный и последовательный российский консерватизм. Очевидно, что американский консерватизм говорит нечто прямо противоположное.

Глобализм может признаваться, а может подвергаться критике в самих США (это их проект мирового господства, и с ним часть американского общества согласна, а часть — нет). Нам же он навязан извне. Мы можем смириться и признать поражение, встав на сторону американской системы ценностей. Такая позиция возможна, как возможен коллаборационизм. Но это — нечто противоположное консерватизму.

Каждый народ имеет свой собственный консерватизм, так как каждый народ вырабатывает свою систему ценностей, это и есть его национальная самобытность. Культурный результат американской истории не имеет ничего общего с культурным результатом русской истории. Консерватор же остается верным своей традиции, своему народу, своему идеалу не только тогда, когда все это находится в зените славы, но и когда это попираемо и презираемо всеми. Российский консерватор старается говорить со сторонниками глобализации через шелковый носовой платок. Либеральный консерватизм возможен и реален, но только не в России.

Правый консерватизм

Если либеральный консерватизм есть бессмыслица и очередное «прибежище негодяев», то правый консерватизм, напротив, вполне приемлем и естествен. Правым консерватором в современной России является тот, кто, стремясь к возрождению имперского мирового величия Отечества, к хозяйственному процветанию нации, подъему нравственности и духовности народа, считает, что к этой цели нас приведут умелое использование рыночных механизмов и система ценностей религиозно-монархического, централистского толка.

Такой правый консерватизм теоретически может акцентировать либо культурно-политический (усиление позиции традиционных конфессий, возрождение национальных обычаев, восстановление некоторых социальных, общественных и политических институтов), либо экономический аспекты. В экономике правоконсервативный проект логически должен развиваться в русле теории «национальной экономики», обобщенной немецким экономистом Фридрихом Листом и примененной в свое время в России графом Сергеем Витте. Можно назвать этот проект «экономическим национализмом». Его экстремальная формула звучит приблизительно так: полностью свободный внутренний рынок с жесточайшей системой таможенного контроля и скрупулезной регламентацией внешнеэкономической деятельности, с учетом интересов отечественных предпринимателей.

Национальная экономика не предполагает национализации крупных монополий, но настаивает на консолидации крупного бизнеса вокруг политической власти с прозрачной и внятной для всех целью совместного решения общенациональных задач, укрепления державы и процветания всего народа. Это может решаться с помощью определенного

«патриотического кодекса», предполагающего моральную ответственность национальных предпринимателей перед страной, народом и обществом. Эта модель в сегодняшнем политическом спектре приблизительно соответствует тому, что принято называть «правым центром». Похоже, что самому Путину более всего импонирует именно такой подход.

Левый консерватизм

Обычно понятие «левый» не ассоциируется с консерватизмом. «Левые» хотят изменений, «правые» — сохранения того, что есть. Однако в политической истории России социальный общественный сектор, относящийся к системе «левых» ценностей, всегда был чрезвычайно значимым и развитым, и общинный фактор, как в форме церковной общины, так и в виде советского коллективизма, давно и прочно стал устойчивой политической и хозяйственной традицией. Мы встречаем осмысленное сочетание социализма и консерватизма уже у русских народников, которые были преданы национальным моментам и стремились к справедливому распределению материальных благ. Левый консерватизм существовал и в других странах — социал-католицизм во Франции и Латинской Америке, германский национал-большевизм Никиты Хрущева, Вольфхайма и Лауффенберга и т. д.

В современной российской политике социальный консерватизм также имеет полное право на существование. Не ставя под сомнение цивилизационных ценностей России, стремясь к укреплению ее геополитической мощи и национальному возрождению, левый консерватизм считает приоритетным путем реализации этой задачи национализацию недр, крупных частных компаний, занятых экспортом природных ресурсов, а также увеличение государственного контроля в области энергетики, транспорта, коммуникаций и т. д. Такой социал-консерватизм может настаивать на своеобразном прочтении российской политической истории, отстаивая закономерность и естественность советского периода, вписывая его в общую национальную диалектику.

Но и левый, и правый консерватизм по определению должны совпадать в своей конечной цели — возрождения государственности, сохранения национальной самобытности, всемирного возвышения России, верности истокам, но пути к этому в обоих случаях видятся по-разному.

Консервативная революция

Консерватизм при Путине зреет. Он еще зелен и неустойчив, его заносит в крайности, уныло, но громко квакают и доморощенные республиканцы, и правые глобалисты. Но нечто неотвратимо приближается. Так возвращается командор или тень отца Гамлета. Чем больше русские сталкиваются с нерусскими, тем стремительнее они ищут точку опоры в самих себе. Запрос на консерватизм неуклонно и неумолимо растет. Путин благосклонно улыбается. Он инстинктивно знает, откуда что дует. И не ошибается в этом.

На каком-то этапе политическая история попросит нас уточнить позиции и дать более точные формулировки. В какой-то момент — я убежден, что на нашем веку, — решительный час наступит. Понятно, что никто в покое нас не оставит и что нам придется отвечать что-то всему миру: и богатому северу, и бедному югу. Придется изъясняться внятно и со своим народом. Ничего экстравагантного, что опять захватило бы и раскололо общество, очевидно,

уже придумать не удастся. Мы обречены на консерватизм, нас подтолкнут к нему извне и *изнутри*. Но куда девать дух революции, воли, раскаленное пламя восстания, которое тайным зноем копится в русском сердце, тревожит сны, зовет в абсолютные дали? Я думаю, что мы должны вложить нашу континентальную силу в новый консервативный проект. И пусть именно он станет новым изданием нашей Революции, Консервативной Революции, Национальной Революции.

Мы начнем ее со всеобщей политической амнистии: все свободны от бремени недоразумений XX века, и особенно последних лет; все ошибались, все хотели как лучше, все мы — русские люди, и нам вверен нерв исторического бытия. Плечом к плечу в новый век во имя великой мечты...

Путин, консерватизм и силовики

Базовой парадигмой Путина и его группы мне представляется консерватизм широкого профиля — от либерально-просвещенного до социального и далее фундаментального.

Альтернативные ей — либерализм и атлантизм, оставшиеся с предыдущих времен в виде сотрудников Администрации, экспертов, советников. Они, впрочем, не конфликтуют, но накладываются друг на друга. Сам же Путин является сторонником идеи экономической и социальной мобилизации во имя укрепления национальной суверенности России. Это можно назвать активным консерватизмом, радикальным консерватизмом и даже призывом к консервативной революции. Путин хотел бы придать консерватизму consistency и политическую упругость. Это движение явно буксует в виду некоторой инерциальности и пассивности чиновничества, центристских партий, возможно — даже самого народа. Но эта линия дэмпфируется уже ближайшим окружением, которое притупляет его вектор, и постепенно волевой импульс активного консерватизма рассеивается. Нет интеллектуального концентрированного фокуса, нет адекватного института, нет политического инструмента. Именно по этой причине многие выступления Путина носят пассивно консервативный характер. С намеком на удовлетворенность, статус-кво. В этом основное противоречие Путина и его властвования: субъективно Путин осознает и признает необходимость активных консервативных мер для вытягивания страны из воронки или болота, но делать это в необходимом режиме не получается.

Говоря об альтернативных позициях, несогласованных с официальным курсом, наверное, не следует упоминать «чиновников-диссидентов». Это слишком сильно для России. В России в перерывах между революциями главной формой активного нонконформизма является ироничный и всеразъедающий ультраконформизм. На что чиновники ох как горазды. Сказали «консерватизм» — будет «консерватизм», причем в «консерваторы» мгновенно перелицуются вообще все, тем самым со старта его идиотизировав. Поэтому альтернативные позиции, в первую очередь, заключаются в пассивном саботаже путинских инициатив, что при отсутствии полноценной команды единомышленников, интеллектуалов и управленцев, разделяющих не за страх и за деньги, а за совесть мысли Путина, становится действительно весомым альтернативным фактором. Это самый большой и самый опасный фланг неформальной оппозиции.

Второй сектор — олигархи. Эти не видят необходимости в укреплении национальной администрации, и их вполне устраивает статус-кво. Они заинтересованы либо в притуплении консерватизма, его десемантизации, его деконструкции (Петр Авен и «Альфабанк»), либо в мягком съезде в либерализм.

Третий сектор — убежденные либералы. Таких мало, их паладин — Игорь Чубайс — который, впрочем, вгрызается в экономику и в управление, а не в идеологию. При этом Чубайс не то чтобы не согласен с официальным курсом, он его дружелюбно и в целом лояльно к власти игнорирует.

При этом нельзя исключить вероятность повторной приватизации крупной собственности, сформировавшейся в 90-е годы XX века. Это явление — реприватизация — в практике многих развивающихся капиталистических стран, где роль госсектора и административного ресурса в приобретении собственности велика, либо очень велика. Чиновничий аппарат ротится, и появляются новые жадные, одноразово

коррупцированные чиновники, которые хотят еще, а собственники считают, что уже все отстегнули. Так возникают «непонятки». И зреет предпосылка для реприватизации. В России как раз такая ситуация. Юридически ее можно оформить как угодно — закон, что дышло... Политически можно двояко — через промежуточный этап ренационализации либо под прикрытием патриотизма.

В первом случае речь идет о национализации природной ренты, потом о фактической реприватизации под видом смены менеджмента. Во втором — через публичную демонстрацию непатриотической сущности магната (например, покупка яхты или «Челси») с последующим юридическим и уголовным преследованием под пиар— прикрытием народного гнева. Раз — и новый патриотический владелец. Результаты будут такими — менеджмент не улучшится, чиновники насытятся, народ успокоится на время, кто-то заработает, кто-то потеряет, кого-то посадят. Ничего из ряда вон...

Силовые структуры ведут сейчас пиар изначальной стратегии Путина на наведение порядка в стране. Путин еще в самом начале объявил, что начнет приводить все к норме, и начал это делать, потом переключился на что-то иное. Перед выборами опять вспомнил, что говорил в самом начале, и вновь принялся, засучив рукава, за его исполнение. Силовые структуры в российском обществе играют прикладную роль. Обсуждать можно не субъективный фактор соответствия действий, но скорее чисто технологический аспект — как актуальный менеджмент силовых структур отвечает поставленным административным задачам? Я полагаю, что эта модель устаревшая, типа компьютера IBM 386 модели, на котором необходимо провести операции с редактурой видеоклипа. Силовые структуры отвечают на импульс Владимира Владимировича. Но как отвечают? Как могут, так и отвечают, а других силовых структур, более совершенной модели, у нас, к сожалению, пока нет. То, что вся система постоянно виснет, неудивительно. То, что существует зазор в качестве и скорости исполнения, тоже неудивительно. Одно и то же явление здесь можно назвать как бравой исполнительностью, так и полным саботажем. Что же касается действий прокуратуры, то это — норма, она была, есть и будет. Россия никогда не была и едва ли станет номократическим обществом. У нас понятие *правда* намного важнее понятия *права*, а правда у нас царская. Президент (царь, Генеральный секретарь) в такой стране, как Россия, играет и будет играть центральную роль для силовых структур. Больше роли играть невозможно, она сейчас максимальна, меньшую — едва ли. Кроме того, здесь стоит обратить внимание на еще один момент. Налицо формальное соответствие выступлениям Путина с полным несоответствием содержанию, тотальным срывом тайминга и дичайшим пиаром, дающим непредсказуемый, но, чаще всего, обратный задуманному результат.

Владимир Путин и Империя

«Руководство России, и в частности премьер-министр Владимир Путин, хочет возродить российскую империю». Об этом заявил не кто-нибудь, а прежний глава Пентагона Роберт Гейтс. По мнению Гейтса, именно «империалистические намерения создают препятствия в американо-российских отношениях». При этом экс-министр обороны уверен, что ««имперские замашки» присущи, скорее, Путину, нежели Медведеву. Именно российский премьер-министр всячески старается сделать Россию главным игроком на международной арене», и это очень тревожит американцев. «Обречены ли русские на новую попытку имперского строительства?» — задается вопросом профессор Лондонского университета Джеффри Хоскинг в своей книге «Народ-правитель и народ-жертва: русские в СССР», вышедшей не так давно. Ибо это беспокоит и англичан — «что именно выберут россияне, — нынешнее государство, утратившее часть территорий, или новую империю?» — вопрошает Хоскинг.

И снова — «Кто вы, мистер Путин?»

Вопрос «Who is mister Putin?», заданный в начале карьеры Путина, был сформулирован на переходе состояния политической лингвистики в современной России от модерна к постмодерну. Путин как человек в классической лингвистике является сущностью, реальностью, личностью — в первую очередь, и уж потом его осмысляют в политологическом контексте, в его политических действиях. Это подход эпохи просвещения — есть Владимир Путин, политический деятель, конкретный человек, с конкретными особенностями, с конкретным происхождением, и есть система его оценок и осмыслений. Но так было, пока не началась эпоха постмодерна...

В постмодерне личность — это пустое место, поскольку все, с чем человек имеет дело, есть интерпретация его сознания. Соответственно, представление о Владимире Путине рождается не из знания о Владимире Путине, не из анализа его действий, а из языкового контекста, в котором он находится. Поэтому вопрос «Кто вы, мистер Путин?» не имеет в системе постмодерна вообще никакого ответа. Это вопрос, который остается всегда открытым.

Когда люди, которые хорошо знают Владимира Путина, слышат то, что думают о Путине на Западе, они просто падают со стульев, потому что до этого им казалось, что они знают Путина, так как общаются с ним постоянно. Происходит это из-за того, что они не осуществляют необходимого для современного интеллектуала фундаментального перехода от эпохи высокого модерна и просвещения к постмодерну, иначе бы они поняли, что никакого Путина, которого они себе представляют, просто не существует. Существуют текстовые игры относительно Путина — в российском контексте, есть в европейском — и та безобразная карикатура, с которой имеет дело, например, западное общество, вообще не имеет к нашему президенту никакого отношения. Путин в глазах западного человека — это «политический карлик», существо без всякого мировоззрения, ставленник самых реакционных кругов, самых страшных спецслужб, лицо без всякого политического будущего и без всякого уважения к демократии. Вот с таким Путиным оперирует западная пресса. Мы же имеем дело с другим Путиным. Он — продукт нашего торжественного, в основном

Путин — знамя имперостроительства?

Новая, возрождаемая на евразийском пространстве большая Россия — это идея новой суверенной возрожденной Империи, уже не советской, потому что эта идеология отмерла, но и не российской, потому что у нас нет единого религиозного вектора. На новом этапе евразийство предлагает на месте бывшей Российской империи и Советского Союза восстановить *большое пространство*. Этот проект жестко противостоит российским западникам и атлантистам. Путин пришел из атлантистского режима Ельцина, но за какие-то шесть лет изменил ельцинский курс на 180 градусов: когда он начинал, общим направлением было встраивание России в западный мир — чтобы стать *нормальной страной*, как все говорили. Сегодня нормой для нашего политического истеблишмента, за исключением совсем уж маргинального отребья, стала идея: Россия — это великая страна. А не «нормальная». Страна, которая восстанавливает свое планетарное значение, то есть ведет самостоятельную политику, свободную от давления глобализма и однополярного мира. Это именно то, что сейчас реализуют Путин и Медведев, и это и есть геополитическая программа имперостроительства.

Евразийство, так же как и тандем Медведева — Путина, сегодня противостоит двум вещам: оно жестко противоположно либерально-демократическому западничеству, но в не меньшей степени оно противоположно узкому национализму, представлению России как мононационального государства. Вся политика Путина-президента объяснялась этим евразийским кодом. Действительно, подчас казалось, что Путин отходит от этого направления, но всякий раз на более длительном промежутке времени эти тенденции, эти патерны совпадали.

«Этого просто не может быть...»

Многие люди много чего придумывают, говорят всякие экстравагантности и несуразицы, но они не имеют практически ничего общего с реальностью. Французский писатель и визионер Жан Парвулеско, который тоже вроде бы говорит экстравагантные несуразицы, поражает тем, что все, о чем он пишет, через какое-то время становится явью. Я читал его статьи 1976–1979 годов в итальянском журнале «Ogion», в которых была описана ситуация, ставшая в России явью в 1991–1993 годах. Там было написано о «красно-коричневых», об объединении коммунистов и националистов, о том, что в СССР заведутся либеральные структуры, которые пойдут на союз с Западом и развалят великий Советский Союз. Тогда, читая его работы, многие крутили пальцем у виска. На дворе стоял беспробудный «брежневизм», а «брахман» советского блока казался вечным. Подчас даже мы, его друзья, говорили: «Этого просто не может быть, Жан!», «Это какая-то чепуха!». А он отвечал: «Подождите, Александр...».

В своей книге «Путин и евразийская империя», изданной в России, уже в первых главах, написанных еще в конце 70-х годов, Парвулеско утверждает, что в советских Вооруженных силах и спецслужбах существуют люди, которые вынашивают идею воссоздания Империи континентального масштаба, которые строят свою деятельность не на идеологических, а на геополитических основаниях. Он говорит, что рано или поздно из кругов российских

спецслужб, где эти тенденции тайным образом культивировались в 60-е годы, появится человек, который воплотит в себе идею реставрации имперского геополитического потенциала России по ту сторону коммунистической идеологии, опираясь на ценности, которые являются для российской истории базовыми. Он возродит православие, воссоздаст национальное самосознание и возвратит Россию к докоммунистическим временам. Парвулеско пишет это в 70-х годах, когда никто об этом даже помыслить не мог. Проходит 20 лет, и вот появляется Путин. Парвулеско сразу же указывает на него — вот это человек судьбы, я о нем всегда писал, я писал о нем до того, как узнал его фамилию. Путина как просто человека нет. Есть Евразийская Империя и есть то, что Парвулеско называет догматическим кодом вещей, когда Евразийская Империя строится, и Путин является инструментом ее строительства и созидания.

То, что Путин получил на этот имперостроительный подвиг инициацию в тайных аспектах российских спецслужб, — абсолютно загадочная вещь. Это нельзя ни опровергнуть, ни подтвердить. Проект «Владимир Путин и Евразийская Империя» — это не будущее, не настоящее и не прошлое. Визионер действует в пространстве, где прошлое соседствует с будущим. Многие библейские пророки описывают устройство реальности, как она есть, в догматическом аспекте. И неовизионер, неопророк Парвулеско действует точно так же. Мессиански ориентированные элиты США начали о чем-то догадываться...

Путина как сущности — не существует

Парвулеско дает совершенно другой контекст, отличный и от официоза, и от западного представления о Путине. Он вписывает Владимира Путина в ход глобальной мировой истории. Рядом с ним находится Александр Македонский, Наполеон, де Голль, Сталин, Гитлер, Ленин, тайные спецслужбы и великие завоевания. Парвулеско рассматривает Путина в совершенно другой текстуре. То, что ускользает от людей, работающих на западный заказ, либо с постсоветским официозом, Парвулеско замечает. Одна оговорка Путина, одно замечание, какой-то жест, который он делает во время зарубежной поездки, достаточен для того, чтобы осуществить этот постмодернистский инсайд в имперской системе координат.

Важно не столько, что думает сам Путин об этом складывающемся образе деятеля — удивительного и притягательного, не то, что думает его окружение, важно то, насколько мы понимаем тот контекст и текстуру имперского проекта, в котором такие трансформации возможны. Как в свое время доказал немецкий писатель Новалис, мы больше узнаем о быте древних времен из совершенно фантастических сказок, чем из точного досконального описания ситуации хронистами, поскольку хронисты описывают не что иное, как скучность и серость своего парадигмального образования, в то время как поэты, описывая фантастический мир, попадают в точку. Только абсолютно устаревшие, неадекватные и умственно неполноценные люди, такие как ранний Людвиг Витгенштейн или поздние позитивисты, могут говорить о том, что для исследования необходим атомарный факт. Таких фактов нет — искали и более серьезные люди, нежели современные российские обыватели, искали очень пронзительные и острые умы. Путина, как сущности, реальности, личности — не существует, а версия, которая предлагается Жаном Парвулеско, заслуживает самого серьезного рассмотрения, поскольку она метафизически, интеллектуально, стилистически и визионерски обоснована самой метафизикой нашего большого пространства и нашего

великого народа. Именно поэтому Путин — строитель великой Евразийской Империи — это самое, что ни на есть, реалистичное, самое верное и самое правильное понимание его миссии, в то время, как весь тот мусор, который пишут и в его поддержку, и против него, сгниет раньше, чем Путин перестанет быть премьером. Но Путин-имперостроитель останется надолго, даже если он сам будет многократно отвергать этот образ, все равно именно он и будет составлять портрет нашей эпохи — не только самого Путина, но и России. Евразийская Империя неизбежно вписана в догматический ход вещей. Это понимают Роберт Гейтс, Джеффри Хоскинг, а также вся западная элита, управляющая сегодняшним миром. Евразийская Империя была, есть и будет. И Путин с ней совершенно очевидным образом связан.

Евразийство как идеология нового президента

Евразийская идеология *оптимально соответствует тем историческим задачам, которые стоят перед Владимиром Путиным*. Основные проблемы нынешней политической ситуации: *отсутствие реальной консолидации* политического класса вокруг Путина, *невразумительность центристских партий*, готовность некоторых высокопоставленных чиновников при удобном случае *перейти в прямую конфронтацию* новому Президенту при поддержке определенных крупных СМИ и интеллигенции, сохранение *антироссийских настроений* в Евросоюзе и некоторых республиканских кругах США.

Инерциальный (вялотекущий) сценарий развития политической ситуации в преддверии выборов, сохранение всех основных нынешних тенденций (видимость стабильности, статус-кво) *маловероятны*. Следует думать о возможных дополнительных сценариях. Евразийство оптимально как идеология Президента для действия именно в *критической* ситуации. Евразийство придаст политической позиции Президента то *содержание*, которое было обозначено в начале первого срока президентства Путина, но потом отложено и затерто, подменено политтехнологическими ходами и поверхностными зрелищами.

Евразийство придаст *активное политическое содержание патриотической политике* (национальной идее). Евразийство мобилизует на дело укрепления государственности не только сочувствующие этому начинанию силы, как правило, пассивные (русское большинство, чиновничество, широкие массы), но и *нейтральные и даже отрицательно настроенные в отношении этого проекта активные слои* (национальные и религиозные меньшинства, интеллигенцию, магнатов). «*Малые народы за великую Россию!*»

Евразийство предлагает непротиворечивый сценарий международной стратегии — *третий путь между глобализацией и изоляционизмом*; это «частичная глобализация» или «глобализация больших пространств». Эта модель предполагает *дифференцированное отношение* к другим «большим пространствам» — европейскому, американскому, тихоокеанскому, арабскому. Это позволяет России накапливать внутренний потенциал и тонко лавировать между интересами других геополитических полюсов *для своей выгоды*.

Евразийство предполагает реальное политическое насыщение всех пропрезидентских сил, шире — всех слоев населения, осознающих или склоняющихся к осознанию своей *персональной зависимости от дела укрепления Российского государства*.

Потенциальный спектр электората, который поддерживает Путина как такового и особенно будет готов поддержать *евразийского Президента*, намного *шире* идеологически блеклых, искусственных партийных образований с незначительным мобилизационным потенциалом и неуклюжей политикой. Кроме того, при правильном оперировании с евразийской идеологией новый Президент получает возможность *выбрать определенную часть национально и социально ориентированного электората*, серьезно питающего политическую (левую) оппозицию (поддержку определенного сектора правых новый Президент не рискует потерять в силу прямой зависимости части этих сил от Кремля и процентной незначительности этого сектора в целом).

Евразийство предполагает *идеологическую базу* для последовательного «крестового похода» *против экстремизма и мировоззренческих структур терроризма* — в форме *радикального исламизма, национал-сепаратизма, великодержавного шовинизма и социального (левого) радикализма*. Причем евразийство не только фундаментально и

содержательно обосновывает необходимость жесткого мировоззренческого противодействия этим явлениям, но в каждом конкретном случае предлагает позитивную альтернативу в виде принимаемых и защищаемых самим евразийством ценностей: традиционный ислам, теория прав народов и этнокультурных автономий (без перспективы политического обособления), геополитический евразийский патриотизм, умеренно социальная ориентация экономики. Евразийство не только уничтожает противника *идейно*, но и привлекает на свою сторону широкие массы *колеблющихся*, которые при других конфигурациях могли бы выступить против российской государственности и нового Президента.

Евразийство имеет свою формулу для *всех основных экономических страт российского общества*. В электоральном смысле оно обращается к «обездоленному большинству», к бедным слоям населения, составляющим *большинство голосующих россиян*. Здесь на первый план выходит *социальная риторика* (социальная справедливость, национализация природной ренты и т. д.). Кадровый состав евразийства формируется, напротив, *из представителей мелкого и среднего бизнеса с достаточной долей эффективного пассионарного чиновничества* (способного на мобилизацию). Крупным российским магнатам евразийство предлагает *осмыслить прямую взаимосвязь их бизнес-структур с геополитической судьбой самой российской государственности*, привить им геополитическую ответственность (что свойственно всем крупным национальным и транснациональным корпорациям США, Европы, Японии и т. д.). Таким образом, модель евразийской экономики: *удовлетворяет запросу масс на социальную справедливость; поощряет инициативу среднего класса; внушает геополитическую ответственность крупным магнатам.*

Евразийство сегодня является идеологической основой политической партии «Евразия», которая в ближайшее время будет восстановлена. Эта партия не имеет *конъюнктурных амбиций* и не ставит перед собой задачи банальной конкуренции с другими политико-партийными проектами. Партию «Евразия» следует воспринимать не как проект, альтернативный пропрезидентским партиям, но как *политико-идеологическую лабораторию для выработки национальной стратегии и идеологии нового Президента*. Евразийство таким образом может проделать быструю эволюцию — *от идеологии партии — через идеологию Президента к идеологии Государства.*

Путин и евразийская интеграция

Интеграционные процессы на территории бывшего Советского Союза всегда являлись головной болью для российских политиков. После создания взамен благополучно ушедшего в небытие СССР аморфной группировки с непонятными функциями и столь же невразумительным названием: Содружество независимых государств, сколь-нибудь серьезных подвижек в деле полномасштабной интеграции на постсоветском пространстве замечено не было. И дело вовсе не в нежелании руководства самих вновь образовавшихся государств, некоторые из них, например, Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев активно разрабатывали проекты экономической и политической интеграции стран СНГ. В 90-е годы значительную тягу к интеграции выказывало белорусское руководство. Причину пробуксовки проектов интеграции на постсоветском пространстве следует искать в нежелании самого российского руководства заниматься этой проблемой.

Все 90-е руководство России в те редкие моменты, когда оно было способно к мыслительной деятельности, думало, что «заграница нам поможет», Россия вольется в семью развитых демократических наций Запада и счастливо заживет средней буржуазной паршивости жизнью. Отрезвление наступило ближе к концу 90-х, когда после бомбардировок Югославии и начала Второй чеченской кампании стала ясна удивительная для тогдашней элиты вещь: Запад если и переварит Россию, то только по кускам. Угроза собственной дезинтеграции не только заставила укрепить «вертикаль власти», но и более серьезно заняться внешней политикой, прежде всего СНГ. Выяснилось, что в то время как Россия занималась в СНГ разве что проведением двухсторонних переговоров с Белоруссией о более близких отношениях, вопросами многосторонней интеграции в СНГ занялись в Вашингтоне, изрядно позаботившись о создании в 1997 году такой организации, как ГУАМ.

Владимир Путин первым осознал губительность прежнего курса, проводимого в СНГ. Именно президентство Путина стало тем периодом, когда Россия взяла курс на интеграцию как экономическую, так и военно-политическую в СНГ, начиная от создания ЕврАзЭС и заканчивая переговорами о создании совместного с Белоруссией государства. Сейчас трудно представить себе внешнюю политику России и международные отношения в мире в целом без таких организаций, как Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Единое экономическое пространство (ЕЭП), однако все они были созданы во время нахождения у власти Путина. Более того, роль России, Казахстана и Белоруссии как трех локомотивов евразийской интеграции на территории СНГ не в последнюю очередь объясняется личными доверительными отношениями, сложившимися между Владимиром Путиным, Нурсултаном Назарбаевым и Александром Лукашенко. Последствием данных доверительных отношений стало то, что уровень интеграционного взаимодействия между тремя странами довольно велик, результатом стало принятое в 2006 году решение о создании Таможенного союза, включающего все три страны, в рамках ЕврАзЭС.

Скажем прямо: без участия Путина дальнейшая интеграция была бы проблематична. А это делает проблематичными и перспективы экономического роста во всех трех странах, невозможного как минимум без восстановления прежних хозяйственных связей. Во главе интеграционных процессов должен стоять человек, не ангажированный в сотрудничество с

крупными транснациональными корпорациями, интересы которых зачастую расходятся с интересами государства. Ударом по интеграции стали, в этом контексте, действия «Газпрома» в отношении Белоруссии, связанные со стремлением поднять для союзной с Россией страны цены на газ, точно так же, как и для враждебно настроенной на тот момент «оранжевой» Украины, что никак не назовешь шагами, направленными на стимулирование интеграционных процессов. Не хотел бы столкнуться с подобными выпадами и Казахстан: после подписания договора о строительстве Прикаспийского газопровода Казахстан будет направлять свой газ в Европу по трубопроводной системе «Газпрома» и, таким образом, будет зависеть от закупочных цен на газ, устанавливаемых этой компанией. Назарбаев предпочел бы иметь дело с человеком, который мог бы в случае чего приструнить газовый гигант, исходя из интересов России и общих интересов Таможенного союза и ЕврАзЭС. Только доверив дело интеграции такому человеку, как Путин, можно будет добиться взаимопонимания в этом вопросе от большинства стран СНГ, прежде всего Белоруссии и Казахстана.

С этой точки зрения, становится понятным, почему, например, Казахстан пошел на подписание Договора о строительстве Прикаспийского газопровода, ставящего его в зависимость от закупочных цен «Газпрома». Причиной могла быть лишь уверенность в том, что руководство объединительными процессами на постсоветском пространстве, которые включают в себя в том числе и проблему транспортировки энергоносителей, будет осуществлять Путин. Действия самого Путина и российского руководства в целом, в частности МИД РФ, в последнее время также подтверждают, что Владимир Владимирович будет играть серьезную роль в деле значительно интенсифицировавшейся евразийской интеграции. Более активное участие Путина в данном процессе объясняется в том числе, и стремлением решить и внутренние проблемы. Усиление интеграции неизбежно приведет к возникновению наднациональных органов власти. Центр власти сместится тогда именно в эти наднациональные органы, что и позволит Путину, находясь в их составе и даже возглавляя их, продолжить воплощение «Плана Путина» в жизнь без накладок и сбоев.

Те шаги, которые Владимир Путин предпринял после публикации своей программной статьи о Евразийском союзе в «Известиях»^[22], показывают, что это не просто отдельное заявление. Ведь об интеграции постсоветского пространства говорилось много, и о том, что отношения со странами СНГ являются приоритетными, писалось очень много тем же Путиным и другими политическими деятелями. Но тот факт, что он не просто в очередной раз обозначил эту тему, а начал последовательные шаги по реализации проектов таможенного союза, создания в СНГ свободной экономической зоны, другие действия, которые он предпринял, — все это показывает, что это серьезно, что мы имеем дело со стратегией, мы имеем дело с программой.

Проект возвращения Путина: только многополярный мир

Евразийский союз — это не только экономическая инициатива, хотя Путин настаивает на экономике. Но тогда, если речь изначально бы шла только об экономике, почему бы ему не ограничиться форматом ЕврАзЭС, форматом ЕЭП, либо таможенным союзом. Нет, Путин говорит о Евразийском союзе, а это нечто другое. Поскольку президент Казахстана Назарбаев, который разработал эту модель и наше Евразийское движение, много-много лет занимается проблематикой евразийской интеграции и созданием Евразийского союза, я

могу сказать со всей ответственностью, что это больше, чем экономический проект: это настоящая политическая стратегия. И мы видим, что Путин принялся ее осуществлять. Если Медведев начал свое президентство с проекта модернизации, то Путин начинает свое возвращение в президентское кресло с евразийского проекта, с создания Евразийского союза.

Что такое Евразийский союз? Это по сути дела политическая философия, которая имеет три главных принципа, три главных ядра. Первое ядро — это необходимость *строительства многополярного мира вопреки однополярному миру, построенному на американской гегемонии*. Путин критиковал ее в мюнхенской речи. Но это и не строительство некоего глобального бесполярного мира, с несуществующим центром, который на самом деле прикрывает доминацию транснациональных корпораций и власть мировых элит. Ни бесполярный, ни однополярный мир для Путина не приемлемы. Он говорит о *многополярном мире*, где существует несколько конкретных региональных полюсов влияния. Из их баланса складывается справедливая система распределения сил и зон влияния. Только многополярный мир.

Из этого многополярного мира вытекает второе ядро евразийской политической философии — это интеграция постсоветского пространства. Это, собственно, Путин сейчас больше всего и подчеркивает. Потому что Россия в одиночку не может быть самостоятельным и законченным полюсом многополярного мира. Для того чтобы выстроить этот полюс, России нужны союзники, нужны интеграционные процессы на постсоветском пространстве, нужны Казахстан, Беларусь, Украина, Молдова, нужны Армения, желательно Азербайджан, нужны и выходы в глубину Центральной Азии в лице Киргизии, Таджикистана, желательно в перспективе Узбекистана и даже Туркмении. Это все очень далекая перспектива, но работать в этом направлении надо, потому что надо создавать полюс многополярного мира. Объединив наши энергетические, экономические, военно-стратегические потенциалы, пространственные зоны извлечения природных ископаемых, их маршрутов по доставке, мы превращаемся в настоящую мировую силу, в настоящего глобального игрока, возвращаемся на историческую арену. Это вытекает напрямую из идеи необходимости построения многополярного мира.

И третье ядро евразийской политической философии — это переустройство России с той либерально-демократической модели, которая в 90-е годы была скопирована с Запада, в совершенно особый русский путь развития. Специфика нашего общества состоит в том, что у нас нет полноценной *буржуазной нации*, нет единого *гражданского общества*, основанного на принципах индивидуализма, либерализма, как, например, общество американское или европейское. Система ценностей России радикально иная. И эта система имеет как одно стратегическое единство вокруг ядра русских, так и полифонию *этносов*, не *наций*, а именно этносов, которые живут на территории России, на территории постсоветского пространства, образуя цивилизационное единство. Вот это называется евразийством во внутренней политике — единое стратегическое управление, единое государство и множество этнических групп, каждая из которых не представляет собой национального образования или какого-то политического образования, но представляет собой части духовного сокровища нашего общего государства. Летом 2011 года Путин говорил, не знаю, многие ли заметили, о необходимости проведения различия между нацией и этносом. Нация — одна, как единое государство, а этносы различны. И здесь очень важно не допускать ни сепаратистский национализм (малый национализм), ни национализм большого народа. Эти

националистические модели не совместимы с евразийской природой нашего общества. Если мы хотим сохранить, укрепить и расширить зону нашего влияния, мы должны быть евразийцами и основывать нашу политику на этой евразийской политической философии. Вот это все и объявил Путин, начав воплощать в жизнь евразийский проект.

Я думаю, что через какое-то время, может быть, не сейчас, через несколько лет, это потребует серьезной переделки нашей политической системы, изменения определенного баланса сил между центром и регионами, причем в две стороны. С одной стороны, я думаю, речь пойдет о ликвидации таких понятий, как *национальная республика* внутри России. Но одновременно с этим начнется расширение полномочий этносов, проведение сознательной политики на укрепление и культурное возрождение языковых, религиозных, культурных общностей территорий России. То есть должен быть соблюден двоякий баланс — не только в одну сторону, в сторону централизации, но еще и в сторону децентрализации, только по другому, евразийскому сценарию, нежели идея создания единого индивидуалистического гражданского общества. Вот эта евразийская политическая философия — это Путин после марта 2012 года, и это очень серьезно. Мне ли как евразийцу не знать, какое следующее, а потом и последующее действие, какой следующий шаг будет сделан после такого рода серьезных стратегических заключений.

Мы входим в эпоху совершенно новой политической реальности, это не либеральная модернизация, это строительство евразийской мировой державы — интегральной, мощной, с социальными особенностями, со специфическими принципами и ценностями, которые составляют особенность всей нашей евразийской общности.

С опорой на евразийство: зачем Путину еще 12 лет?

Как я уже упоминал выше, программная статья Владимира Путина о создании Евразийского союза была опубликована 3 октября 2011 года в газете «Известия». Из предложенных Путиным тезисов следует, что Евразийский союз по аналогии с Евросоюзом будет единым экономическим пространством, в котором миграционные и пограничные барьеры будут сняты. Возвращение Путина в президенты на следующие 12 лет не может проходить по той же самой модели, по которой оно осуществлялось в первые два срока, просто потому, что запас легитимности, полученный за период проведения второй чеченской кампании, укрепления территориальной целостности России — на чем держался рейтинг, харизма и политический авторитет Путина, исчерпан. Сейчас можно сказать, что он почти обнулится, и его хватит только на то, чтобы прийти к власти, и больше ни на что.

Поскольку в дальнейшем Россия неизбежно столкнется с очень серьезными, стратегическими вызовами, то политтехнологиями в духе Владислава Юрьевича Суркова на следующем этапе правления больше ничего совершить невозможно. Эпоха технологий вместо идеологий, пиар-кампаний вместо стратегий, шлягеров и хохм вместо национальной идеи завершилась. Это совершенно очевидно. Если Путин попытается продолжить инерционный сценарий во внутренней и внешней политике, то крах будет очень быстрым, поскольку серьезность вызовов на новом этапе несравнимо превосходит те, с которыми он столкнулся раньше и с которыми он справился. Это новый цикл, и для того, чтобы утвердиться в нем, получить легитимность, Путину нужна новая стратегия.

Единственной стратегией, которая соответствует историческому моменту, новому раскладу сил и в целом общей ориентации масс, является евразийство. Именно евразийство может быть полноценной, настоящей идеей для России, а также и стратегией, которой следует придерживаться. Такой национальной идеи в России не было — в основном были метания между либерализмом, доминирующим в прозападных коррупционных элитах, и отдельными, непоследовательными и противоречивыми элементами национализма, которые по своей сути предполагали распад России. Поэтому я абсолютно убежден, что Путин должен опереться на евразийскую идею.

Долгое время ему препятствовали это сделать. Все попытки донести до него евразийские идеи блокировались либо пиарщиками, которые из всего делали компот или нарезку в духе клипа наркотического сознания, либо просто идеологическими врагами — либералами, западниками, которые в эпоху Медведева едва не подняли бунт и не совершили госпереворот, чуть ли не демонтировав самого Путина и путинскую систему. Если Путин хочет быть легитимным после марта 2012 года, то ему необходимо опереться на евразийство, поскольку оно соответствует и поликонфессиональному, полиэтническому характеру России, является базой для интеграции постсоветского пространства и, в рамках международной политики, обосновывает необходимость многополярного мира и создания полицентричной модели. О полицентризме все чаще говорит и Лавров, в ООН он недавно упоминал о Евразийском союзе.

Это — новая тема, и раньше такой союз лидерами нашей страны не упоминался. Это — идея Назарбаева и наша, Евразийского движения. Евразийский союз — это уже политический проект интеграции, и ему вообще никогда не уделялось никакого места, он просто не упоминался в официальных речах. Теперь это происходит. Эта тема отвергалась

окружением Путина на предыдущих этапах, которое не давало ему даже об этом упоминать. Это вычеркивалось из любых документов, этому придавался идиотский характер, это осмеивалось и так далее. Дело в том, что только один человек в администрации президента правит идеологией в стране, начиная с ельцинского периода, а не формальные президент и премьер-министр. Вот тот тандем, который надо обсуждать. Путин и человек, который руководит в стране внутренней политикой и идеологией. И от того, как Путин решит этот тандем, зависит многое. Но то, что Путин упомянул Евразийский союз, говорит об очень многом.

Безусловно, упоминания мало для реализации политического проекта. Озвученная концепция автоматически не даст решения всех проблем, это лишь стратегия и ориентир, поэтому многое будет зависеть от того, как она будет расписана и продумана на теоретическом уровне, и от того, как она будет воплощаться в жизнь на уровне практическом, потому что любое прекрасное начинание легко погубить негодными кадровыми ходами, чиновниками и болтунами. Для этого нужны компетентные люди, определенная решимость, в том числе, политическая воля, а с этим есть проблемы. Путина могут разубедить, и это может остаться пустым заявлением... Та команда, которая ответственна за идеологические, политические вопросы в окружении Путина, имеет очень большой опыт по сведению к нулю или симуляции любых идеологических начинаний — из идеи устроят хэппенинг, пиар, и потом прикасаться к ней будет противно, мы знаем, кто этим занимается, насколько эффективно он способен превращать в балаган различные идеи.

Даже если допустить, что Путин всерьез считает так, как пишет, и стратегия будет должным образом оформлена, начнутся изменения курса, это не гарантирует, что все пойдет гладко. Противодействие евразийской интеграции будет оказываться колоссальное. Страны Запада будут максимально этому препятствовать, ведь это альтернативный проект мироустройства. Не исключено, что Путина заставят отказаться от этого силовым образом — слишком многое поставлено на карту. За проект придется биться. По моему мнению, заявить такие вещи можно было еще в 2001 году, но можно считать, что у него были связаны руки.

Если Владимир Владимирович будет продолжать ту политику, которую вел накануне 2008 года, то я думаю, это долго не продлится. Этот курс хорош на предыдущем этапе, но он сейчас нереалистичен. Путин, действующий по инерционному сценарию с опорой на полутоталитарных-полупостмодернистских технологов, никому не будет нужен. Он будет объявлен врагом Запада, и одновременно, с таким сопровождением, он стремительно будет утрачивать доверие патриотических кругов. Путина точно снесет с двух сторон — по нему будут бить либералы и его не будут поддерживать патриоты. У него есть один-единственный шанс — евразийство. Я считаю, что, если Путин на следующем этапе не будет евразийцем, то его вообще не будет. Он правильно говорит, что Россия либо будет великой, либо никакой не будет. Так же можно сказать о евразийстве Путина.

Развязались ли у него руки сейчас, сбросил ли он какие-то обязательства, сказать пока на самом деле сложно. Хочется верить, что это настоящее возрождение России, но за 15 лет накопился очень большой скепсис. Оформить все это в стратегию, мировоззрение — очень трудно, и, боюсь, на этом пути нас ждут огромные разочарования. Ничего из сказанного в программе «Россия, вперед!» не было за четыре года реализовано и больше не будет. Это была идея, которая осталась на бумаге, именно потому, что плохо была отстроена идеология — создавать демократию и проводить модернизацию одновременно в России невозможно.

Связав одно и другое, власти обрекли себя на то, что ни одного пункта не будет реализовано. Сегодня тоже можно сказать — либо управление внутренней политики, либо евразийство. Если управление внутренней политики, то Путин ни одного шага не сделает в том направлении, которое заявляет, потому что будет полная блокада. Если евразийство — то должны быть очень серьезные изменения. Если будет попытка и оставить управление внутренней политики неприкосновенным, и развивать евразийство, то из этого ничего не получится. При этом евразийство, конечно, не обеспечит легкую жизнь. Легкую жизнь уже ничто не обеспечит после 2012 года. Большой радости его возвращение ни у кого не вызывает — ни у Запада, ни здесь. Ни у либералов, ни у патриотов... Но, если Путин хочет стать легитимным, ему придется опереться на евразийство.

Интеграция

ЕврАзЭС и Таможенный союз можно рассматривать как экономическую основу Евразийского союза. Состав стран, входящих в эти интеграционные структуры, и является ядром Евразийского союза. Но сам проект Евразийского союза есть проект именно политической интеграции. Чем он мог бы стать? Это открытый вопрос. Нурсултан Назарбаев предлагает повторить модель Европейского союза, он даже написал Конституцию Евразийского союза, полностью копирующую европейскую. Поэтому ваш вопрос ставит другой вопрос: чем является Евросоюз, берущийся за основу, — конфедерацией, национальным государством или какой-то новой формой организации политического пространства — например, «государством постмодерна», как предложил Роберт Купер.

Я полагаю, что для Евразийского союза нужна особая политическая теория — Теория Многополярного Мира. В ней субъектами, акторами должны выступать не традиционные государства модерна (в духе Вестфальской системы), но цивилизации. Цивилизация как союз. Для этого необходимо пересмотреть всю существующую международную систему. То есть Евразийский союз должен стать новым политическим типом, имеющим определенные черты конфедеративного государства, основанного на субсидиарности и широкой автономии регионов, но вместе с тем и определенные черты стратегического централизма, свойственного империям классического толка.

Идея Евразийского союза есть идея альтернативного постмодерна, отличного и от государствоцентричного модерна, и от премодернистских империй. Главное отличие от премодернистских империй состоит в том, что принцип политической организации международной системы по цивилизационному признаку становится рациональным конструктом, рефлектируется и описывается в технических терминах. Есть цивилизация как инерция, а есть как проект. Евразийство предлагает именно проект. То есть это волевая сконструированная цель.

Сейчас Путин говорит о Евразийском союзе как о посредническом проекте — между Европой и странами АТР. Посреднический элемент — это правильно, потому что с чего-то надо начинать. Европа тоже не сразу строилась, и то, что она упустила политический момент в своей интеграции, сегодня дает свои результаты. На одной экономике ничего надежного не построишь. Экономика — вещь очень ненадежная и принципиально не определяющая для истории ничего. Строить надо на основании проекта, идеи, общности исторической судьбы, на основании общей цивилизации и системы ценностей. Это серьезно, и дальше это способно выдержать любые испытания, в том числе экономическими

кризисами. Можно предполагать, что на этом могла бы сформироваться специфическая идентичность самой России.

В таком случае Путину надо начать проявлять качества, которые он проявлял лишь в самом начале своего первого президентского срока, когда он выиграл войну, трудную, тяжелую, не только с чеченским сепаратизмом, но и с внутренней олигархией, с либералами, с агентами влияния Запада. Эту войну он выиграл, предотвратив распад страны. Тогда он действовал решительно и последовательно, но после этого он замер и до сих пор пребывает в каком-то анабиозе, перепоручив все основные вопросы очень сомнительному окружению. Если сейчас он хочет оставить свой след в истории, то ему придется действовать решительно. Он показал, что он может так действовать — в начале президентского срока, и, как ни странно, что он не любит этого делать — во всем остальном периоде. Сейчас наступает критический момент, когда хочет не хочет, а придется.

Конечно, Евразийский союз — это не вариант возрождения СССР, потому что СССР создавался по другой идеологической модели. Но, с геополитической точки зрения, это вариант возрождения СССР. Точно так же, СССР — это продолжение царской империи, хотя любой коммунист скажет, что это нечто радикально иное. Есть разный уровень. На идеологическом уровне это не тождественные вещи, и Путин совершенно правильно и искренне говорит об этом, а с геополитической точки зрения это близкие вещи. Вопрос лишь в том, с какой стороны на это взглянуть.

Для реализации идеи Евразийского союза необходимо пересмотреть всю существующую международную систему, потому что Союз возможен только в рамках Теории Многополярного Мира, и начинать надо с нее, а не с технических шагов экономической интеграции. На примере кризиса Евросоюза мы видим, что экономики для прочной интеграции недостаточно. Если нет общего политического проекта, нет внятной геополитики, ничего надежного создать невозможно. И при строительстве Евразийского союза это надо учитывать.

Само по себе создание зоны свободной торговли — это очень важный ход на пути создания Таможенного союза на уровне СНГ. Хотя это и разные вещи, но само по себе заключение такого договора — очень существенный шаг в сторону интеграции постсоветского пространства. Я думаю, что стремительность, с которой подписан этот документ, свидетельствует о том, что данной теме на сегодняшний момент уделяется существенное внимание со стороны российской власти.

Евразийство — это политическая философия, которая не может быть однозначно квалифицирована ни как правая, православно-монархическая, ни как левая, коммунистическая, социалистическая, ни тем более как либеральная. Это нечто оригинальное, выстроенное и выстраданное в течение всего XX века. За плечами евразийства — столетие. Тем самым у этой политической философии есть историческое прошлое, есть компендиум текстов, что очень важно для любой доктрины, и есть евразийский анализ разных исторических этапов. Начиная с Первой мировой войны — работы Савицкого, Трубецкого и вплоть до 60-х — 70-х — работы Гумилева. В 80-е подключаемся мы, продолжаем эту линию. И анализируем с позиции евразийства события, которые разворачиваются последние 25 лет. Евразийство — столетняя, устоявшаяся политическая философия. Она не просто была сформирована и брошена, а именно жила. Соответственно, именно в таком качестве она и существует в современной России — это компендиум политической философии, которая базируется на трех принципиальных

Три столпа для Путина

Первое. Если говорить о внешней политике, то здесь решающую роль должен играть тезис о многополярном мире. Я сейчас преподаю социологию международных отношений на социологическом факультете МГУ и обнаружил, к своему удивлению, что теории многополярности просто не существует, несмотря на то, что ее разработало и развило евразийство. Когда я студентам задаю что-то сказать о теории многополярности, то обращаюсь к двум пассажирам из статей Лаврова, к мюнхенской речи Путина и к материалам по евразийству. Три предложения у Лаврова, два абзаца у Путина, и три тома евразийских текстов. И все! А когда мы обращаемся к иностранным источникам, есть только критика этого либо неверное толкование многополярности — Вестфальская система международных отношений, основанная на приоритете государств-наций и ничего общего с современными условиями не имеющая. Так вот, евразийство — это теория многополярного мира, а не просто пожелание многополярности.

Второе. Вытекающий из этой многополярности императив интеграции постсоветского пространства. Можно сказать, исторически — это восстановление Российской империи и СССР на принципиально новых основаниях. Как Российская империя была отлична от СССР, точно так же Евразийский союз отличен и от СССР, и от Российской империи. Другая идейная база, другие механизмы, другие акторы, другие модели интеграции. В одном случае колонизация, в другом — социалистическая революция, в нашем случае добровольная специфическая модель интеграции по типу Евросоюза. По той модели, что обозначил Нурсултан Назарбаев еще в 1994 году. Но эта теория интеграции постсоветского пространства существует. И это второй аспект евразийской политической философии.

И третий аспект — социально-политическое устройство России. Евразийство предлагает совершенно однозначный ответ. Он заключается в том, что для нас не приемлемо создание государства-нации, то есть нивелировка всех этнических культур, которые существуют на территории России. Не приемлема модель гражданского общества, основанного на принципе индивидуальной идентичности, на котором основан Евросоюз. И не приемлема модель этнического сепаратизма, когда этносы претендуют на политическую независимость. Из этого складывается политический евразийский проект для самой Российской Федерации. Единое стратегическое управление и полифония этнических культур. И отказ внутри РФ от каких бы то ни было атрибутов политической независимости — суверенитета и даже статуса национальных республик. Рамзан Кадыров абсолютно правильно отказался от политической должности президента, назвав свой пост «глава Чеченской Республики». Это должно стать повсеместным явлением.

И следующий необходимый шаг — упразднение статуса национальных республик. При этом евразийство абсолютно не хочет умалить в правах: этнических, религиозных, культурных ни одну из общностей, живущих на территории РФ. За это нас упрекают и националисты, и либералы. Но мы — сторонники того, чтобы была «цветущая сложность» Константина Леонтьева.

Конституция Российской Федерации была скопирована с европейских аналогов и не адаптирована к нашим условиям. В ней содержится множество взаимоисключающих тезисов. Там, например, говорится, что субъектами Федерации являются независимые

государства. И тут же, что единственным суверенитетом обладает Российская Федерация. Эта Конституция может толковаться как угодно: в евразийском ключе, в националистическом, в либерально-сепаратистском. На этой Конституции были построены в значительной степени конфликты 90-х годов, кровавые войны. И сама по себе эта Конституция требует не переписывания, но толкования. Чем успешно занимается Путин. Он перешел от государственности субъектов Федерации через назначение глав субъектов Федерации к очевидному сокращению этой самой государственности.

Таким образом, мы создадим возможность и для сохранения территориальной целостности, и для возможной интеграции постсоветского пространства, одновременно не ущемим в правах коренные народы. У русских при этом вообще нет своего субъекта Федерации, и не надо. Мы являемся государствообразующим ядром. Русские могут говорить на своем языке где хотят, и все остальные наши граждане, русские и нерусские, должны знать русский язык.

Что касается защиты прав коренных народов — это пункт Конституции. Специально оговаривать еще каким-то элементом ни к чему, надо только эти права реализовывать. Что подчас является проблематичным. Они и сами их с трудом представляют, а властям не до этого, не до коренных народов. Я бы поддержал сторонников правового подхода. Подчас права, записанные в Конституции, требуют только одного — соблюдения и выполнения. Защита прав коренных народов прописана в Конституции. И специально оговаривать их состав не стоит — мы всегда кого-то забудем. Этнические процессы очень сложные. Как специалист по этносоциологии могу сказать, что не может существовать окончательной номенклатуры этносов. Этноты, увы, исчезают, этноты появляются, этноты раскалываются. Определенные этнические группы осознают себя чем-то отдельным — например, мишари, кряшены. По религиозному и иному признаку могут выделиться в отдельные этнические группы, осознать себя отдельным культурным и даже этнокультурным явлением.

Этому нельзя ни в коем случае присваивать юридический характер. И тем не менее власть должна, на основе Конституции, соблюдать права всех этносов, всех народов, которые существуют на территории Российской Федерации.

Евразийство содержит в себе ответы на все вопросы — от реформы ЖКХ до здравоохранения. Что касается социальной политики — евразийство тяготеет к левой социалистической позиции. Можно подметить близость евразийства к социализму, но не доктринальному, не марксистскому, не атеистическому, а, скорее, православному. Или исламскому, если говорить об исламских формах общности.

Но это не догматический элемент. В этом отношении у всех евразийцев была определенная степень непредрешенности. Главное, что экономика должна быть органичной, справедливой, холистской, то есть основанной на принципе целостности. Мне персонально симпатичен социализм, но я считаю, что этот вопрос открыт, здесь существует поле для дискуссий. Хотя, с другой стороны, исходя из принципа многополярности, мы полностью поддерживаем назарбаевскую идею о многополярных валютах, о том, что каждый регион мира должен иметь свою собственную валюту. Мы — противники долларовой империализма.

Евразийство и элиты

При этом нельзя ни в коем случае зарекаться «от суммы и от тюрьмы» — и от войн, и от

катастроф. Самые приличные элиты появляются в экстремальных ситуациях. Когда все хорошо, правит тот, кто подловат, трусоват. Когда надо платить жизнью, то поднимаются настоящие люди. Конечно, оптимальные формы создания элит — революции и войны. Тогда приходят к власти сильнейшие, аристократы. В мирное время, как правило, торжествуют либо середняки, либо субпассионарии. По Гумилеву, на одного пассионария приходится сто субпассионариев, то есть таких недрострастных людей. Они отличаются от общей массы тем, что что-то хотят. Хотят, но не могут. И из них получается недоэлита.

Есть такое понятие, как евразийский отбор. Это была модель, разработанная еще первыми евразийцами относительно того, какого типа люди должны возглавлять государство. Они в значительной степени обращались к опыту Чингисхана, степных империй, которые делали акцент на воинских доблестях: верность, честь, длинная воля. На неких этических признаках, которые должны в государстве быть взяты за основу того евразийского отбора, о котором идет речь. Если применить этот критерий к тем, кто правит Россией сегодня, то почти никто в его рамки не попадает. Соответственно, евразийство как политическая философия предполагает либо приведение во власть подобного рода пассионарных людей, «людей длинной воли», путем постепенного вхождения, либо, если крепость элиты будет закрыта наглухо, то взятие штурмом.

Евразийским является лозунг — «карьера или революция». Если есть возможность, то карьера, если нет возможности, то революция. Единственное, чего точно не будет, — не будет покорности. Человек элиты, человек правящего типа не готов терпеть власть худшего, чем он. И не будет терпеть. Либо он будет интегрирован в эту власть и будет делать ее лучше, либо он ее сметет. Здесь можно оплакивать революцию, говорить, что лимит на революции исчерпан, или спорить с этим. Это абсолютно не принципиально — без элиты не существует ни одно общество. Не будет своей элиты — придет чужая. Не можем править сами — найдется кто-то со стороны, кто будет нами править. Евразийцы считают, что своей страной должны править лучшие представители общества. В основе евразийского отбора лежат представления об аристократах, о пассионариях.

Реалистично это сегодня или нет? На мой взгляд, при нынешнем строении власти нереалистично. Ну что ж, либо должны смениться и прийти путем карьерного роста люди другого типа, либо, если ворота Кремля будут оставаться закрытыми, а через лазейку туда будет проникать всякая сволочь, холопы, шуты гороховые, то придется брать эти стены штурмом. Если не моему поколению, то следующему точно. Это закон Парето, а не пожелание революции и хаоса. Может быть, это приведет к чему-то дурному. Но тот, кто не соблюдает исторические законы и правила политической философии, за это жестоко расплачивается. Я бы хотел, чтобы расплачивались наши враги, а не мы. Поэтому, думаю, нашей власти надо пересмотреть отношение к элите и принять евразийский отбор, не доводя дело до греха. Если все будет продолжаться, как сейчас, ни к чему хорошему это не приведет.

От политических движений зависит многое. Наша задача выстроить непротиворечивую последовательную стратегию в условиях постмодерна. Эта вещь, не сама собой разумеющаяся, не имеющая отношения ни к прямому, такому кондовому, консерватизму, ни, понятное дело, к прогрессизму. Не просто, но возможно. На предыдущих этапах, пусть не окончательно, но удавалось. И удавалось в условиях, когда, казалось бы, это невозможно. В том же либеральном, прогрессистском XX веке мы знали ряд явлений, которые с успехом смогли навязать своим обществам иную повестку дня — в том или ином ключе,

Евразийский союз и США

Отношение США к Евразийскому союзу при любой администрации будет радикально и открыто враждебным. Создание Евразийского союза напрямую противоречит принятой стратегии национальной безопасности США, направленной на противоположную цель — на недопущение возникновения на территории Евразии политического, экономического и военно-стратегического образования, способного ограничить контроль над этой зоной со стороны США. Это записано в «Руководстве по планированию обороны» Пола Волфовитца (1992 год). И потом в точности повторено в основных документах США по стратегическим перспективам.

Создание Евразийского союза означает демонтаж американской гегемонии и переход к строительству многополярного мира. В этом многополярном мире США могут остаться великой державой, но только не мирового, а регионального масштаба. К этому в Вашингтоне никто, кажется, не готов. Значит, будет самая настоящая борьба атлантизма против евразийства (которая ни на миг и так не прекращается). Великая война континентов.

Евразийский союз — ключевой полюс в многополярном мире. Как в стратегическом и политическом, так и в экономическом смысле. Очевидно, что сегодня самой сильной стороной Евразии являются энергетика, природные ресурсы. Огромное значение имеют ядерное оружие и гигантские территории. Все это создает внушительный геоэкономический потенциал. Но в то же время Евразийскому союзу не хватает доступа к высоким технологиям, промышленного потенциала, динамики технического развития, достаточного масштаба потребительского рынка. Это делает его зависимым от Европы и Азии. Но не от США.

Поэтому для успеха создания Евразийского союза необходимо евразийско-европейское и евразийско-китайское партнерство. «Великая Европа от Лиссабона до Владивостока» (как писал Владимир Путин) и ось Москва — Пекин. Кроме того, для Евразийского союза огромное значение имеет партнерство с исламским миром, Латинской Америкой, странами Тихоокеанского региона и Африки. Все это потенциальные полюса многополярного мира.

У каждого есть плюсы и минусы, дефицит того или иного ресурса. Вместе на основе диалога цивилизаций мы способны выстроить сбалансированный и справедливый миропорядок. Будут ли в нем исключены конфликты? Нет. Они возможны всегда. И тем не менее, всегда есть способы их избежать, вместо войны и столкновения цивилизаций перейти к их мирному диалогу. В столкновении цивилизаций нет никакой фатальности.

Глобализация и Pax Americana показывают нам пример кровавых преступлений, интервенций, массовых убийств — Сербия, Ирак, Афганистан, Ливия. Выбор не стоит так: война или мир? А так: *какая* война и какой мир? Война и мир между кем и кем, во имя чего и на каких условиях? А также как сделать мир справедливым (многополярным) и устойчивым, а от войны перейти к диалогу? Не на основании полного тождества и насильственного насаждения демократии — как считают либералы в международных отношениях, а на основании признания прав другого (другой цивилизации) быть другим, отличным, не похожим, но не заслуживающим за это «наказания» и «уничтожения».

Создание зоны свободной торговли на пространстве СНГ — это очень решительный шаг, и, конечно, роль России в экономическом смысле значительно возрастет, равно как

возрастут экономические и бизнес-перспективы и у других участников проекта. Однако, конечно, для некоторых стран это будет означать необходимость большей открытости экономик. И, видимо, не все к этому готовы.

Надо научиться строить интернациональную систему на основах широкой и продуманной социальной и культурной антропологии, а не базе западного американо-европейского культурного расизма, колониал-либерализма и тоталитарного универсализма чисто западных (индивидуалистических, рыночных, капиталистических) ценностей. А для этого Путину понадобится совершенно новая элита — идейно мотивированная, жесткая и высоконравственная.

Русский орден: актуальность новой опричнины

Русская опричнина явление и историческое, и сверхисторическое. Слово происходит от наречия «опричь» — «в стороне». В старорусском оно имело синоним «кроме», то есть «на кромке», откуда «кромешный». В этой связи самих опричников иногда называли «кромешниками». В опричнину попали земли «в стороне» от основных административных территорий — земской Руси.

Грозный создавал опричнину для двух главных целей: *мобилизации сил для ведения ожесточенной войны на Западе и реструктуризации административной элиты*, чья ригидность не позволяла решать новые проблемы, стоящие перед централизирующейся Московской Русью. Просуществовав 14 лет, опричнина была отменена. Выполнила она или нет поставленные перед ней задачи, историки спорят до сих пор. Но смысл ее создания заключался в следующем: традиционная административно-бюрократическая (боярская) система управления государством катастрофически не справлялась с решением новых задач. Нужна была новая система управления государством, и она была эффективно создана.

Вместе с тем итальянский социолог Вильфредо Парето показал, что создание подобных образований, аналогичных русской опричнине, является классикой политической истории. Когда правящие элиты застывают, закрываются, то прекращается важнейший процесс *«ротации элит»*, и, чтобы насытить правящий класс новой кровью, подчас просто необходимо создавать *параллельные иерархии*. Принцип этих иерархий основан на личных достоинствах, энергии, смелости, пассионарности, идеологической убежденности — одним словом, на *энергичном идеализме*, в отличие от прежних устойчивых иерархий, где знатность, богатство и клановые связи гарантируют высокое место в политико-административной системе. Русская опричнина, таким образом, есть хрестоматийная иллюстрация закона «ротации элит», кадровая революция сверху.

Параллельная иерархия, как правило, создается на базе особых идеологий или даже культов. Отсюда рыцарские ордена, тайные общества исламского мира (суфийские тарикаты), тантрические секты Индии, даосские и буддистские секты Китая и Японии и т. д. У каждой параллельной иерархии есть своя сакральность, своя символика, свой харизматический полюс, который стоит в центре всей структуры, организует ее. Многие черты русской опричнины дают основания полагать, что элементы этой сакральности присутствовали и здесь: собачьи головы и метлы, привязанные к седлу опричников, помимо прозрачной метафоры («вгрызайтесь в горло врагам государевым и выметайте нечисть из Святой Руси») могли означать и более глубокие реальности. Собака в мистическом символизме означает «проводника мертвых», сакральное животное, которое в различных мифах о загробных путешествиях ведет покойника от смерти к грядущему возрождению. Монахи-доминиканцы, играя словами, расшифровывали свое название как «псы Господни» (*Domini canes*), отождествляя себя с собаками, сторожащими овец (христиане) от волков (еретики, иноверцы), служа пастуху (Христу). Но в отличие от овец псы были на переднем краю войны с волками. Опричники защищали сакральность Руси, боролись с ее врагами — внешними и внутренними. Но, как и во всех собаках, у них что-то было и от волков...

Метла в древних культурах означала символ *сакрального брака*. Перед приездом свадебного поезда в славянских обычаях было принято выметать избу специальными брачными метлами. У многих народов метла играет центральную обрядовую роль в

церемониях свадеб и помолвок. Она имеет ярко выраженный эротический символизм. Не исключено, что у опричников существовали обряды и такого рода, и то, что приписывается их «бесчинствам» и «разнузданности», имело ритуальное измерение в шиваистско-тантрическом ключе.

Полюсом же опричинной сакральности была персона самого Ивана Васильевича Грозного и *символизм смерти*, который постоянно занимал его мысли и воображение. Известно, что Грозный сам сложил три православных Канона, один из которых был посвящен Ангелу Смерти, Ангелу Грозному (этот канон до сих пор широко используется в старообрядчестве).

Итак, опричина — это параллельная иерархия с особым символизмом, обрядами и целями. На теоретика опричины Ивана Пересветова (историчность его личности некоторыми авторами оспаривается, и в нем видят даже псевдоним самого Грозного) большое влияние оказали *турецкие янычары* — воинственные суфии Высокой Порты, тоже тайный орден со своим символизмом и ритуалами.

В современной России явно назрела опричина. Ситуация крайне похожа на XVI век: внешние угрозы — натиск с Запада, расширение НАТО, оранжевые процессы в СНГ и внутреннее разложение властной вертикали — немыслимый доселе уровень коррупции, моральный упадок, отчуждение, недееспособность, вырождение компрадорских элит. Потребность в ней назрела функциональная, психологическая, социальная, идеологическая. Официальная ельцинская Россия, слегка примороженная Владимиром Путиным, постепенно проседает, начинает растекаться, киснуть на глазах. Надежды на эволюционный патриотизм блекнут. Ситуация стремительно становится критической. Партии слабосильны и призрачны. Административная вертикаль недееспособна и коррумпирована. Национальной идеологии нет. Да и Путин, вопреки стенаниям его противников, пока ничего общего с авторитарным харизматическим диктатором не имеет. Так что *ситуацию может спасти только Орден*. Со всеми вытекающими последствиями. Что будет в его центре? Какие у него будут символы? К какой сакральности он будет апеллировать? Эти вопросы открыты.

Ясно одно, что Путин не Грозный, и историческая возможность стать чем-то подобным ему, похоже, упущена. Поэтому новая опричина должна организоваться по иному, неличностному принципу. У Ордена осталась только Россия — параллельная Родина, Святая Русь, скрытая под завалами и наносами истории. Есть, правда, враг — оранжевый атлантический враг — внутренний и внешний. Как показывает теория Парето, параллельные иерархии отнюдь не всегда формируются сверху. Сплошь и рядом их создают контр-элиты — пассионарные типы, не нашедшие себе места в закрытых, жадных и стремительно глупеющих правящих классах. Для новой опричины в России есть все предпосылки. Но ее природа, ее характер, ее структуры, ее символизм еще не определены. Лично я убежден, что оптимально для этих целей подходит именно евразийство, которое и задумывалось еще его отцами-основателями как Русский Орден.

Глава 6

Путин — что дальше?

Первая путинская восьмилетка: баланс консерватора

Время от времени следует подводить итоги. И, думается, сейчас — самое время для осмысления того, чтобы оценить, *насколько оправданной была поддержка Путину*, которую оказывали ему консервативные национал-патриотические силы и, в первую очередь, наше «Евразийское движение». Оправданна ли была наша поддержка Путина? Сейчас наша оценка ни на что серьезно повлиять не может, так как в течение всего политический цикл, с момента прихода Владимира Путина к власти, мы строго соблюдали нормы лояльности, основанной на нашем анализе и прогнозах, сделанных в самом начале его правления.

Итак, вне политической полемики и ангажированных прений, спрашиваем отстраненно: *что удалось, а что не удалось Путину?* Что он, собственно, хотел, чтобы ему удалось? Оправдались ли наши надежды на него? И что вообще это было?

Подвиги Геракла

С самого начала путинского правления я опубликовал статью «О двенадцати подвигах Геракла», имея в виду под Гераклом Владимира Путина. Придя к верховной власти, почти сразу, по моему мнению, Путин совершил шесть фундаментальных подвигов. Первый — *остановил распад России*, подавив чеченский (шире, северокавказский) этно-исламский сепаратизм. Второй — *укрепил властную вертикаль* и территориальную целостность России, введя федеральные округа, усмирив губернаторов, а потом и вовсе отменив их выборы. Третий — *перестал слепо идти на поводу у США* (Запада), стал отстаивать национальные интересы России во внешней политике вплоть до обострения отношений с Вашингтоном. Четвертый — *сбил волну либерально-западной русофобии* (прекратил атаку на советское прошлое, пробудил интерес к царистскому прошлому), маргинализировал ультралиберальную журналистику, загнав ее на узкую периферийную площадку «Эха Москвы» и в интернетовские блоги. Пятый — *изгнал олигархов-фрондеров*, которые претендовали на контроль за политическими процессами (не говоря уже о российской экономике), равноудалил тех, кто принял новые правила игры, национализировал по факту основные ресурсные монополии. И, наконец, шестой — *занялся укреплением позиций России на постсоветском пространстве*, дав зеленый свет интеграционным структурам ЕврАзЭС, ОДКБ и т. д.

Эти подвиги резко контрастировали с программой Ельцина и его окружения и представляли собой *прямую противоположность политике 90-х*, где все было строго наоборот. Путин совершил эти принципиальные шаги почти в самом начале своего правления и продолжал их в течение восьми лет, развивая и углубляя. Дело ЮКОСа, подавление «Другой России», отставка Волошина и Касьянова, противодействие оранжевой революции на Украине и мюнхенская речь полностью вписываются в эту изначальную линию, не добавляя к ней ничего принципиально и концептуально нового. Вот эти шесть «подвигов Геракла», к которым я отношусь без тени и иронии и которыми сознательно и ответственно восхищаюсь, обеспечили Путину *безоговорочную поддержку большинства народа* и консервативно-патриотических кругов, которые отождествляют свои политические интересы с волей русского народа и логикой русской истории.

Отошел ли Путин от этих шагов до такой степени, что можно было бы в какой-то

момент *сожалеть* о его поддержке? Критическим моментом было 11 сентября 2001 года, когда, казалось, Путин *изменил императиву евразийской геополитики*, поддержал Вашингтон после терактов и дал добро на вторжение в Афганистан, предоставив американцам возможность разместить свои базы в Центральной Азии. Другим неприятным жестом был отказ от наших военных баз в Камране и на Кубе. И хотя это было явно ошибочными и неверными решениями, далеко идущих последствий они не имели, и довольно быстро Путин принимался за исправление содеянного. Уже сейчас речь идет о новом военном проекте на Кубе, с которой после продолжительного перерыва Россия возобновляет сотрудничество в области поставок вооружений. Дела с Вашингтоном не пошли, да и не могли пойти, и все вернулось на круги своя. А размещение объектов ПРО в Польше и Чехии и последовательность американцев в расширении НАТО на Восток сделали дальнейший проамериканизм просто невозможным.

Если внимательно оценить значение шести подвигов Путина и тот факт, что восемь лет он продолжал действовать в целом в их русле, то *можно признать поддержку Путина оправданной*. Это становится особенно наглядным, если учесть, что Путин делал все это по собственному *произволу* — у него не было ни политических, ни идеологических, ни каких-то еще обязательств ни перед какими патриотическими или общественными силами. Он стал преемником по сговору ельцинских элит и благодаря эффективной информационной кампании. Теоретически он мог править, проводя *совсем иную линию* — никто не мог бы его одернуть за рукав в силу авторитарного характера российской политики. Его предшественники Горбачев и Ельцин спокойно разрушали Россию кирпич за кирпичом, и им все сошло с рук. Один спокойно умер в своей постели, другой до сих пор рекламирует пиццу и Vuitton.

Путин нам вначале был навязан, но стал по-настоящему популярным и народным, так как принялся делать то, что должен был делать болеющий за свой народ и свою страну совестливый и волевой русский человек. Итак, исходя из логики шести подвигов, *Путин правил правильно*, и мы его за дело поддерживали.

Подвиг, на котором споткнулся Путин

На этом кончается идиллия, и начинается вторая графа баланса. Убытки и недостатки.

В той же статье про двенадцать подвигов я описал остальные шесть подвигов, которые предстояло сделать Путину. Самым главным, впрочем, был седьмой подвиг. Он заключался в том, чтобы *довести первые шесть подвигов до логического конца*. Это значит: накрепко геополитически и идеологически привязать Кавказ к России; создать имперскую систему сочетания стратегического централизма с демократическим самоуправлением на низовом уровне; проводить во внешней политике независимый и результативный курс; разработать национальную идеологию; завершить чистку олигархата и остановить коррупцию; приступить к созданию сверхнациональных политических образований на пространстве СНГ (союзное Российско-Белорусское государство, Таможенный союз, «Евразийский союз» и т. д.).

На этом седьмом подвиге Путин *споткнулся*, хотя за ним следовали еще непочатые пять, о которых без совершения седьмого и говорить бессмысленно. Довести шесть первых шагов до логического конца, до *точки необратимости* Путин не смог, не сумел или... не захотел?

Здесь самое важное *необратимость*: Путин ушел со своего поста, передав все преемнику, но не совершив, может, главного — все, что он сделал, теоретически в любой момент могло быть *отменено и обращено вспять*. Поэтому преемник и представлял для нас некую угрозу. Не доведя начатое до конца в ходе своего правления, Путин *поставил под вопрос значение того, что он сделал*. Обладая колоссальным кредитом доверия и огромными возможностями, помноженными на благоприятную в целом международную конъюнктуру и сказочные экономические условия, Путин сдал президентские дела в *подвешенном* состоянии страны. Мы оказались предоставлены на милость преемника, и снова у нас не оказалось никаких инструментов, чтобы призвать его к ответственности. «План Путина», курс Путина, и в еще большей степени «суверенная демократия», вещи настолько запутанные, противоречивые и невнятные, что под ними любой может понимать все что угодно. Они сводятся к набору банальных клише — «все будет хорошо», don't worry, be happy. Политическая история России показывает, что в рамках одной и той же династии, одной и той же идеологии разные политические деятели — будь то цари, генеральные секретари или президенты — проводили совершенно *разный* курс, а столь общие вещи, как трюизмы «плана Путина» и нечленораздельное бульканье «Единой России», можно интерпретировать вообще как угодно. Следовательно, настоящее испытание Путина и момент истины для него только наступают. И именно сейчас логично поставить вопрос о его *дальнейшей поддержке*, выработке ответственного и продуманного отношения к нему, наброске плана на будущее.

Первая путинская восьмилетка завершилась тем, что взаимные обязательства всеми сторонами были выполнены. Какую страну оставил Путин преемнику, сдавая вахту? При Ельцине Россия стремительно катилась в бездну. Одни ее туда толкали, другие упивались скольжением, третьи в ужасе и отчаянии вещали о конце света и оплакивали прошлое. *Путин ценой колоссальных усилий задержал падение*. Россия остановилась в самый последний момент. И... застыла на краю. *На этом краю Путин и оставил ее*. Она уже не скользила, но еще и не встала на реальный путь возрождения. Время застыло. Путин, видимо, думал, что эта остановка времени («стабильность») будет длиться вечно, но так не бывает, это просто пауза. И то, в каком направлении Россия сделает следующий шаг — *к пропасти или от нее*, — не предопределено... Вопрос до сих пор открыт. Теоретически мы все еще так близко к бездне, что можем скатиться туда по чистой случайности — просто сделав одно неуклюжее движение. В чем выражается хрупкость ситуации? Перечислим по пунктам.

Отсутствие национальной идеологии и внятной стратегии

Российская власть остается неконсолидированной, не имеет никакой общей национальной стратегии (кроме пустых заклинаний), не объединена никакой государственной или национальной идеей (все попытки выработать идеологию при Путине обернулись либо фиаско, либо блефом). Стратегии нет, потому что нет идеологии и общей политической философии. Политическая элита живет одним днем и клановыми интересами. Более того, при Путине власть так и не осознала *необходимости стимуляции полноценного развития национального исторически ответственного мышления*. Философские поиски и разработки заменили случайными симулякрами и политтехнологическими анекдотами. Власть считает, видимо, систематическое и упорядоченное мышление то ли «блажью» и

«вздором», то ли «непозволительной роскошью», «на которую нет времени». Но это отговорка всех ограниченных и непорядочных (даже в отношении самих себя людей) — «у меня нет времени мыслить». «Нет времени мыслить»? — Значит, вы — животное, извините, конечно... Те тоже все время чем-то заняты, то виляют хвостом, то рыщут в поисках пропитания, то куда-то летят, сами не зная куда...

Воровство как национальная идея и отсутствие экономики

На фоне отсутствия внятной политической философии коррупция приобретает значение *неформального норматива*. Теперь уже не торгуют государственными интересами с внешними силами (это Путин перекрыл), государство делят внутри, «по-патриотически», «патриот» с «патриотом». Вакантное место национальной идеи заняла конкретная практика коррупции. В конце концов национальной идеей стала *воровская идея*.

При этом в России до сих пор нет экономики. Экономический рост есть, а экономики нет. Путин, по сути, национализировал монопольные инструменты продажи природных ресурсов, которые были в руках олигархов. Это плюс. Но полученные средства не были вложены по-настоящему в создание модернизированной конкурентоспособной экономики. Промышленность как была разрушена в 90-е, так и не поднялась. Чуть лучше обстоит дело в Оборонно-промышленном комплексе, но и здесь сплошь и рядом патриотический пиар прикрывает собой хроническое недофинансирование разработок в прорывных технологиях. *Вообще говоря, не может существовать экономического развития только в одной отдельно взятой отрасли* — оборонной, без развития высоких технологий в общей структуре промышленности, реальных успехов только в военной сфере достичь невозможно.

Путин много раз говорил о необходимости наукоградов и центров развития новых технологий, но ничего конкретного, кроме пошива Юдашкиным гламурной военной формы на основе наночастиц, в которой солдаты заболевают пневмонией целыми частями, сделано не было. Даже «Сколково», с которым четыре года носился Медведев, так толком и не начали строить, с опережением, однако, освоив бюджеты.

Отсутствие социальной политики и раскол элит

С патриотической точки зрения, приверженность Путина либеральной экономической теории всегда была его существенным минусом. Все восемь лет экономической блок правительства возглавляли ультралибералы Греф, Кудрин, сейчас Набиуллина. Либерализм есть антитеза социальной ориентации, и поэтому для удовлетворения социальных ожиданий были придуманы «национальные проекты», задуманные как пиар-сопровождение преемника. «Национальные проекты» полезны, результаты их реализации весьма спорны, но никакой внятной социальной стратегии — кроме популистских лозунгов и отдельных полезных, но несистематических шагов — нет. Взять хотя бы монетизацию льгот или Зурабова, который после отставки, о которой восемь лет слезно молила вся страна, был все же назначен «советником президента» и послан на Украину.

Отсутствие национальной идеологии и расцвет коррупции автоматически порождают *раскол элит на враждующие кланы*. Эти кланы — в отличие от ельцинского периода — ведут между собой олигархические войны за те или иные лакомые куски собственности — без использования политических и медийных ресурсов (парламент и СМИ жестко

контролирует Кремль), но в остальном эти противоречия ничуть не сгладились. Несколько сменился состав игроков — кто-то был вытеснен, кто-то устранен. Появились новые силовые «патриотические» полуолигархи, но многие остались и с ельцинских времен. И они по-прежнему бьются друг с другом не на жизнь, а на смерть за шкурные интересы.

Авторитет Путина они признавали по факту, но что будет с этим авторитетом дальше, сказать сложно — олигархи (и старые и новые) слишком жесткие и алчные люди, чтобы действовать на основании моральных принципов. Стоит только Путину ослабеть, и передача карт и перераспределение зон влияний начнется немедленно.

Слабость России в международной политике

Трезвый анализ действий Путина в международной сфере показывает, что при всей силовой риторике *Путину не удалось решить в пользу России ни одного реально значимого геополитического вопроса* (кроме Сочинской олимпиады, и чемпионата по футболу, но это чистый пиар). На постсоветском пространстве Россия, несмотря на все усилия, провалила все, что могла. Антироссийский проамериканский режим в Грузии только укрепился. «Оранжевая революция» на Украине победила и подмяла под себя «партию Востока» (которая в свою очередь неоднократно предавала поддерживающую ее Москву) настолько, что ее теперь несильно отличишь от самих «оранжевых». Союзное государство с Белоруссией так и осталось бы на бумаге, если бы не новая инициатива по созданию Евразийского союза, которая пока является только декларацией.

Несмотря на протесты Москвы и альтернативные предложения, американские объекты, включая элементы ПРО, размещены в Польше, Чехии, Болгарии и Румынии. В Европе победили атлантисты (Саркози и Меркель). Независимость Косова американцы и европейцы признали, а наши протесты в ООН проигнорировали. Ливию разбомбили. Одним словом, *никакого результативного сопротивления конкретным шагам по установлению однополярного мира Россия оказать не смогла*. Энергетический потенциал России, которым Москва в последнее время так кичится, это, конечно, реальность, но в современной мировой экономике *финансовые и технологические области значат гораздо больше, нежели природные ресурсы*, поставляемые, как правило, странами «третьего мира». Да и в этой области начались проблемы — обыски в европейских филиалах «Газпрома» явно нельзя назвать дружественным жестом со стороны «благодарных потребителей» голубого топлива.

Картина роста российского влияния рождается из внутренней пропаганды, идущей навстречу психологическим потребностям россиян и из завышенной (столь же пропагандистской) оценки «русской угрозы» со стороны военных кругов США, оправдывающих таким образом повышение отчислений в военный бюджет. ООН все яснее доказывает свою бесполезность, и все усилия России призвать страны мира считаться с моралью в международных вопросах, оказываются пустым звуком. *Большая политика делается с опорой на главный инструмент — силу и волю*, а вот этих свойств России даже при Путине патологически не хватало, не говоря о последних четырех годах. В реальности в международных делах Россия, увы, мало на что влияет.

Перечисленные выше пункты отражают критические замечания *со стороны патриот-консерватора*. Совершенно очевидно, что либералы-западники выдвинут совершенно иные — прямо противоположные сплошь и рядом — упреки, хотя кое в чем оценки могут и совпадать — отсутствие экономики и рост коррупции критикуют и они. Наличие

«авторитарных тенденций», «симуляцию демократических процедур», «ограничение свободы слова», «избирательные репрессии против некоторых представителей крупного частного бизнеса» и «бюрократическое рейдерство», «таинственная смерть Литвиненко» (и других фигурантов) и «испорченные отношения с Западом» — одним словом, классический набор либеральной критики, мы напротив, считаем (без всякой иронии) достоинствами и достижениями путинского правления и позитивными результатами искоренения «проклятых 90-х». Но и без либеральных аргументов непредвзятый обзор того состояния, в котором Путин возвращается на свой пост, дает *довольно мрачную картину*. Эта картина не затмевает шесть подвигов и остановку падения Россию в бездну. Она не перечеркивает Путина и не ведет автоматически к его осуждению. Но она выносит *радикальный приговор тем силам, которые всерьез считают, что в стране «все в порядке» и «сохранение статус-кво» является единственной и главной задачей*.

Если вспомнить, откуда мы пришли к такому «статус-кво», его в целом можно оценить позитивно. Понятно, почему все так плохо, поскольку было еще хуже, а могло быть гораздо хуже — могло бы вообще ничего не быть (Ельцин с командой чуть было не похоронил Россию). Но в то же время рассматривать данное положение дел как «решительный успех» не просто самонадеянно — это *преступно*, и биться за «статус-кво» значит сознательно защищать уродство, болезнь и неумолимое приближение скорого конца.

Обреченный преемник: обнуление соглашений и новый курс консерваторов

Теперь о Медведеве. Скажем честно, когда он был обозначен Путиным в качестве преемника, никто не знал, кто это такой. Возможно, на тот момент он сам еще с этим не определился. Внешне он был похож на либерала-западника, питерский «юрист». У некоторых возникало подозрение, что у него есть жесткая властная жилка, которая еще даст о себе знать. Как бы то ни было, это был самый настоящий «кот в мешке». Его выбрали потому, что так повелел Путин. А Путин мог повелеть все, что угодно. Тот, кто совершил шесть подвигов и остановил страну над бездной, мог повелеть многое. Он повелел Медведева. Народ внял.

Но Путин передал Медведеву не роскошный отлаженный беспроблемный механизм, а адскую и не работающую как следует машину, о предназначении и даже названии некоторых узлов и механизмов которой можно было только догадываться. *Медведеву была вручена страна над бездной*. Пока тот работал «под сенью Путина в цвету», ему могло казаться, что проблемы, конечно, есть, но «все идет по плану». Но очень быстро ему пришлось столкнуться с жесткой реальностью — американцы называют это *reality check*. Медведев выглядел как сторонник «статус-кво». Не исключая, что именно поэтому на нем и остановился выбор. Но и сам Путин попал на высоты власти почти случайно, а оказался именно тем, что надо было России на данном этапе. Редко когда везет дважды. Но иногда везет.

Ничто в Медведеве не предвещало нам хорошего. Тем более что сразу же возникло впечатление, что он совершенно недооценивает серьезности ситуации, в которой находится Россия. На нас наступают, а мы по-прежнему слабы и растеряны. Нам необходима мобилизация. Нам необходимы воля, ум, решительность и жесткость верховной власти. Понимал ли это «юрист»? Готов ли он был к этому? Август 2008-го показал, что вроде готов.

Но теперь самый главный вопрос: *а сам-то Путин, выбравший столь сложный и запутанный сценарий продолжения своего курса, понимает остроту ситуации и серьезность назревшего в стране кризиса?* Кто же он все-таки на самом деле, этот мистер Путин? И здесь неопределенность... Почти как и все восемь лет его первого цикла. Истинный разведчик не должен быть расшифрован никогда.

Такая неопределенность заставила консервативно-патриотический лагерь, существующий сегодня не столько в форме структурированных политических образований, сколько в качестве неформальной общности людей, сердечно солидарных с русским народом и ходом русской истории, *переосмыслить* и, возможно, *перестроить свои позиции*. Того Путина, который на своем месте проводил в жизнь шесть подвигов, *больше нет*. Когда власть раздвоилась, даже минимальная ясность пропала. Все перекрестные обязательства друг перед другом обнулены, все начинается заново. Руководство России может свободно действовать как во благо, так и во зло русским интересам. Но и народ свободен от обязательств перед Путиным. Проголосовав за «старые заслуги», за Путина (в лице преемника), *он сделал это в последний раз*. Лимит на позитивное сравнение путинского настоящего с ельцинским прошлым *исчерпан*. Проклятые 90-е скрылись за горизонтом. И очевидно, что вот-вот в глаза начнут бросаться только сегодняшние недостатки. Отдуваться за которые пришлось Медведеву (а путинской индульгенции за шесть подвигов у него не было). В чем-то ему не позавидуешь...

Кроме того, от определенных обязательств перед Путиным свободны и консерваторы-патриоты. Наш альянс был бы продлен автоматически и без всяких условий в случае третьего срока или даже назначения пожилого рыболова Зубкова или бодрого вояки Сергея Иванова. В случае кандидатуры Якунина мы бы уже въехали в Крым или Тбилиси на танке. Медведевым Путин решил испытать нас на прочность. Но поставил на кон самого себя (не говоря уже о Медведеве). Очень рискованная ставка, Владимир Владимирович. Ведь теперь поддержку патриотических и социально ориентированных масс, и нас, выразителей чаяний большого народа, придется завоевывать заново. В очень непростых условиях.

Народу остается только ждать. А поскольку для активного народного меньшинства это невыносимо, то мы должны всерьез заняться *разработкой самостоятельного плана* — как реализовать остальные шесть «подвигов Геракла», но уже без Путина, помимо Путина, и не исключено, что вопреки Путину (раз он фатально споткнулся на седьмом). Медведев же сам пусть определяется с политической философией, в зависимости от его личного выбора, мы с ним и будем поступать.

Понятно, что начинать надо почти с нуля, но политические циклы в России так часто начинались с нуля, а реальной преемственности мы почти никогда не видели, так что этого бояться не стоит. Нет ничего более эфемерного, чем «стабильность» и «устойчивость», особенно в нашем случае, тем более — с такой элитой, которую мы имеем на сегодняшний день. Так что не стоит заведомо исключать никакого сценария. Если этого потребует Россия, народ и наша священная история, мы должны быть готовы и к революции. К Консервативной Революции, само собой разумеется.

Кризис репрезентации

Неадекватность правящей элиты, отсутствие направляющей идеологии, неопределенность и противоречивость стратегии — все это лишает российскую власть и ее персональных представителей легитимности и в очередной раз подводит Россию к самой последней черте. Основная проблема современной России заключается в растущем несоответствии между реальным состоянием общества и представлением о нем политических элит. В народе царит неуверенность, элиты излучают «стабильность». Народ возмущен тотальной коррупцией, элиты от этой коррупции только жиреют, увеличивая и без того огромный экономический разрыв между бедными и богатыми. Революционная ситуация в чистом виде...

Межэтнические противоречия и неконтролируемая миграция достигли критической точки, а власть продолжает уповать на гражданское общество, толерантность и мультикультурализм (уже отвергаемый Европой). Народ боготворит Сталина, грезит о великой России и социальной справедливости, власть запускает процесс «десталинизации», исповедует либерализм и принцип «каждый за себя», ставя себе в заслугу сближение с США и странами НАТО. Элита сетует на то, что ей «не повезло с народом», что «нынешний человеческий материал очень плох»^[23]. Народ отвечает элите взаимностью. Отчуждение нарастает.

Государство для россиян традиционно является высшей ценностью, и без его укрепления никакие права и свободы отдельных граждан не будут иметь политического и социального смысла. На этом постулате основывались понятия «управляемой», «суверенной» демократии, которые предполагали, что западные демократические стандарты подчинены укреплению суверенитета. Компенсацией за «отложенную демократию» (*suspended democracy*) должны быть конкретные и зримые успехи в державостроительстве. Но укрепление государства, под эгидой которого проходили политические реформы начала 2000-х годов, было свернуто. Сегодня «откладывание демократии» не обосновано ничем вообще. И это порождает разочарование в существующем политическом курсе не только у радикальных либералов-западников (которым всегда мало демократии), но и у патриотов-государственников.

Нарастающий дефицит

Мы переживаем сегодня кризис легитимности политической власти. Напомню: легитимность — это неформальное одобрение большинством народа того курса, которого придерживается власть. Легитимность выражает общее состояние общества и суммарное мнение большинства. Легальность есть соответствие политического режима установленным правовым нормам. В поздний период политический режим в СССР был вполне легальным, но все менее легитимным. Режим Ельцина, которому для укрепления своих позиций пришлось расстрелять парламент, не стал по-настоящему легитимным. Страной правили олигархи, межэтнические и межрелигиозные противоречия раздирали Кавказ, мы почти потеряли Чечню. Владимир Путин спас Россию как государство, укрепил ее суверенитет. Именно это делает оба срока его президентства и легальными, и легитимными. В 2008 году Путин вложил капитал своей легитимности в выборы Дмитрия Медведева. С этого момента

ситуация с легитимностью российской политической власти начинает постепенно меняться.

В августе 2008 года Президент Медведев в критической ситуации нападения Саакашвили на Цхинвал поступил решительно и мужественно, предотвратив геноцид осетин, отстояв и интересы России, несмотря на давление Запада и внутренней сети агентов его влияния. Тем самым новый президент укрепил патриотическую легитимность путинского курса. Но это событие, к сожалению, оказалось лишь эпизодом. В остальных вопросах Медведев придерживался либерального направления. Он окружил себя советниками и экспертами западной ориентации, непопулярными олигархами, стал сближаться с США и Обамой, донельзя обострил отношения с Белоруссией. Провозглашенная им модернизация предполагала слом российской идентичности и копирование западных социальных стандартов. Национальные проекты, которыми он занимался до своего президентства, постепенно сошли на «нет». Совершенно неуместным оказался и курс «десталинизации», тогда как воспоминания о советском периоде, о социальной защищенности, промышленном рывке и международных успехах СССР в широких массах, напротив, приобрели статус ностальгического идеала (в сравнении с несправедливостью, имущественным расслоением и культурным измельчением постсоветской эпохи). Крайние либералы, однако, не признали в Медведеве «своего», считая его слишком зависимой от Путина фигурой. Так, начиная с 2008 года начал расширяться зазор между элитой и массами, между властью и народом.

Конечно, предпосылки для этого были созданы еще в период президентства Путина, который не завершил чистку олигархов, не придал своему патриотическому курсу стройного идеологического оформления, не привел соответствующих масштабу исторических задач людей во власть. Медведев стал в определенной мере заложником этих незаконченных процессов. Но вместо того чтобы доделать за предшественника то, что было бы действительно легитимным и востребованным, он взял совершенно иной курс. Открытие гигантского монумента Ельцину в Екатеринбурге и более скромного памятника Егору Гайдару в Москве снова символически возвращают нас в атмосферу 90-х, в период, который был полностью нелегитимен. Любое напоминание о 90-х, да еще и попытка их реабилитации напрямую затрагивают патогенное ядро широких масс.

Парадоксы модернизации

Модернизация — конек Президента Медведева. Если принять за аксиому, что Россия должна двигаться по пути Запада (хотя это в высшей степени спорный тезис), то мы исторически стоим сегодня перед необходимостью создания буржуазной нации. Нации в Европе возникли в Новое время вместе с буржуазными реформами и приходом к власти третьего сословия. Нация неразрывно связана с капитализмом, индустриализацией и отказом от коллективистского традиционного самосознания. Нация основана на принципе индивидуального гражданства. При этом, как показывают такие авторы, как Эрнест Геллнер и Бенедикт Андерсон, нации создаются искусственно, и национализм служит для этого основным инструментом.

Россия же все еще в значительной степени представляет собой именно традиционное общество с архаическим и коллективистским самосознанием, несмотря на формальные признаки общества индустриального. Если двигаться в том же направлении, в каком развивались западноевропейские страны, то самое время строить в России буржуазную

нацию со всеми ее атрибутами — гражданской индивидуальной идентичностью, формированием ответственного и эгоистического «человека экономического» (*homo economicus*), а также с необходимым искоренением и нивелировкой самобытных этнических культур. Такая буржуазная нация могла бы называться российской нацией, а инструментом ее создания должен выступать российский национализм. А поскольку европейские нации просуществовали несколько веков, прежде чем европейцы стали переходить к модели гражданского общества, то следует предположить, что и у российской нации впереди длительный (как минимум столетний) период аналогичного становления. При этом — по аналогии с европейскими нациями — именно национализм должен был бы стать основной направляющей идеологией. Поэтому модернизация в наших исторических условиях может означать только одно: строительство буржуазной российской нации с опорой на российский национализм.

Но здесь мы сталкиваемся с противоречием. Западные страны стараются преодолеть свои национальные границы и создать гражданское общество. Именно поэтому национализм в самых разных формах сегодня подлежит искоренению и демонтажу, он свое отслужил. Получается, что у нас совершенно разные исторические фазы: мы стоим у истоков строительства буржуазной нации, а Запад переходит к следующей социальной модели — к гражданскому обществу. Здесь возникает «большевистский» соблазн форсировать исторический процесс и перепрыгнуть через логически необходимую ступень развития общества. Именно в этот соблазн и впал Дмитрий Медведев со своей версией модернизации: он пытается сразу перейти к гражданскому обществу, минуя стадию нации. В результате — гарантированный провал модернизации, кризис репрезентации (элиты мыслят общество не таким, каким оно является в реальности) и, соответственно, делегитимация политического курса власти и его персональных представителей.

Конечно, модернизация и создание буржуазной нации — не единственный путь развития; теоретически можно было бы остановиться и на традиционном обществе, то есть на чисто консервативном проекте. Но коль скоро взят курс на модернизацию, то национализм неизбежен. Но именно национализм вызывает наибольшее отторжение у Медведева и его окружения, равно как и фигура Сталина, который осуществил решающий (хотя и насильственный) шаг в индустриализации России. И, наконец, любая модернизация в России всегда проходила сверху и принудительно, ломая сопротивление масс. Национализм, сталинизм и авторитаризм — три ориентира российской модернизации на данном историческом этапе. И все три оказались категорически неприемлемы для Медведева. В такой ситуации модернизация останется пустым звуком.

Тандем и выборы

Вопрос о том, кто станет следующим Президентом России в 2012 году, с технической точки зрения решается довольно просто: президентом станет тот, кого выдвинет тандем Медведев — Путин. Но если проследить динамику утраты легитимности в период правления Медведева, не доведенные до конца державостроительные реформы Путина, а также концептуальные тупики российской модернизации, то получался удручающий прогноз: при любом выборном раскладе легитимность будущего президента России окажется под вопросом.

Общий тренд эволюции политической системы современной России сопряжен с

формулой Путина, которую можно обозначить как «патриотизм + либерализм». Патриотизм — для масс, либерализм — для элит, строгое поддержание баланса между ними. При этом именно массы являются носителем легитимности, так как они, а не элиты являются электоратом и создают общественный фон и доминирующий социальный контекст. Путин, видимо, интуитивно учитывал это обстоятельство и в ключевые моменты своего президентства обращался к массам, подтверждая через них свою легитимность. В рамках своей формулы он поддерживал имидж «патриота», а поэтому воспринимался как «народный» президент.

Медведев же, оставаясь в рамках той же формулы, явно тяготеет к либеральному полюсу. И именно это обстоятельство существенно снижает уровень его легитимности. Но в рамках тандема делегитимация политической власти существенно затронула и самого Путина. Ведь все острые и неприятные вопросы, которые могут возникнуть у масс к Медведеву, адресуются не к нему лично, а через его голову к Путину. Выборы Президента в 2012 году при таких обстоятельствах представляют собой существенную проблему — не технологическую, а содержательную. Если Путин возвратится, то, несмотря на вероятное чувство облегчения у значительной части населения, всеобщим праздником это не станет. Путин несет полную ответственность за происходящее в стране сегодня, и все вопросы, претензии, фрустрации и обманутые ожидания, накопленные за этот период, будут обращены к нему. Это потребует с его стороны радикальных мер, резких решений, отчетливой стратегии и внятной идеологии. А этого-то как раз по каким-то причинам Путин всячески старался последнее время избегать. Попытка же продолжить на следующем этапе президентства модернизацию в западнически-либеральном ключе, игнорируя и русскую самобытность, и историческую логику последовательности модернизационных фаз, может действительно привести к катастрофе в духе ельцинско-горбачевского сценария. При этом весь накопленный негатив, который почти равномерно распределялся между фигурами тандема, обрушится на голову Путина. По легитимности, накопленной Путиным и уже существенно подрастроченной на сегодняшний момент, это нанесет еще один, возможно, непоправимый удар.

Неотложенная демократия

Складывается впечатление, что Россия сбилась с курса, что она идет куда-то совершенно не туда или вообще стоит на месте. И дело не в личности будущего президента. Кризис репрезентации, блокировка обратной связи элиты и общества, путаница в определении момента исторического развития, неадекватность правящей элиты, отсутствие направляющей идеологии, неопределенность и противоречивость стратегии. Это не просто техническая ошибка или серия неудач. Дело куда серьезнее. В очередной раз мы приближаемся к решающей черте. Впереди нас ждут испытания, и к ним надо быть готовым.

Российская политика на пороге системного сбоя — страну в очередной раз ждут серьезные испытания, но далеко не все к ним готовы. Мы стоим на пороге нового исторического цикла. Необходима альтернатива существующему положению вещей. Это значит, что нам нужна внятная идеология, другая элита, четкий стратегический курс, корректная репрезентация общества. Нам нужна по-настоящему легитимная власть. Может быть, странно слышать это из уст убежденного консерватора, но я все больше прихожу к выводу, что сегодня нам необходима демократия не «отложенная» и не «подвешенная», а

самая настоящая, та демократия, которая определяется как «соучастие народа в своей собственной судьбе».

Конец политического цикла. За пределами серого полюса

Создается впечатление, что вместе с 2011 годом заканчивается определенный цикл в российской политике. Это ощущают и осознают очень и очень многие. Причем цикл не второстепенный и локальный, а очень долгий. Хотя власть делает вид, что все по-прежнему, как ни в чем не бывало, это уже никого не убеждает, ни на кого не производит впечатления, не действует, одним словом. Все четыре года медведевского президентства мы к этому шли, свою долю в это ощущение конца цикла внесли и невиданные летние пожары, и отставка Лужкова, и скандал с Лукашенко, и СНВ-3, и теракты в метро, события на Манежной площади, взрыв в «Домодедово». Но ничто из этих событий по отдельности не было решающим. Все это — лишь симптомы качественных изменений в политической системе, которые невозможно далее не замечать. Попробуем окинуть взглядом, в чем эти перемены состоят.

Заря в сапогах и легитимность Путина

Начать придется издалека, с появления Путина у власти. Власть Ельцина в 90-е годы была политически нелегитимной. Он и его окружение делали то, что не поддерживалось большинством населения (либеральные реформы, шоковая терапия и т. д.). Это было диктатурой либеральной прозападной элиты, олигархов, «семьи», очень узкой правительственной верхушки. Народ это в целом не одобрял, но на бунт был не способен. Страна, тем не менее, стояла на грани распада. Путин, которого вначале продавили в президентство пиар-средствами с использованием мощного административного ресурса, оказался, вопреки всему, именно тем, кого все ждали. По сравнению с Ельциным это был настоящий подарок. Путин сделал ряд важнейших шагов навстречу народу — предотвратил распад России, провел победоносную вторую чеченскую кампанию, укрепил вертикаль власти, изгнал или посадил самых одиозных олигархов, стал говорить с Западом в более резких тонах, вернул гимн, вышвырнул из политики ультралибералов, ввел федеральные округа, дал зеленый свет интеграции постсоветского пространства, отнял у олигархов оппозиционные каналы, настоял на изъятии понятия «суверенитет» в республиканских законодательствах субъектов РФ, укрепил позиции силовиков во власти, добился назначения губернаторов. Все это, и особенно сравнение с Ельциным, сделало Путина в начале 2000-х годов легитимным. Он нашел пропорцию между тем, чтобы частично соответствовать и прозападным олигархическим элитам 90-х (в их умеренном секторе), и частично народным массам, чающим великой державы, сильной руки и порядка. Движение в сторону народа было очевидным: после чисто антинародного и компрадорского ельцинского курса это воспринималось очень живо. Так сложился феномен рейтинга Путина. Путин удовлетворял большинство. Это был, конечно, компромисс, но компромисс, соответствующий требованиям политического момента.

Против Путина на первом этапе оказались лишь представители крайне либеральных и прозападных сил («несогласные»), финансируемые США и беглыми олигархами. Это задавало политическую парадигму нулевых годов. В сравнении с ельцинским курсом Путин сделал вираж на 90 градусов. Не на 180, а именно на 90. Он не повернул в другом направлении, он остановил процесс, заморозил его.

Парадигма Путина и ее фазы

Данная парадигма действовала в течение 10 лет. Сегодня именно она ставится под вопрос. Есть большая вероятность, что она либо вот-вот развалится, либо на ее место придет нечто иное, либо продлится еще какое-то время, но в уже ослабленном и неэффективном виде.

10 лет путинской модели были не равнозначны. В них можно выделить все признаки политического цикла: подъем, стабилизация и распад. Первые два года Путин закладывал основы своего курса, демонтируя ельцинскую систему: укрепляя государство, борясь с олигархатом, устанавливая политический контроль над крупным частным бизнесом, СМИ, партиями и т. д. Он менял принципы действия политической системы, усиливая авторитарную составляющую (и без того достаточно сильную уже при Ельцине) и сосредотачивая в своих руках все больше рычагов политической и экономической власти.

Это вызывало недовольство в политической элите, но в целом благожелательно поддерживалось массами (в том числе и потому, что не затрагивало их интересов напрямую). Пик этой фазы приходится на осень-2003, ознаменованную посадкой Михаила Ходорковского и началом дела ЮКОСа. Олигархи, загнанные на площадку РСПП, вздрогнули, гадая, кто следующий. Это был момент исторического решения: Путин мог как продолжить данный курс в том же направлении, так и остановить его, удовлетворившись достигнутым. Теперь мы знаем, что он принял решение удовлетвориться тем, что было. Следовательно, можно считать данную точку, 2003–2004 годы, апогеем путинского курса, который пришелся строго на половину его двухтактного президентства.

Стагнация и распад

Далее началась путинская стагнация. Политический курс полностью подстроился под сохранение статус-кво, перешел в чисто «консервативную» фазу. Путин не возвращался к ельцинскому периоду, но и не продолжал идти в намеченном вначале им же самим направлении. Все процессы затормозились. Путинское окружение попыталось зафиксировать статус-кво в политических программах — «суверенная демократия», «стратегия 2020», «путинский курс» и т. д. Все эти «названия» имели один только смысл: «остановись, мгновенье» («ты терпимо» — не «прекрасно», а именно «терпимо» и «могло бы быть намного хуже»). На самом деле, как сейчас видно, это было началом заката Путина.

Последним аккордом стали выборы 2008 года. Путин еще мог бы взять разбег для взлета, для возврата к своему раннему курсу и укрепить свою легитимность в массах (ослабив ее параллельно в элитах и на Западе), если бы остался на третий срок. Он стал бы «русским Лукашенко», которого любили бы массы, боялись элиты и ненавидел Запад. Или как минимум назначил бы преемником кого-то, в целом похожего на себя и продолжающего его курс. Но он предпочел поступить иначе и делегировал в преемники Дмитрия Медведева. Это означало конец.

Медведев своим политическим имиджем был задуман как шаг в сторону либерализма, Запада, олигархии. Чтобы яснее это акцентировать, он еще до президентства спешно становится главой попечительского совета ИНСОРа, созданного на базе «профсоюза олигархов», РСПП и возглавляемого «спикером олигархата» ультралибералом и западником Игорем Юргенсом. Совершенно очевидно, что Путин решил разыграть четыре года — 2008–

2012 — как этап «сближения с Западом» (реального или мнимого) и как «возврат в 90-е» (частичный или полный). В целом это означало добровольную ликвидацию путинского курса (с подачи его же самого). От сохранения «статус-кво» и «суверенной демократии» перешли к «модернизации» и «демократизации».

Почти три года, с 2008-го по конец 2010 года, ушло на разминку и решение технических вопросов, а к концу 2010 стало понятно: путинский цикл завершен. До какого-то момента шаги Медведева в сторону Запада были еще обратимыми, их можно было принять за «имитацию», «для отвода глаз»; тем более, что в самом начале его президентства, в 2008 году, Россия решительно вступила в Грузию и показала свои геополитические амбиции вполне в «путинском» ключе. Но отказ от поставок С-300 Ирану (важнейшему стратегическому партнеру России), поддержка санкций против него, и особенно подписание договора СНВ-3 (наносящего необратимый ущерб системе российской обороны) — показали, что дело приобретает серьезный оборот, и горбачевско-ельцинская линия в отношениях с США повторяется.

Три России: серое, оранжевое, черное

С этим мы и приходим в 2011 год. Путинский цикл завершается, на наших глазах вырисовывается новая политическая модель. Что это за новая модель? И снова для ее понимания необходимо сделать небольшой политологический экскурс. В современной России есть три политологические зоны, которые можно условно назвать — «Россия-1», «Россия-2» и «Россия-3». «Россия-1» представляет собой модель сохранения путинского компромисса, продолжение балансирования между элитами и массами, между Западом и национальными интересами, между консерватизмом и модернизацией. «Россия-1» — это широко понятый «путинизм», центрированный строго между двумя другими стратегическими проектами. Можно символически назвать это серым полюсом.

«Россия-2» — это чистое западничество, либерализм, реформатство в ельцинском духе. К этому полюсу склоняют политические ставленники США в России, беглые олигархи и «непримиримая оппозиция» («несогласные»). Здесь акцент падает на модернизацию, демократизацию, сближение с Западом, глобализацию и демонтаж путинской вертикали. Большинство российской экономической и политической элиты, сформировавшейся в ельцинский период, сочувствует такому подходу или даже активно его поддерживает. В кристально ясной форме «Россия-2» представлена потоком вещания радиостанции «Эхо Москвы». Это — оранжевый полюс.

«Россия-3» — гораздо менее оформленная идеологически и организационно позиция народных масс России, тяготеющих к порядку, сильной державе, социальной защите (социализму), национализму и патриотизму, болезненно воспринимающих вестернизацию российского общества. Здесь огромная социальная база, но практически нет политического представительства. Эта позиция дает о себе знать в партии «Родина», «Русских маршах», газете «Завтра» или в собрании футбольных фанатов на Манежной площади. Это — черный полюс.

При Путине в политической системе доминировала «Россия-1», равноудаленная как от оранжевого, так и от черного полюсов, расположенная строго между ними. Партия «Единая Россия», прокремлевские молодежные движения, модерирование информационной сферы, экспертный пул, то есть вся область внутренней политики России, курируемой Кремлем,

относилась к зоне «России-1». Появление тандема в 2008 году привело к расслоению серого полюса. Медведев явно занял позицию между серым и оранжевым, хотя до сих пор он явно не пересекал черты в этом направлении — не освободил Ходорковского, не санкционировал создания новой либеральной партии, не открыл свободный доступ к федеральным СМИ «несогласным». Однако постепенное усиление Медведева однозначно вело именно к этому. Его путь — от серого к оранжевому, и остается только гадать, до какой точки он дойдет на этом пути. Горизонт этого курса легко предвидеть: территориальный распад России, обострение гражданского конфликта, либеральный реванш, резкое падение значения России в международной сфере, то есть настоящий возврат в 90-е.

А что же Путин? Путин выдерживает паузу. Было бы логично, если бы он сдвинулся в сторону черного полюса, куда его «заталкивают» как американские политологи, так и последние сохранившие ему лояльность патриоты. От Путина все ожидают, что, симметрично Медведеву, он обозначит свой курс в зоне «России-3». Но как раз этого-то и не происходит. Путин не двигается в этом направлении, а занимает именно то место, которое он занимал и ранее — в середине серой зоны. Так получается перекося даже по отношению к компромиссной модели первого путинского президентского цикла.

Время ушло. Усиление флангов и ослабление центра

Самое важное заключается в том, что по состоянию дел на начало 2012 года у Путина больше не будет времени и политического пространства, чтобы успеть сделать новый патриотический жест, который он откладывает все последние годы. Не оппонировав Медведеву, он сам демонтирует свою харизму и свою легитимность. Вот это непоправимо. Система смещается в сторону оранжевой зоны. И даже несмотря на то, что Путин стал единственным кандидатом от власти в 2012 году, многие моменты уже безвозвратно упущены. Путин придет именно как носитель серой зоны, а это на новом этапе уже никого не будет удовлетворять — ни «оранжевых» (само собой), ни «черных». А это значит, что, попытавшись повторить второй раз то, что ему удалось в нулевые, Путин столкнется с серьезной проблемой — контекст изменился, а формы его политического мышления остались прежними. То есть у него ничего не получится. Именно поэтому путинский цикл завершается сегодня, независимо от того, вступит ли Путин в игру с «оранжевеющим» Медведевым или не вступит. Путин упустил время.

На наших глазах в 2011 году начался процесс дезагрегации существующей политической системы России: зона серого полюса стала неуклонно сужаться, а «оранжевые» и «черные» («Россия-2» и «Россия-3») — набирали силу. «Россия-2» всерьез начала подыгрывать Медведеву, связывая с ним свой собственный автономный политический курс. По мере приближения к 2012-му возрастала поддержка этого сегмента и со стороны Запада. Все шло к созданию единого модеризирующего центра, который будет синхронизировать деятельность радикальной оппозиции («несогласных») и либеральных кругов в российской власти. Такие фигуры, как Юргенс, Волошин, Павловский, Гонтмахер, Чубайс, Будберг и т. д., вполне подходят для этого.

«России-3» некому подыгрывать — «серые» продолжают ее давить, раскалывать, пытаются приручить и ослабить. Власть насоздавала многочисленные симулякры, управляемые из Кремля. Но значение «России-3» (как источника политической легитимации) лишь неуклонно нарастает. Пока трудно сказать, в какие организационные

формы это выльется. Существующие политические партии, которые могли бы претендовать на эту область — КПРФ и ЛДПР, парализованы изнутри и большой роли в этом процессе играть не будут (их руководство интегрировано в серую зону и зависит от нее напрямую). Создания новых действенных патриотических движений власть не допустит. На сегодняшний день организационного потенциала и внятных лидеров в этой области нет.

Черный полюс растерян, рассеян и далек от какой бы то ни было консолидации. Лучше всего ему пока удаются не спланированные инициативы, а спонтанные акции протеста (наподобие выступления на Манежной площади), флэшмобы, систематический саботаж властного дискурса не только через прямое сопротивление, но и через безразличие, пассивность, подчеркнутое отсутствие энтузиазма в отношении чего бы то ни было. Как только дело доходит до полноценной политики, представители этого сектора проигрывают технологиям «серых» (использующих наряду с прямой силой подкуп, обман, медийные кампании, широкий ассортимент психологических методов воздействия, замалчивание, очернение и т. д.). Кроме того, здесь нет и внешней поддержки. Лишь для раскочки ситуации (и то весьма ограниченно) отдельные секторы черной зоны могут быть включены в общую структуру «несогласных», но только под кураторством «оранжевых» и под их строгим надзором (эту функцию для некоторых националистов выполняет политолог Станислав Белковский). И, тем не менее, удельный вес этих настроений в обществе будет неуклонно возрастать, что станет в определенный момент важнейшим, а может быть, и решающим фактором. Колоссальный электоральный успех партии «Родина» в 2003 году — это яркий пример.

Конец цикла

Сегодня мы должны трезво взглянуть на вещи. Теперь уже даже раскол тандема не может стать по-настоящему политическим событием и оживить политические процессы. Если Путин вернется в 2012-м, и даже если это произойдет на оппозиции с медведевской либерализацией и «новой горбачевщиной», это не будет решением. Ситуацию, с которой мы имеем дело сегодня, создал сам Путин своими собственными руками. Даже если это всего лишь «бой с тенью», и это не делает ему чести. А если же он пошел на то, чтобы на самом деле свернуть курс своих ранних начинаний и вернуться к политике 90-х (через своего преемника), то тем более. У этого уже вообще приличных наименований не остается. Поэтому сама логика событий заставляет оторвать замороженный взгляд от тандема и обслуживающей его конъюнктурной шушеры и посмотреть в другую сторону: на народ, на историю, на общество, на логику основных тенденций в мировых процессах, в геополитике, этносоциологии, трансформациях идентичности, на постмодерн и глобальный масштаб всечеловеческого кризиса (не только экономического, но ценностного, культурного, антропологического).

Россия — часть мира, и с этим миром все очень неладно. Неудивительно, что неладно и в нашем Отечестве. Это скорее естественно. Надо расширить масштаб мышления. У некоторых проблем не бывает простых решений, потому что сами эти проблемы сложны по своей природе. Технический сбой можно исправить техническими же средствами. Исторические проблемы так не решаются. Это не означает ухода от политики. От политики вообще нельзя уйти: если мы принимаем решение «не заниматься политикой», значит, мы добровольно передаем себя в рабство (отказываясь от политического бытия, мы передаем

власть над собой первому встречному, тому, кто в отличие от нас не отказывается от политики). Но политику следует искать сейчас в других областях.

Доминанция серой зоны исчерпала свой ресурс. Надо смотреть за ее пределы. Серая зона трещит по швам. Это необратимо. Россия переживает конец путинского цикла: даже возвращение Путина теперь автоматически ничего не решит — это будет уже не ответ, а новый вопрос. Надо напрягать историческое воображение. Старая сказка больше не вдохновляет.

«Россия-3»: русское раздвоение

Теперь подробнее о той трехчастной модели расклада политико-идеологических сил в России, которую мы затронули выше. Ее можно представить в виде следующей схемы: с одной стороны, перед нами «Россия-1», Россия Путина, «вертикали власти», специфической помеси «семейных» с «питерскими», «русского патриотизма» с «гайдаровской экономикой», православных банкиров с неправославными олигархами. Она вмещает в себя как мюнхенскую речь, так и Медведева с его ИНСОРОм, соучастии в убийстве Каддафи и картавыми уродцами из Сколково. Путин или кремлевский дуэт (называемый противниками «кремлевскими гномами»), если считать совсем уже нелепого Дмитрия Анатольевича, ее символ. Практикой «России-1», ее конкретным воплощением в жизнь заведует серый кардинал Кремля Владислав Сурков. Он чисто конкретный архитектор ее политико-идеологической структуры, ответственный за выхолащивание смысла как у либералов, так и у патриотов, постмодернист византийского разлива.

«России-1» номинально противостоит «Россия-2», «Россия оранжевая», со смутным профилем Березовского и яркими повязками НБП, со свитером Ходорковского и «Микки Маусом и Колхозницей» из галереи Гельмана. Это Навальный и «несогласные», замешкавшаяся на пути к кладбищу Галина Алексеева и на пути в психиатрическую клинику Валерия Новодворская. Это «белая ленточка» и призыв к пересмотру выборов, электорат «Яблока» и «Правого дела». Слушатели «Эха Москвы» и читатели New Times.

«Оранжевая Россия», «Россия-2», конечно же, не противоположный полюс путинской России. Ее завязь появилась не в боях и не в идеологических центрах, с ясной волей и четкой ориентацией. Она стала давать о себе знать по мере того, как размывался образ «России-1», преобладающей, официальной. Ее породили и вырастили вечные колебания Кремля, неуверенность в своей правоте, облаченная в форму упрямства, и отсутствие ясной идеи, едва-едва закамуфлированное под «политику прагматизма».

«Россия-2» пока так же неопределенна и так же эфемерна, как «Россия-1», между ними нет оформленных противоречий, по всей линии конфликта они перетекают одна в другую — идет обмен кадрами, тезисами, стратегиями, лозунгами. В «России-1» есть ясно различимый либеральный сегмент, восходящий к Медведеву, Волошину, Чубайсу, вождям масс-медиа, экспертам. Он незаметно для глаз (градиентно) переходит в «оранжизм». Андрей Илларионов, например, побыв советником Путина, оказывается рядом с Каспаровым и Касьяновым (который и сам был путинским премьером). Это общее поле, объединенное сходством взглядов на судьбу России. Те либералы, которые остаются в окружении Путина, могут быть обозначены как «шпионы за Путина», работая на Запад, они предпочитают делать это изнутри системы власти, а не из оппозиции. Но периодически изгоняемые из «России-1», они легко оказываются в «России-2».

С другой стороны, симметричная картина и в патриотическом сегменте. Часть патриотов, прикормленных властью (например, Никита Михалков), сотрудничают с «Россией-1», но другая часть (уличные националисты всех мастей) все яснее смыкаются с «оранжевыми» (Поткин, Демушкин и т. д.). Поэтому и здесь есть непрерывная связь, столь же незаметно переводящая курируемых силовиками национал-provокаторов в опекаемых политтехнологами-диспетчерами беглых олигархов и ЦРУ национал-демократов и расистов (важную функцию здесь играет менеджер Станислав Белковский).

«Россия-1» и «Россия-2» тесно переплетены друг с другом. Накануне 2008 года казалось, что они могут в этот момент столкнуться друг с другом. Но выдвижение прозападного либерала (по имиджу) Медведева отложило конфликт на 4 года. Сегодня же, после позорного провала выборов «Единой Россией», налицо все признаки того, что дело идет именно к нему.

Любопытно было наблюдать эти две России еще 5 лет назад, накануне 2008 года — в их смутной оппозиции, в их неясном противостоянии, в первой волне нервного напряжения, отрывистых жестов и предварительных истерик, обнаруживающих начало нового процесса, которому, скорее всего, суждено стать содержанием ближайшей политической истории России. Сегодня же они проделали большой путь по уже тогда прочерченным траекториям. Давайте внимательнее приглядимся к «России-1» и «России-2».

Фантом-Россия

«Россия-1» — это личная путинская формула. Она была найдена в тот момент, когда предшествующая ей ельцинская Россия подошла вплотную к политическому и личностному кризису верховной власти. Ельцин не мог править психологически, олигархи не могли более продолжать свои усобные войны с использованием всех доступных политических и медийных средств. Одичание в обществе, насильно затягиваемом в западнический либерализм, достигло угрожающего состояния. Путин своим появлением снял основные проблемы. Именно *снял, а не решил*, переводя все процессы в иную плоскость. Корень этих проблем предпутинского периода заключался в *полной противоположности интересов и ментальности нуворишеских компрадорских элит и патриотично настроенных и социально (патерналистски) ориентированных народных масс*.

Путин был приведен к власти консенсусом ельцинской *элиты* — либерал-демократами, олигархами, медиамагнатами, одним словом, «семьей». Но вместе с тем, политическое оформление его прихода было шагом в сторону *широких масс*, ответом на их запрос. В Путине интуицией какого-то политтехнологического гения была распознана точка *тотального компромисса* ельцинского общества — точка, где элиты и массы полностью уравнивали друг друга, место гробового штиля в центре тайфуна. Путин удовлетворял элиты (либерализм, демократия) и массы (патриотизм, сильная рука) *одновременно*. И это одновременное удовлетворение — «когда лев возлег рядом с агнцем» — породило «Россию-1». Все 4 года первого срока общество — кроме крайних маргинальных элементов — наслаждалось эффектом «замирения». Это наслаждение воплотилось в рейтинг. Общество показывало тем самым: «мы предпочитаем, чтобы кнопка паузы оставалась в таком же нажатом положении, противоречия ельцинского периода мы выносить более не в состоянии». С содержательной точки зрения, «Россия-1» — это стоп-кадр, заморозка всех ритмов и энергий, которые бушевали в 90-е, расшатывая страну, терзая людей, сотрясая души. Строго выдерживая правила, сам Путин выступал как осторожный садовник, тщательно перемешивая лабораторный виртуальный патриотизм со стыдливо прикрытым и несколько непоследовательным либеральным реформаторством. В этом стиле правления было что-то скромно-региональное, далеко не имперское, аккуратистское, пунктуальное, интуитивно стремящееся уйти от всего масштабного, радикального, буйного и безумного, от всего собственно российского, русского — «от края до края».

Самое важное: *компромисс не был синтезом* (вряд ли такой синтез вообще возможен),

он ускользал от острых формулировок, заглушевывал все, что выделялось энергией, идеей или настырной волей. Элиты продолжали делать свое черное дело — «пилили», «разводили», «откатывали». Массы же спокойно деградировали, под «Петросяна», поллитру и уютные патриотические трюизмы. Все, что провозглашалось, не выполнялось. А все, что не выполнялось, не замечалось.

Первые проблемы с «Россией-1» начались в 2004-м, ровно посредине 8-летнего цикла первого путинского президентства. Этому было множество причин — внутренних и внешних. Со стороны кажется, что Путину просто перестало везти. Наверное, это так, но почему ровно посредине срока? Если нечто происходит по вполне определенному логичному расписанию, значит, в этом есть какая-то закономерность. С нашей точки зрения, ответ один — *отдохнули*. Отдохнули достаточно для того, чтобы посмотреть вперед и понять, что второй срок уже не может быть подаренными каникулами с отложенными делами. Впереди и вокруг замаячили какие-то тревожащие тени, темные знаки — теракты, катастрофы, монетизация, лицо Ющенко. И вся эта череда совпала по времени с усилением давления на Россию внешнего (американского) фактора, что уж точно является системным, а не случайным — американцы строят мировую империю и делают это за наш счет, ни на мгновение не отступая от графика, что бы мы ни творили. Эпоха стоп-кадра завершилась в момент инаугурации Путина на второй срок и ознаменовалась взрывом Ахмада Кадырова.

Дальше все пошло кувырком. «Россия-1» должна была превращаться во что-то иное, отпуск завершился. Именно в этом 2004 году требовались первые реальные шаги Путина, он должен был предложить обществу *образ будущего* и сделать это с умом и волей. Он должен был определиться, и тем самым — демиургическим жестом — структурировать «Россию-1» через предлагаемый проект. Кого-то он оттолкнул бы, кого-то привлек. Но повестка дня на 2004–2008 годы — а то и дальше — была бы сформирована.

Эта повестка могла бы быть теоретически различной: Путин свободен был выбирать разные приоритеты и даже разные сочетания этих приоритетов, но в любом случае это требовало серьезной работы ума и напряжения суверенной воли. *Но этого в 2004 году не последовало*. Все осталось, как было. Ситуация же изменилась настолько глубоко и качественно, что сдвиг произошел сам собой. Его смысл в том, что отпуск незаметно стал перерастать в хронические прогулы, а заслуженный и необходимый отдых — во вредный саботаж. Перемены в Администрации и Правительстве в 2004-м не затронули сути ситуации, оказались косметикой. А должны были — обязаны были — затронуть. Так и появилась уже нынешняя «Россия-1», сквозь которую — пятно за пятном — стала проступать «Россия-2».

Весь второй срок Путин решал проблему 2008-го. Задача заключалась в том, чтобы сохранить власть и контроль над страной, но не войти в прямую конфронтацию с Западом. Рассматривались разные сценарии. Выбор пал на один из самых провальных. Путин решил поставить вместо себя лояльного ему невыразительного и слабовольного исполнителя, обладавшего «либеральным» имиджем. Отсутствие лидерских качеств и либерализм гарантировали непопулярность у патриотических масс. Либерализм был призван смягчить Запад и затормозить радикализацию «России-2». Чтобы спасти себя и «Россию-1» Путин решил разыграть ситуацию, что «Россия-1» сама по себе, без дополнительного давления извне и изнутри вот-вот превратится в «Россию-2». Медведев останется на второй срок и завершит развал России, пойдя на уступки Западу во всем. Либералы почувствовали возможность реванша. Все поддались, и все обманулись. После объявления осенью 2011 года, что Путин возвращается, маски были сброшены.

Технологически трюк вполне удался. Но время для качественных и содержательных преобразований было упущено окончательно. Разочарование и элит и масс достигло критической точки. 4 года псевдолиберального медведевского морока вывели из себя всех политически активных людей. На этом фоне возвращение Путина никакой радости не вызвало даже у его сторонников. «Россия-1» качественно утратила легитимность. Предпосылки для столкновения с «Россией-2» созрели. В марте 2012-го Путин приходит на 12 лет — строго таким же невнятным и ускользающим, каким он пришел. Ни вашим, ни нашим. И, похоже, это уже никого не вдохновляет. Стратегия «Россия-1» исторически оказалась провалом. Она еще существует и доминирует, но дни ее сочтены.

Оранжевая Россия

Теперь о «России-2». «Оранжевая Россия» в зачатке оформилась в период украинских событий 2004 года. Они стали переломными. Путин в этой ситуации пошел в сторону патриотизма и державной геополитики, причем в нескольких вопросах переступив определенную черту. Это, видимо, была слабая и неуверенная попытка предложить — уже всерьез — патриотическую повестку дня. «Все для России! Все во имя России!» Это почти все бы приняли и по-своему поняли. Это было бы то, что надо... Но вопиюще неадекватный выбор методов, неквалифицированный кадровый корпус, брошенный в Киев, полная политическая беспомощность сразу же показали, что содержательной базы за этим курсом нет и в помине.

В первые 4 года путинского правления, как выяснилось, никто ничего в смысле реальной геополитики постсоветского пространства не готовил, и сложнейшая битва за Украину была доверена первой попавшейся под руку околоремлевской команде циничных «технологов», заведомо способной только к «распилам», «разводкам» и «прокрутке кино». Показательно, что важную роль в этом играли Марат Гельман и Глеб Павловский, явно тяготевшие к либерализму. Конечно, и на сей раз могло пронести, но не пронесло. Это было «чисто конкретное» поражение, наступившее вслед за «чисто конкретным» действием, которое уже нельзя было толковать двойственно. «Чисто конкретное» действие обнаружило содержательную беспомощность «России-1». А «чисто конкретное» поражение создало первую политически осязаемую территорию для формирования альтернативной повестки дня. Есть тезис, есть и антитезис.

Так, в палатках Майдана Незалёжности появилась впервые «Россия-2», окрашенная в оранжевые цвета. Процесс пошел и нацелился на 2008 год. Если удалось в Киеве, то в следующий раз удастся в Москве. Так решили в Вашингтоне, в Лэнгли и (соответственно) в самой российской либеральной оппозиции.

Что такое «Россия-2»? Ничего особенно нового: просто отлежавшаяся на бермудских пляжах и накатавшаяся на лыжне Куршевеля известная нам по 90-м *ельцинская Россия*. Не стоит забывать, в отличие от Украины в России уже была одна «оранжевая революция» — в 1991 году, и ельцинское правление было выкрашено именно в этот цвет. Даже физиогномические дефекты у Ельцина и Ющенко неуловимо похожи — лица каменные, самодовольные, злые и без эмоций. «Оранжевая Россия» — это те же олигархи, изгнанные, посаженные, равноудаленные, припугнутые, но в целом сохранившие резистентность и бодрость духа; это городская космополитическая интеллигенция, которая полностью лишена ответственности и способна только разрушать и осмеивать; это журналисты, с вечно

раздвоенным сознанием внешнего наблюдателя истории без возможности в ней реально участвовать; это правозащитники, либерал-реформаторы, но также и конформистские зубатые чиновники, исполняющие любую волю любого верха, одним словом, это примороженная и оттаивающая все та же разнузданная компрадорская элита и обслуживающая ее пищащая братия — эксперты, пиарщики, технологи.

Элиты начали уходить к «оранжевым», в «Россию-2» от «России-1» строго по графику — пересидев под крылом Путина узкий момент политической истории и утихомилив массы, они ясно осознают, что можно все начинать сначала — силы восстановились и аппетиты подросли. Массы же, напротив, стали отворачиваться от «России-1» по другой логике: их не удовлетворяли более фантомность «России-1», призрачность государства, игровой, несерьезный характер «вертикали». Массам совершенно чужды «оранжевые» по их идеологии, но постепенно энергия доверия стала отводиться и от «России-1».

Прошло еще 4 года бессмыслицы, и настал 2008-й. Уже к этому моменту «Россия-2» была готова для жесткого сценария. Так как всей операцией руководит Вашингтон, то план включал бы синхронную активизацию терроризма на Кавказе, напряженность в ближнем зарубежье и социальные волнения в самой России. Только подними Путин голос о «третьем сроке», и «Россия-2» была бы приведена в боевую готовность и начала бы полноценную сетевую войну.

Путин сделал вид, что открыл ворота Кремля, «России-2» добровольно, в лице Медведева, Дворковича, Юргенса и Гонтмахера. Кстати пришедшийся негр-реформатор Обама провозгласил перезагрузку. В Медведева поверил даже матерый геополитик Бжезинский, поддержавший «модернизацию» (при Медведеве Россию можно было бы не раскалывать, как планировал Бжезинский, она распалась бы сама собой — какая экономия усилий).

Россия-2 в своем радикальном издании несколько притихла, ожидая второго медведевского срока. Кое-кто продолжал бушевать, но больше для остротки.

Осенью 2011-го позиционные маневры прекратились. Все встало на свои места. У «России-2» не осталось никаких других вариантов, кроме как начало войны с «Россией-1». Безобразно организованные властью выборы в Госдуму с огромным количеством нарушений и безудержным вбросом, полный провал бессмысленного правления Дмитрия Медведева, но самое главное, растрата потенциала доверия к Путину со стороны широких масс (а он начал заниматься этим еще в 2004 году, не сделав того, что должен был сделать) создали предпосылки для начала прямых столкновений.

Чего хотят строители «России-2»? Конкретного плана, судя по всему, у них нет. В отличие от Украины, где задача была поставить прозападного политика вместо пророссийского, в самой России эта альтернатива не проходит. Россия — страна, населенная патриотическими массами. Поэтому прозападная элита — которая и так правит — не может открыто заявлять о своих приоритетах, ее массы опрокинут. Этого не могут не понимать заокеанские заказчики всего процесса. Запас доверия к либерализму и демократии массы также исчерпали, и за этими лозунгами их не поведешь. Следовательно, «оранжевые» преследуют отрицательную цель — разрушая «Россию-1», они идут *к чистому разрушению*. Кто-то из них при этом надеется покинуть эту территорию, кто-то — просто отомстить, кто-то — напоследок нажать на цикле распада, кто-то — не очень ясно понимает ситуацию и влеком психологическим настроением больше, нежели расчетом, кто-то — действительно и по убеждению ненавидит «эту» страну. «Россия-2» тщится рассеять призрачную «Россию-1»,

исходя из чисто *отрицательных* побуждений. Позитивной программы нет и не может быть, ведь никто всерьез не может верить в «демократию» и «либерализм» в их классическом выражении применительно к сегодняшней России, и все прекрасно понимают, что за 90-е годы и за первое десятилетие 2000-х их притягательность никак не возросла.

Задача прозрачна: угробить «Россию-1», чтобы угробить *просто Россию* как таковую. Как ни странно, это может в определенном ракурсе даже вдохновить массы: на определенных поворотах своей истории русские вполне способны увлекаться *нигилистическими* культурами, танатофилией и энергиями коллективного суицида. В оранжевом цвете и белых ленточках есть веселое притяжение смерти. И кто знает, *не сделают ли раздраженные массы выбор в пользу откровенной и резкой самоаннигиляции вместо постепенной и завуалированной энтропии?*

«Россия-3» как проект

Здесь можно было бы поставить точку, так как, откровенно говоря, «Россия-1» и «Россия-2» исчерпывают то, что мы имеем на сегодняшний день. Бледный призрак против веселой смерти. Но голос русского духа противится такому жестокому реализму. Каждый народ в любой момент своей национальной истории имеет право на духовное восстание, на пробуждение, на вертикальное, упорное, негибимое стояние. Иногда это становится последним жестом, но лучше умереть реальным существом, чем жить полуреальным призраком. Восстание всегда дело рискованное. Но оно всегда возможно, пока человек есть. И восстание русских против силы рока может произойти, пока есть русские.

Есть — не может не быть — проект «России-3». Это Россия ума и воли, содержания и мощи, энергии и созидания. В этой России элита повенчана с массами под знаком общего предназначения, единой исторической миссии, грандиозной судьбы. Эта Россия — Империя, великий порядок, соответствующий широте наших — пока еще не отнятых и не проданных — земель, высоте наших гор, глубине наших рек. Каждый русский человек чувствует ее в своем сердце, вопреки тому, что мы обыдиотились, «опетросянились», опустили ниже последней черты.

Это Вечная Родина, Абсолютная Родина, святая святых. Эта истинная Россия завещана нам испокон веков, скрыта от глаз, но открыта духу. Мы слышим ее вой, чувствуем ее дым, видим с закрытыми глазами ее лучи.

Кто мог бы делать, защищать, любить, строить, творить эту Третью Россию, «третью имперскую фигуру»? Честно сказать, не знаю... Ума не приложу... Я не вижу во внешнем мире подтверждений ее существования, не различаю ее завязей, не замечаю русских лиц, осененных ее светом... Я вижу лишь ошарашенные автоматы, будто чья-то темная воля наложила на всех нас проклятие. Что бы ни делали сегодня наши люди, они будто брыкаются во сне, бредят, раскидывают руки, комкают простыни... Обрывки фраз, куски слов, мы перестали понимать, о чем говорим, то, что звучит вокруг, похоже, скорее, на лай, шипение, лязг... Но я ни на мгновение не сомневаюсь, что все будет хорошо, и в миг самого черного события нашей истории великий огонь придет нам на помощь. Жар «России-3», ее благословенные крылья, ее железная поступь, ее гулкий зов, ее бесконечные воды...

Пусть это ничейная пока земля, — «Россия-3» — но *она есть*, и она вне бледной немочи «России-1» или оранжевой мерзости «России-2». «Россия-3» — баррикады острых лучей, армия невылупившихся волшебных зародышей, безумное напряжение пробивающейся

из последних бездн бесконечной энергии, момент настоящей вертикальной любви, океан власти... Последнее прикосновение к стремительно остывающему миру трансцендентного перста. Мы ставим знамя всеобщего сбора. Подаем прощальный сигнал. Мы вскроем ваше чрево, и оно рассядется с иудиным позором, и ваша пустота вывалится наружу, и нас никто более не обманет. Вы, коллеги, еще не видели этого. Вот это праздник, скажу я вам! Идти в «Россию-3», когда — по-мармеладовски — «идти больше некуда».

Тактика на сегодня и на завтра

Фактом является то, что за все время, прошедшее с 2004 года, «Россия-3» так и осталась проектом, мечтой, горизонтом. И что мы видим сегодня: «Россия-1», «Единая Россия» во главе с предавшим Ливию Медведевым, а значит, Юргенсом и Гонтмахером, с подлыми выборами, с приглашением радоваться тому позору, который представляет собой растерянная и потерявшая цель существования страна; без надежды и стратегии, без Идеи и цели, зато с развлечениями и технологиями, с Путиным, который, можно сказать, предал тех, кто в него верил. И «Россия-2», возглавляемая радикальными проамериканскими провокаторами, русофобами, олигархи, отстраненные от кормушки и жаждущие мщения, бесноватые либералы, для которых даже этакая беспомощная и невнятная путинская Россия — это «тюрьма народов» и «жестокая диктатура». Защищать «Россию-1» не просто омерзительно, невозможно. Тем более что, глядя на улыбающийся дуэт, складывается впечатление, что ему этого совершенно не нужно и что у него и так все хорошо. Но не идти же к «России-2» с белой похоронной ленточкой или к ультра-националистам-провокаторам, уже потирающим руки от предвкушения очередного витка распада России и от того, как на этом можно будет поживиться.

Мы подошли к той черте, когда без создания «России-3», третьей силы, третьей политико-идеологической платформы, просто дальше невозможно жить. Мы провозгласили в 2005 году «Россию-3». Мы бились за нее все это время. Но в тот период эта необходимость не была достаточно осознанна никем. Все полагали, что найдут свое место в одной из двух России — «России-1» или «России-2». Сегодня последний призыв. Либо мы делаем что-то свое, последовательное, независимое, основанное на *русской державной Идеи и на социальной справедливости*, либо нам просто конец. Не с одной стороны, так с другой.

Цепная реакция легитимности власти

Что сейчас происходит в российской власти? Ясности в этом вопросе нет ни у кого. Ее нет даже на уровне первых лиц государства, у которых с историческим воображением очевидные проблемы. В итоге ситуация перед президентскими выборами 2012 года приобретает совершенно неопределенный характер: непонятно не только то, что ждет нас в будущем, но и то, что же произошло в 2008 году. Снятие Лужкова, противоречия между командами президента и премьера, беспрецедентная по своей тупости медийная травля Лукашенко — все это демонстрирует предельную форму истерики власти. Подобное мы видели в конце 90-х. Но в 2000 году Путин упразднил эту истерику из политической жизни. Дальше власть стала действовать спокойно, последовательно и уверенно.

С такой же уверенностью Путин предложил Медведева, и на такой же уверенной ноте его приняли в стране. Все думали, что правление Медведева — это прямое продолжение путинского курса, однако Медведев со своими выпадами стилистически выпадает из путинского стиля. И дело не только в Лужкове, в международных отношениях — то же самое: сдача позиций по Ирану, сближение с США, разговоры о вступлении России в НАТО совершенно не укладываются в путинский курс. Возникает ощущение, что Медведев двигается куда-то не туда. Поэтому-то сейчас все складывается так, что двенадцатилетняя «путинская уверенность» подвергается самому серьезному испытанию. В этой ситуации, естественно, возникает вопрос: кто такой Медведев? С одной стороны, кажется, что он вообще никто. Его просто поставили постоять на время до 2012 года. Его же никто не знал до Путина. Более того, Путин уходил как молодой, действующий, вменяемый, популярный, легитимный лидер. Это вам не пьяный и умирающий совершенно нелегитимный в глазах народа Ельцин, который поставил вместо себя того, кто спас его семью и позволил умереть в своей постели.

Путин спас страну, и стране стало понятно, почему Ельцин поставил его. Он это сделал для нас и для себя. И все были удовлетворены. Но абсолютно непонятно, почему Путин поставил человека, который не развивает его идеи, а толкает что-то свое, осточертевшее народу за 90-е, да еще в такой карикатурной манере. Все думали, что этот молодой аккуратненький человек постоит до 2012 года, поиграется в iPad, запостит наблюдения в Твиттер и уйдет. Нет же! Так и подмывает спросить самого Путина: «Зачем вы поставили нам этого молодого человека, который по непонятной нам — россиянам и политологам — причине ведет не ваш курс уверенного, спокойного правления и отстаивания национальных интересов, не имея при этом никакой реальной поддержки и легитимности в обществе?» Вопрос более чем актуальный, ибо касается он не столько Медведева, сколько института власти в целом. Происходящее естественным образом вызывает у россиян отчуждение и недоверие к власти. Следует подчеркнуть еще раз: сейчас подвергается испытанию путинская легитимность, а не медведевская — у того ее попросту нет.

Дело осложняется тем, что в руках у Медведева государственная система, и за ним стоит, безусловно, Запад. Президент опирается на ультралибералов, сторонников возвращения 90-х. Последние достаточно активны, а Медведев им потакает и является выразителем их интересов. Здесь нужно кое-что объяснить. Точнее, повторить: Россия была, есть и будет главным фактором мировой политики. Главным именно по законам геополитической модели управления миром. Установление однополярного мира возможно

только путем демонтажа евразийской системы. Неважно, кто правит в Евразии: была бы здесь Монгольская империя, Российская империя, СССР или же здесь будет Союзное Государство. Контроль над heartland'ом — это проблема мирового масштаба. Для Запада чрезвычайно важно расчленив Россию и превратить ее во фрагментированную зону, о чем в свое время открыто писал Бжезинский. Битва ведется за Россию.

Благодаря передаче власти от Ельцина к Путину Россия застыла на краю бездны. Казалось, что при Путине мы начали отходить от этого края. Теперь выясняется, что мы снова над ним висим. И теперь все зависит от того, куда пойдет Россия. Если в глобальном масштабе она будет вести независимую от США политику, то с другими мощными странами и регионами — Китаем, Индией, Бразилией и, возможно даже, объединенной Европой — она может стать мотором многополярного мира, который будет означать конец однополярного мира и конец американской гегемонии. Если же России придется выбыть из этой конфигурации, то тогда многополярный мир не состоится. У американцев хватит средств, ресурсов и методологий, чтобы сдерживать претендующие на полюса многополярного мира остальные регионы. Только Россия способна их замкнуть, сцепить в единое целое.

Ультралибералы, которые группируются вокруг Медведева, выражают собой проамериканский, предательский курс, ориентированный на сдачу позиций и помогающий американцам удержать однополярный мир. Вот что такое курс Медведева.

В свое время мюнхенская речь Путина была воспринята в мире как возвращение России к выполнению своей исторической миссии. Сейчас же мы видим откат России от этих позиций. И одним шагом назад не закончится — будет и второй, и третий. А потом как карточный домик посыпятся все слабые узлы российской государственности — Северный Кавказ, проблема социального расслоения, экономический кризис. Россия в очередной раз входит в полосу турбулентности. Сейчас ее начинает реально трясти. В который уже по счету раз. Однако все, что было до этого, было непростым, может быть, не очень хорошим и слаженным, но было понятным. Сейчас мы утратили эту ясность. Сейчас у нас непонятно, кто с кем враждует.

Путину ставят в заслугу то, что он своей политикой остановил распад России. Эта проблема, к сожалению, не решена. Да, с Чечней вопрос урегулирован. Но то, что происходит в Дагестане и других регионах Северного Кавказа, однозначно указывает, что проблема сепаратизма существует, и почва для него есть. Причем частично мы сами ее создаем. При сохранении курса Путина можно было бы сказать, что это техническая проблема, что она с трудом, но постепенно решается. Но сейчас мы видим обратимость курса Путина. Вместо этого мы видим, что все у нас висит на соплях. Мы видим неприглядную сторону курса Путина, который начал все делать правильно, но бросил где-то посередине, не пройдя точку невозврата. Само наличие Медведева у горнила власти повышает угрозу распада России. Он натуральным образом опасен для страны.

Взять хотя бы конфликт с Белоруссией. У Путина тоже были плохие отношения с Лукашенко, но он оформлял свои разногласия с белорусским лидером, во-первых, не как конфликт личностей, во-вторых, не как конфликт политических личностей, а как противоречия в решении чисто технических задач. Путин всегда в целом сохранял канву российско-белорусского стратегического партнерства и верность идее Союзного Государства. Российские либералы и проамериканские группы влияния в Кремле и при Путине «разводили» Россию и Белоруссию. Но политика Москвы в отношении Минска окончательно приобрела неверное направление и оформилась в нечто чудовищное именно

при Медведеве. Он делает недостойные с точки зрения руководителя страны заявления в адрес Лукашенко. Мы — старшие братья по отношению к нашему белорусскому соседу, и мы должны прощать младшему те его действия, которые нас не устраивают.

Медведев вообще не имеет никакого опыта в международной политике и не преуспевает в его получении. Чего стоят его видеообращения и наивная радость от дурацких технологических гаджетов, которые ему дарят американцы, сразу распознавшие его слабость. Иногда он оформляет свои действия в международной политике таким образом, что результат вызывает смех и презрение. Когда нечто подобное делал Буш, это было не так страшно для Америки, ведь за ним стоял гигантский аппарат интеллектуальной элиты США. Но за Медведевым никто, кроме врагов России, не стоит. То, что делал Медведев, — это реализация ультралиберальных и антинациональных направлений. Когда Путин вернется к власти, ему придется возиться с вновь образовавшимся огромным комом нерешенных и частично вообще нерешаемых проблем, которые многократно умножились со времени его ухода на вторые роли, и которые он бросил по-настоящему разгребать где-то с 2005 года.

Отсутствие легитимности у власти Медведева подвергает серьезному испытанию легитимность курса Путина и все его достижения за время правления. Раньше казалось, что он укрепляет свои позиции, но, укрепив их максимально, он принялся собственноручно их демонтировать. К моменту возвращения Путина страна окажется в состоянии распада, аналогичного ельцинскому, по крайней мере, окружение Медведева, и особенно ИНСОР, работали на это не покладая рук.

Народный фронт без народа

В начале мая 2011 года премьер-министр Владимир Путин объявил о создании Общероссийского народного фронта — коалиции общественных организаций, в рамках которой беспартийные кандидаты смогут по списку «Единой России» пройти на выборы 2011 года в Государственную думу. Однако, что примечательно, на первое же заседание Координационного совета народного фронта пригласили (очевидно, сам Путин) Александра Шохина. Шохин, простите, — это воплощение всего того, что народом не является. Воплощение того, что лишает новую структуру даже намека на легитимность. С таким же успехом можно было пригласить руководство того же ИНСОРа. Или Ельцина, если бы он был жив.

Соответственно, после первого заседания можно просто отложить эту тему. Смысла там будет не больше, чем во всем остальном, что делается нашей властью — то есть его не будет вообще. Фронт будет просто выполнять какие-то политические и технологические функции. Ничего из ряда вон выдающегося. В общем, у нас чем глупее — тем лучше работает. Ну, в принципе все это нормально, я поощряю это, это правильно, я это поддерживаю полностью.

Но при этом надо задуматься, что такое народ. Пусть даже поводом будет Народный фронт. Когда я говорю, что Шохин — это антитеза народа, то это уже в каком-то смысле подводит нас к множеству смыслов, заложенных в понятии «народ». Во-первых, любое понятие определяется через отрицание: оно что-то утверждает, но что-то отрицает. Иначе оно не будет иметь вообще никакого смысла. Оно ограничивает само себя и что-то ставит вне своей границы.

Можно пройтись по различным уровням понятия «народ». Итак, что отрицает народ на первом уровне? Он отрицает другой народ. И это очень важно. Народ является народом перед лицом других народов. То есть мы — россияне, мы жители Российской Федерации, мы — народ в той степени, в которой мы не жители Украины или Франции, Европы или Турции. В этом отношении граница между нами и ними очень конкретно связана с нашим гражданством, нашей государственностью, нашим обществом, нашим языком, нашей культурой. И в значительной степени это формирует нашу идентичность. Таким образом, народ противопоставляется другому народу.

Кому еще противопоставляется народ? Народ противопоставляется элите. Это второе определение. То есть есть элита, есть народ. Народ — это большинство, элита — меньшинство. И нет таких обществ, где элита была бы большинством. Народ — это большинство. Бывает ли такое общество, где большинство живет лучше, чем правящее меньшинство? Не бывает. Соответственно, под народом, под большинством мы имеем в виду людей в худшем состоянии, чем элита. То есть обездоленных, простых, находящихся на оси социальной стратификации на нижнем и среднем плане.

В зависимости от ширины прослойки среднего класса может меняться представление о том, кто является ядром народа, но это всегда низшие страты, всегда большинство. Таким образом, когда мы говорим «народ на втором уровне», мы имеем в виду, что это люди простые, не очень обеспеченные материально, не очень обеспеченные властью, деньгами, престижем и образованием, если перечислять социологические оси. Это нижние страты, или нижние классы общества. Итак, народ — это большинство, противостоящее элите, и народ — это совокупность граждан и жителей определенной территории, противостоящая другим

народам.

Как еще можно определить народ? Народ — это этнос в одном из измерений. В этом контексте народ будет означать нечто составное — народ, состоящий из этнических элементов. И вот эта дробность — целое и части — тоже составляет народ в каком-то определенном понятии. В каком? На сей раз в интеграционном понятии. Он отличается от этноса. Есть этнос — чеченский, аварский, великоросский, калмыцкий, и есть народ — российский народ, который интегрирует эти этносы. На этническом уровне — различия, на уровне народа — объединение. Здесь тоже есть определенная грань. Интегрирующий характер противостоит этнической мозаике, потому что этническая мозаика сама по себе может быть взята как нечто самодостаточное. Народ как интегральный элемент, противостоящий дезинтеграции.

И четвертое определение. Чем отличается народ от населения? Народ — это историческое явление, народ имеет историю. Население занимает данную территорию в конкретный момент истории — вчера, сегодня. А народ — это исторически непрерывное последование, это процесс бытия, который связывает между собой временные моменты и может по-разному относиться к населению.

Народ всегда больше, чем население. Потому что у народа есть мертвые предки, которые соучаствуют в нем, но которых нет в населении — мертвые души, они нигде не описаны. И есть потомки, которые методично ночами зачинаются для того, чтобы создавать, населять народом будущее, будущие века, будущие циклы. Не будь этой работы истории сквозь народ, у нас не было бы ни исторической памяти, ни заботы о будущем. Народ — это историческое явление, противостоящее населению как чисто статистической реальности. Если мы сложим все эти понятия, то мы получим картину многомерного, многоосмысленного народа, который включает в себя: противостояние другим народам, объединение этносов, включение в исторический процесс и противостояние элите как меньшинству, находящемуся в другом поясе от большинства.

Вот это очень конкретное понятие, это концепт, это реальность и историческая, и социальная, и геополитическая, и культурная, и социологическая. И можно измерить это — в общем, это некая математическая конструкция, обладающая философской конструкцией, всеми признаками бытия. Если говорить о Народном фронте, то он должен был бы быть таким. То есть это должен быть фронт большинства против меньшинства элитного, или, по крайней мере, фронт, требующий, чтобы интересы большинства, обездоленных и низших, соблюдались высшими. Ультиматум власти, ультиматум элите. Следуйте за народом — и будете элитой. Поедете в Куршевель, приобретете себе выражение лица Михаила Прохорова, и вы должны быть отправлены на конюшню. С таким лицом человеку в России должно быть опасно даже появляться. Вот в Куршевеле — пожалуйста. Это лицо оскорбительно и антинародно. Шохин — точно такое же лицо. Наша политическая элита ведет себя сплошь и рядом оскорбительно и антинародно, потому что у нас общество не народно, оно выстроено по принципам, не отвечающим интересам народа ни по одному из тех значений, о которых говорилось выше. Поэтому Народный фронт мог бы быть и был бы очень уместен, кем бы он ни был провозглашен, если бы он следовал этим линиям, если бы он был за Россию перед лицом других стран, за объединение этносов перед лицом сепаратизма, за народность обездоленных простых людей против зажавшейся и совершенно антирусской элиты, русофобской, за историю против сиюминутного потребительского общества. Это прекрасная метафизическая, философская, политическая, идеологическая, мировоззренческая

программа. Но, к огромному сожалению, путинский Народный фронт к этому не имеет никакого отношения. Никакого смыслового пересечения с множеством значений народа в этом проекте нет.

Путину логично было бы заняться народным фронтом, а не тем Народным фронтом, которым он занимается. На самом деле значение слов, значение понятий — принципиальное свойство при определении политических процессов. Семантика — вот что движет политическими процессами. Если мы начинаем с самого начала задавать противоречивые смыслы, своего рода коаны: приглашаем на сборище бедняков каких-нибудь зажавшихся буржуа, вручаем материнский капитал холостым мужчинам или приглашаем в народный фронт тысячу воров в законе и общеизвестных коррупционеров как наименее запятнанных людей, — мы девальвируем смысл. Дальше все будет заведомо обращено в тупик.

Пригласив Шохина в Народный фронт, Путин закрыл перспективу народности этого фронта. Все: смысла больше нет. Созданный Путиным Народный фронт не имеет никакого отношения к народу просто потому, что у этого проекта нет никакого смыслового пересечения с народом. А инструмент из «фронта» Путин делает. Как обычно он делает любой инструмент из всего. И это ему служит, и нам всем служит. Путин — молодец.

Тупик Путина

При нынешнем политическом руководстве, при интеллектуальном уровне наших лидеров любая кампания по консолидации, как правило, заканчивается пустыми словами. Потому что совершенно очевидны те границы, которые ни Медведев, ни Путин не смогут преодолеть в силу структуры, организации их сознания и подсознания. Все-таки в нашей истории очень много зависит от роли лидера. Путин выработал, на мой взгляд, весь свой положительный потенциал полностью. То есть он спас страну от разрушения, это его огромная-огромная заслуга, которая останется в истории. Но дальше он идти не может, он не способен, он достиг своих внутренних пределов. И там, где требуется создание нового уровня социальной системы, нового уровня исторического сознания, консолидации общества, обобщающих стратегий — Путин, оказывается, некомпетентен вообще. А его окружение — тем более. Он делает ставку на людей, которые способны справиться исключительно с тактическими задачами, с созданием инструментов.

Путин: разочарование

Когда пришел Владимир Путин, на какое-то время показалось, что 90-е закончились и что наконец-то мы вступаем в новую эпоху. Что отпуск завершен, и начнется работа по возвращению России в историю. Путин и вправду скорректировал многие моменты репрезентации, учел общественное мнение, подретушировал систему, ввел вожделенные массами символы империи, воздал дань прошлому. Тут-то все и должно было начаться. Стартом исторического отрезвления должно было бы стать внятное и честное осуждение России 90-х годов, последовательная и аргументированная критика основ современной российской государственности, как катастрофического явления, нуждающегося в радикальной трансформации, в наделении новым и внятным историческим, социальным, политическим и геополитическим смыслом. Вину надо было назвать виной. Катастрофу — катастрофой. Подонков, которые воспользовались этим, подталкивали это и радовались этому, — подонками. Западную агрессию против России, в частности, расширение НАТО на Восток, — агрессией. И мы слышали от Путина и про величие СССР, и про геополитическую катастрофу, и про десоверинизацию, чуть было не совершившуюся в 90-е, и про недопустимость американской гегемонии (мюнхенская речь). И многие поверили Путину. И подумали, что мы становимся на путь корректировки репрезентации. Что мы вот-вот обратимся к реальной проблематике, к выбору реальных путей дальнейшего развития, вернемся к себе.

Прошло восемь лет, а потом и еще четыре года. И что? Как назвать состояние современной России? Каковы ее элиты? Какова интеллектуальная атмосфера? Какие проблемы мы обсуждаем? Как видим прошлое? А будущее? А настоящее? Корректных слов не находится. Конечно, по сравнению собственно с 90-ми стало несколько свежее. Но по сравнению с тем, что должно было бы быть и с тем, что общество ожидало от Путина, — это, увы, провал. Не новый, не какой-то особенный провал, а просто продолжение старого. Все, что было сделано хорошего, все не доведено до конца, брошено на полпути, превращено в симуляцию, в фарс. Никакой стратегии, никакого курса, никакой внятной постановки вопроса. Элиты 2000-х ничем не лучше элит 90-х, более того — это строго те же самые

люди, корнями уходящие в позднесоветское разложение. Тот же ультралиберализм в экономике. То же угнетенное состояние духа в обществе. Та же ориентация на Запад.

Надежды на Путина обмануты. Особенно обмануты они периодом Медведева. Медведев не плох сам по себе, он вообще никакой. Плохо, что Путин позволяет себе играть в политику за счет интересов страны и общества — как Ельцин играл с Горбачевым. И результатом этой игры стало рождение того уродства, которое мы называем сегодня «Россией», и разрушение настоящей Большой России, СССР/Российской империи. Когда в угоду личным интересам и политическим рокировкам, техническим двух— или трехходовкам все общество обрекают на то, чтобы снова слушать на протяжении 4 лет от лица Президента страны и его одиозного окружения из ИНСОРа дикий постыдный либеральный бред, это плевок всем нам в лицо. И автором этого плевка, увы, являются не поднявшие головы либералы, а... (сами догадайтесь кто).

Попытка предложить обществу идею российского патриотизма

При Путине и его команде, отвечающей за идеолого-стратегический и политический аспекты, любое начинание по консолидации российского общества, транслированию патриотической идеи окончится просто таким бессмысленным хлопком. Это люди краткосрочные, циничные. Прагматически они могут провести какую-то кампанию, но все ее идеи повисают в воздухе, поскольку вынашивают их люди просто-напросто несерьезные. Они эффективные, оперативные, способные чрезвычайно быстро реагировать, но при этом абсолютно неглубоки, некомпетентны, в целом невежественны. Соответственно, никаких долгих стратегических проектов (как, например, повышение уровня патриотического самосознания или создание какой-то национальной стратегии) предложить не могут. Просто они к этому биологически не приспособлены. Вертлявы и юрки, готовы очень оперативно на все откликнуться, но совершенно поверхностны, пусты. И то, что Путин опирается на такие кадры, говорит о том, что он сам плохо понимает серьезность этих задач, не осознает их, не рефлексирует исторически, абсолютно не принимает во внимание метафизические аспекты русской государственности. Мыслит себя менеджером, техником, а технику-менеджеру с идеологией консолидации общества просто не справиться.

Путин эффективен. Те, на кого он делает ставку, тоже на практике достаточно эффективны, но только в течение кратких циклов. Поэтому его возвращение в 2012 году будет, по сути, совершенно не тем, чего ждут от него широкие слои населения. Он, конечно, вернется, но надежд, связанных с его философской, исторической, культурной эволюцией, лучше не питать вовсе. Иначе мы все будем разочарованы. Лучше смотреть правде в глаза: да, был у нас прекрасный лидер, спасший страну в критический период, предотвративший ее распад. Можно даже сказать: да, он великий, с точки зрения отечественной истории, человек. Однако достиг своего тупика и дальше не пойдет. Ни у него самого нет широкого исторического горизонта, ни, тем более, у его окружения — мелких, в сущности, технологов. Никакого стратегического проекта Путин реализовать не способен. Это очень печально, но факт.

В таких условиях, когда Путин не способен преодолеть определенный исторический рубеж, ни о какой патриотической идее говорить, на мой взгляд, не стоит. Общество сейчас глобализируется, становится все более и более сетевым. Происходит атомизация самосознания — в духе как раз модернизации-вестернизации. Соответственно,

традиционные ценности рушатся, ценности государства в таких условиях чрезвычайно трудно отстоять, поскольку это идет вопреки глобальным тенденциям, наращиванию степени космополитизма, стремительной генерации «открытых обществ». Для того, чтобы пойти против этих тенденций и создать особую коллективную, национальную, патриотическую идентичность, Путину явно не хватит ни воли, ни ума.

Не решится из страха оказаться в положении Лукашенко, Ахмадинежада или Чавеса. Ему явно не импонирует роль такого, как они, лидера. И он станет балансировать между требованиями западных стандартов в отношении общества и стремлением слегка «заморозить» Россию, предотвратить или отложить ее распад, стремительное расчленение общества. Вот они — путинские границы. С одной стороны, не приемлет положения, ведущего к концу России. С другой — совершенно точно не обладает теми чертами, свойствами — волевыми, интеллектуальными, историческими, философскими, может быть, даже религиозными, — которые являются необходимыми для того, чтобы по-настоящему предложить серьезный и обоснованный национальный, метафизический проект патриотизма. Поэтому мы, похоже, обречены иметь в ближайшие годы дело с симулякрами, псевдопроектами, краткосрочными и противоречивыми по своей сути пиар-кампаниями. Но всякий раз, когда дело будет доходить до угрозы окончательного распада страны, Путин станет предпринимать оправданные и конкретные политические шаги по спасению суверенитета.

Каков ресурс такого баланса вызовов и ответов, сколько это еще продлится? Думаю, что какой-то исторический запас у нас еще есть. Пока наше технологическое военное отставание не станет настолько необратимым и фатальным, что Америка в разговоре с нами перейдет к новой модели отношений. Когда она выстроит свою систему полной безопасности на случай возможного ответного удара, когда система ПРО, четко направленная на предотвращение угрозы с нашей стороны, будет организована в Европе и на Ближнем Востоке, мы, полагаю, станем свидетелями резкого изменения тона в отношении Путина. Ему будут представлены ультиматумы такого боливийского или афганско-иракского толка. Остается надеяться, что Америка рухнет первой.

Чтобы бросить прямой вызов, чтобы создать по-настоящему непротиворечивую национальную модель, запустить проект консолидации российского общества (под эгидой сохранения собственной цивилизационной идентичности), необходимо нарушить ряд табу, которые для Путина священны, перейти ту грань, которую он перейти не способен.

Нам остаются годы, в течение которых наше стратегическое технологическое отставание еще будет позволять нам хоть как-то сводить концы с концами, не делая решительного выбора ни в сторону окончательного распада, ни в сторону выдвижения альтернативной модели. Вот эти десять лет, может, чуть меньше — это то, что нам осталось от потенциала еще советского этапа, последние годы советского наследства. Путин в общем-то на эти десять лет и нацелен — чуть меньше, чем два президентских срока. К концу этого периода мы придем к закономерному краху российской истории, российской идеи. Это неизбежно, если нынешние тенденции будут продолжены.

Ситуацию может исправить только... возвращение Путина

Россия в очередной раз стоит на грани гибели. Мы неоднократно оказывались на краю бездны в нашей истории, а иногда и падали в эту бездну. Об этом надо говорить прямо и

открыто. В этом нет ничего излишне алармистского. Просто это надо признать как данность. Вот и сегодня мы в очередной раз стоим на краю пропасти. Мы уже скользим туда. А кое-кто нас удачно подталкивает.

В этой ситуации ясно одно — тренд на Запад должен быть отменен. Отменен радикальным образом. Но для этого должна быть воля, решительность, уверенность. Для этого должна быть, если угодно, философская, почти религиозная решимость изменить ход вещей, по крайней мере — для России, а может быть, во всем мире. Но есть ли такая решимость, такое сознание, такая философия, такой вот некий религиозный импульс у Путина, который вскоре может вернуться и занять высший пост в государстве?

Конечно, он не имеет права не приходить. Но он вернется. Потому что если он не вернется, то это будет означать скорую катастрофу. Мы впадем в хаос немедленно. Но об этом как о самом страшном сценарии даже не хочется думать. Ведь когда вы выходите на улицу, вы же не думаете, что вам на голову упадет кирпич, хотя такой вариант вполне возможен. Даже балконы срываются, но мы все же выходим из дома в расчете на то, что балкон не упадет. То есть если Путин не выдвинется в президенты, это будет означать для России катастрофу. В этом случае балкон обрушится нам на голову. Но тогда все. Тогда конец. А потому мы этот вариант даже не рассматриваем. Мы исходим из того, что Путин будет баллотироваться в президенты. Но вопрос в другом. Вот возвращается Путин — и что? Он возвращается в лучшую ситуацию, чем та, которая была, когда он оставил пост президента? Нет, конечно, он возвращается в ситуацию гораздо худшую. И произошло это благодаря либеральному тренду, длившемуся четыре года благодаря ориентации на Запад.

То есть Владимир Владимирович возвращается в ситуацию более запущенную, чем она была в тот момент, когда он уходил. Мы не знаем ничего, что он собирается делать после своего возвращения. Он не дает нам никаких знаков. Он, наверное, как разведчик, что-то скрывает, что-то у него есть в запасе, какие-то планы, намеки. Однако на уровне руководства такой великой страны, как Россия, не иметь стратегический, философский, метафизический, исторический план недопустимо.

Любой здравомыслящий человек понимает, что Путин должен возвращаться, что без него уж никак. Все его ждут. Но как политолог, как человек, который на протяжении вот уже 10 лет активно его поддерживал и продолжает поддерживать, я считаю, что без философского плана в окружении политтехнологов Путину будет сложно справиться с задачами и вызовами, стоящими перед страной.

Путин и Сурков: истинный тандем

Эволюция тандема

Так называемый «тандем» в российской власти, о котором последние несколько лет столько говорилось и писалось, видоизменился — это стало ответом на вызовы данного периода. По крайней мере, накануне возвращения Путина проявились те, кто входит во второй, непубличный, тандем.

Вместе с тем звучат голоса и о «триумvirате» — Путин, Медведев, «Единая Россия». На мой взгляд, ЕР не представляет собой самостоятельной силы. Я бы сказал, что есть дуумvirат — Путин и Сурков. А Медведев — их коллега, друг и единомышленник.

Посвященным людям это было понятно давно, а всем стало понятно после разгрома демократического выбора (изгнание Прохорова из «Правого дела», отставка Кудрина) и сенсационного заявления Дмитрия Анатольевича Медведева о том, что он не будет баллотироваться на второй президентский срок. Ключевыми политтехнологическими процессами в стране ведает Сурков, Путин является главной политической фигурой, а Дмитрий Анатольевич Медведев является их единомышленником, другом и союзником. ЕР не является самостоятельным игроком. На последнем съезде было видно, что делегаты не знали, кого они будут поддерживать, что они будут делать. ЕР — технологический инструмент, которым руководит Владислав Юрьевич Сурков, он и является настоящим лидером этой партии. Он очень грамотно ведет партию от победы к победе. В этом смысле дела обстоят очень хорошо. Если либералы в ближайшее время не поднимут бунт и революцию, если признаются в том, что их проект не прошел, то все будет нормально.

Мы боялись, что Медведев принесет стране вред, если будет слушать Гонтмахера и Юргенса, но они, оказывается, пошли в особом направлении. Медведев поступает по-своему, значит, во всех серьезных вопросах он руководствуется интересами державы. В таком случае противоречий между ним, Путиным и Сурковым нет. Если он возглавит правительство, то будет работать в парадигме патриотизма, укрепления державы, модернизации. Понятно, что либералы пролетают в очередной раз. Им давно пора понять, что «чемодан — вокзал — Лондон» или любая другая страна, которая их примет... Но в России они не нужны. Они здесь лишние, и их взгляды не разделяются населением. А нам предстоят сложные времена, поскольку надо будет решать идеологические вопросы и надо будет реструктурировать эту модель, но только в рамках патриотизма и державности.

Что же касается отставки Алексея Кудрина, которую многие расценили как «удар по Путину», мне кажется, что Кудрин был омерзительным либеральным политиком чубайсовской школы. Если бы не несколько довольно неприятных вещей вроде санкций по Ливии, отсутствия ветирования санкций по Сирии, отказ от поставок С-300 в Иран, то основные модели правления Медведева вполне можно было бы назвать патриотическими. Давайте не забывать, что он выиграл войну, сейчас он поддержал путинский курс и выгнал одиозного, либерального Кудрина. Путин терпел этих людей. Сейчас мы их сдаем в утиль одного за другим. Юргенса, Гонтмахера с Павловским — с одной стороны, Кудрина — с другой. Прекрасно. Идет рокировка, но летят фигуры либералов. До этого из политики был устранен Прохоров. Чем больше либералов выгонят отовсюду, тем лучше.

Всем становится понятно, что либеральный курс ведет страну в тупик. В последние

четыре года начали заигрывать с либералами — будто давали им последний шанс. Если Сванидзе говорил, что в обществе стало чуть легче дышать после попытки имитации либерального реванша, значит, вонь достигла немыслимых размеров. Если таким людям, как Сванидзе, легко дышать, значит, все остальные задыхаются от вони. Это некая обратная пропорция. Из правительства можно выгнать много людей, и это не будет ослаблением Путина, поскольку он продолжает модель чистки либералов одного за другим. Раз в два-три года он выгоняет Касьянова, Волошина, других. Медленно делает, а куда ему спешить — впереди 12 лет. Многие сейчас гадают — каким будет правительство Медведева и не будет ли оно либеральным. Напомню, что у Путина оно состояло из либералов, и у Медведева будет так же, но уже не будет Кудрина, а будет какой-нибудь другой.

Вместе с тем появились предположения, что в таком случае полевует Госдума — для баланса. Но кто ж ей даст? Думой заведует Владислав Юрьевич Сурков, а что ему в голову придет, то и будет в думе. Я не думаю, что ему интересно леветь и что он испытывает энтузиазм, глядя на Геннадия Андреевича Зюганова. Думаю, что никто не испытывает — даже его сторонники. Он не вызывает никаких сильных чувств, кроме зевоты, поэтому «полевение» думы я не прогнозирую.

Несостоявшийся реванш либералов?

Владимир Путин — самый реальный кандидат на пост Президента России. Единственный потенциальный оппонент в лице Дмитрия Медведева по факту отказался от борьбы за высший пост в стране. Это — повод для взвешенного оптимизма, а вообще-то рокировка Медведев — Путин — это колоссальная победа. Все либеральные прозападные силы, которые жаждут реванша, которым очень уютно в России, когда у власти режим вроде горбачевско-ельцинского, делали ставку на второй срок Медведева. Они сгруппировались вокруг Медведева, хотели оказывать на него влияние.

После Ельцина ультралибералы жаждали реванша. Медведев, огласив свое решение не баллотироваться, продемонстрировал свою независимость от либеральных кругов и свою готовность поддержать стратегию Путина. Либералы сегодня буквально воют от горя, как будто им оторвали самую свободолюбивую часть тела. А вот лично для меня после такого поступка Медведев стал гораздо симпатичнее, хотя, впрочем, тут дело не в каких-то персональных антипатиях — дело в его окружении — это сильно смущало. Согласитесь, если у тебя в советниках Юргенс и Гонтмахер, это вызывает некоторый скепсис. Однако два примера из новейшей русской истории — август 2008-го, война с Грузией и вот эта речь на съезде «Единой России» — продемонстрировали, что Медведев способен на решительные поступки. Сегодня лично у меня к Дмитрию Медведеву претензий нет, а то, что произошло, — это победа.

Вместе с тем, несмотря на то что я чрезвычайно рад происходящему, элемент осторожности все же исключать нельзя. Что меня немного смущает — первое: для чего Путину была нужна эта пауза в четыре года? Это явная потеря драгоценного для страны времени. Возможно, правда, таким маневром он ввел в заблуждение и Запад, и доморощенных либералов. Второе: можно было, уйдя с поста президента, продолжать выбранный стратегический курс — рычаги влияния для этого у Путина были. Нужно было не только отрабатывать политтехнологические перспективы своего возвращения, но и стратегию не менять. Для политтехнологий у Путина есть, конечно, Сурков, но Сурков всего

лишь блестящий менеджер — философия, глобальная стратегия — не его дело.

Есть еще момент, омрачающий эйфорию от путинского возвращения, — управлять страной ему предстоит в условиях сильно изменившейся геополитической конъюнктуры. Вторая волна финансового кризиса будет, западные либералы, скорее всего, ополчатся не на шутку. Ведь возвращение Путина — это фактически их поражение, желание отыграться у них будет очень сильным. Значит, возрастают риски, например, вспышек сепаратизма на Северном Кавказе, да и мало ли где, амбиции региональных баронов можно подогреть где угодно.

Так что вряд ли предстоящие двенадцать путинских лет будут благостными и безоблачными. Вот поэтому и возникает вопрос: а способен ли Путин задействовать весь потенциал нации, привлечь тех, для кого Россия — это все? Ограничиться политтехнологическими трюками, как это было до сих пор, уже не удастся. Путин уже исчерпал свой инерциальный запас, от него ждут совершенно новых идей. Ему необходимо искать новые источники легитимации, новых людей. Те люди, которые сегодня окружают Путина, обрыдли всему обществу. Парадокс: свита Путина подорвала надежды либералов, но сумела надоесть и патриотам. Они долгое время питались харизмой своего лидера, но сегодня уже понятно, кто есть кто.

Что же касается Медведева, то его президентство было успешным, потому что продолжалось всего четыре года. Вот второй срок был бы политическим фиаско и для него, и для страны. Окружение Дмитрия Медведева превратило бы второй срок в еще одну либеральную революцию в России. Вовремя уйти — это большое искусство. Второй медведевский срок мог обернуться большим злом и распадом России. Можно сколько угодно иронизировать на предмет инертности россиян, но я не исключаю, что кое-кто мог бы взяться и за оружие, объяви Медведев, что намерен баллотироваться на второй срок.

Потребность в идее

Политическую стратегию можно строить на внятной национальной идее. При этом из четырех президентов России никто так и не удосужился ее сформулировать. По сути, страна, начиная с Горбачева, живет в идеологическом вакууме. Отсутствие национальной идеи в России — это печальный факт, но это факт. Парадоксально, но национальная идея в нашей стране лежит на поверхности. Основой для российской идеологии может быть, к примеру, преобладание целостности над атомарностью, особый исторический путь страны, уникальная, присущая только нам система этических ценностей. Мораль, воплощенная в лозунге, — это и есть национальная идея.

Вот только у нас такая тонкая вещь, как идеология, передана в руки технологов. Я просто вынужден вернуться к Суркову — это идеальный технолог, потрясающий кукловод, Макиавелли своего времени. Но он технолог! А вот идеологию творят люди другого типа... Сурков, с одной стороны — являясь гарантом технологической эффективности Владимира Путина, с другой стороны — является препятствием для создания национальной идеологии. Именно Сурков! Вместо идеологического концепта он всегда предлагает технологический проект, ну просто не может он по-другому. Я с уважением отношусь к Суркову, но поручать ему идеологические проекты — это как каменщика заставить гранить алмазы — он должен отличные казармы строить, а не с бриллиантами возиться.

Это происходит от того, что Владимир Путин недооценивает значение идеи. Он

гениальный прагматик, идеи для него не имеют значения, в отличие, скажем, от американских неоконсерваторов, те-то понимают, какой силой обладают идеи... И это проблема реального тандема, не мифического Путин — Медведев, а реального Путин — Сурков!

В этом тандеме идеология родиться не способна. И мне кажется, что если Владимир Путин будет недооценивать значение идей, то рискует на своем третьем сроке столкнуться с такой идеей, которая окажется непреодолима политическими технологиями. И это будет наш общий проигрыш.

Политическая система, созданная Владиславом Сурковым по заданию Владимира Путина, впервые столкнулась с серьезным испытанием. Последствия этого испытания могут быть роковыми. В краткосрочной перспективе это не столь вероятно — костер, скорее всего, удастся погасить. Но в среднесрочной перспективе (март и что за ним последует) и в ближайшие год-два ситуация, вполне вероятно, рискует стать критической. Это уже не технический сбой, это результат системных ошибок, многоплановой диверсии или просто неспособности Путина и его системы справиться с историческими вызовами.

Что мы имеем на сегодняшний момент? Почти точное повторение ситуации конца 80-х годов. Тогда ситуация была следующей: советская власть контролировала ситуацию, но совершенно не понимала, что ей делать. Все было брошено на решение чисто технических задач. В обществе царили апатия и раздражение. При этом небольшая, но внутренне консолидированная группа «либеральной интеллигенции», ориентированной на Запад («малый народ»), была мобилизована на свержение системы и разрушение государства (процессом управляли из-за рубежа). Безмолвствующий народ совершенно не хотел разрушений (голосовал за СССР в марте 1991-го), но существующим положением был недоволен и защищать статус-кво не собирался. Репрессивный аппарат был на стороне власти, историческая инициатива — на стороне бунтующих западников.

Во что это вылилось в 1991 году? В крах СССР, создание антисоциальной и несправедливой олигархической капиталистической системы, в начавшийся распад России, в слом социализма и безумие 90-х, в торжество компрадорской буржуазии и русофобствующих элит. «Эхо Москвы» и его идеология утвердились у власти.

Путин в 1999 году заморозил ситуацию — но не изменил на противоположную. Вначале казалось, что он выжидает удобного момента. Потом — что он теряет время. Теперь кажется, что он просто не понимает того, что происходит. Или жестко дезинформируется своим окружением. Он стремительно утрачивает легитимность своего правления при сохранении контроля над легальными процедурами и процессами. В глазах народа он постепенно утратил набор позитивных отличительных признаков. Запад и отчасти либералов ему ввести в заблуждение удалось, но к народу он отнесся как к бессмысленной материальной массе, вообще сбросил со счетов. Это был просчет.

Операция с Дмитрием Медведевым предназначалась только на экспорт: США видят, что во главе стоит «либерал» и ослабляют давление на Россию, ожидая, что на следующем сроке этот «либерал» сам развалит страну. В то же верит и ультралиберальная оппозиция, гипнотизируемая проектами ИНСОРа. Все это удастся, и Путин организует свое легальное возвращение, которое Западу остается только признать. Но...

При этом сложные манипуляции с либералами и Западом вообще оставляют без внимания народ. Его приравнивали к нулю. Он, конечно, давал для этого основания. Но этого делать было нельзя. Фиктивные соцопросы проплаченных прокремлевских служб вводили в заблуждение не только массы, но и самих руководителей. Макиавелли предупреждал, что самое опасное для правителя — поверить в собственную ложь. Технологический успех Путина стал его историческим провалом. Отныне в лучшем случае его будут терпеть.

Что Путин не сделал? Во-первых, он не выдвинул Идеи для общества. Только технологии. Поэтому и политику в стране поручили делать технологам и пиарщикам. Они с

этим справлялись, но большее не в их силах, под Идею должны быть иные кадры и иные структуры. Путин отмахивался от этого 12 лет. Фатальный просчет с его стороны: тот правитель, который недооценивает силу идей, обречен. Под идею можно было бы списать все, что угодно. Или почти все. Без нее он сам как личность оказывается крайним. Со всеми вытекающими. Личная тирания в наше время (да и не только в наше) чрезвычайно опасна.

Второе. Путин не разработал стратегии. Он отвечает только на сиюминутные вызовы. У него нет взгляда в будущее России. Он плохо понимает существующий сегодня мир. Этот мир очень коварный, сложный, динамичный и агрессивный. Чтобы корректно двигаться в нем, необходимо его пристально и глубоко изучать. Не понимая время, не осмысляя его, невозможно наметить вектора будущего. Его и нет — ни у элиты, ни у масс. Поэтому страна движется как попало, куда занесет.

Третье. Путин за 12 лет не ударил палец о палец, чтобы осуществить реальную ротацию элит. Правящая элита сформировалась в 90-е и остается носителем той же разрушительной и «приватизаторской» миссии: отсюда лавина коррупции. Путин не создал «новых людей», лишь привел дополнительную группу действовать в прежних условиях и по старым правилам.

Четвертое. Путин не создал инструментов эффективной внешней политики, способных эффективно противостоять западной гегемонии. Он то заигрывал с Западом, то уклонялся от него, то критиковал в лоб. Без какой бы то ни было системы. Непонятно, говорит ли Россия существующему миропорядку «да» или «нет». Быть может, Путин считал, что такая неясность развязывает ему руки. Возможно, но при этом она же завязывает ему глаза.

Пятое. Путин не дал народу главного: удовлетворения чувства справедливости, ощущения социальной политики и общественной солидарности. Путин боялся прямых апелляций к социализму. Народ от него этого ждал. Не дождался.

Шестое. Путин даже не приступал к серьезному рассмотрению межэтнических проблем и национального вопроса. В этой области все было пущено на самотек. Победив (убедительно) в Чечне и лишив субъекты РФ претензий на суверенитет (это было крупнейшими и реальными заслугами его правления), Путин не сформулировал никакого проекта межэтнического баланса и национальной модели политической организации. Полиэтническая Россия в условиях объективного послабления в передвижении широких масс мигрантов оказалась во взрывоопасной ситуации.

Седьмое. Путин предпочел отделаться от общества масс-медийной политикой низжайшего пошиба. СМИ системно опускают планку культурного уровня, разлагают население, а контроль над политическим вещанием лишь усугубляет это противоречие: для масс транслируется развлекательная программа принудительной идиотизации, а политический дискурс жестко контролируется.

Восьмое. Путин отдал область науки и образования в управление крайне некомпетентным деятелям, которые почти развалили существующую систему, неуклюже пытаясь копировать западные образцы. В результате их экспериментов интеллектуальный потенциал России стремительно деградировал.

И вот таким, во всеоружии этих восьми фатальных ошибок, Путин возвращается. Без идеи, без стратегии, без адекватной элиты, без внятной внешней политики, без социально ориентированной внутренней политики, без модели национальной организации общества, без культуuroобразующей миссии СМИ, в условиях интеллектуальной деградации. И кому он такой нужен?!

Альтернативы нет? Есть: как и в случае с распадом СССР есть путь развала страны, нового витка правления откровенно проамериканской русофобской ультралиберальной элиты, эскалации межэтнических конфликтов, войн и столкновений. И этот путь становится все более вероятным. Это у Путина должен быть созидательный план. Обязан быть. А для его противников и оппонентов достаточно ориентации на хаос. Подтолкни, что падает. А Путин падает.

Кто виноват? Думаю, сам Путин. Он справился с одним историческим вызовом, в начале 2000-х, и не справился с другим. Нерешительность, колебания, выбор неправильных стратегий и никуда не годных кадров. Да, его обманывает его ближайшее окружение, отвечающее за кураторство политических процессов. Но это значит только то, что он хочет быть обманутым, не решается смотреть правде в глаза.

Как спасти ситуацию и кто мог бы это сделать? Пережив 80-е и 90-е, я вижу, с какой фатальной необратимостью развертываются события. Я убежден, что и распад СССР можно было бы предотвратить, и что у системы был запас прочности для постепенной эволюции — и совсем не в ту сторону, куда процесс пошел. Но, как и тогда, я не вижу ни одного признака субъективной готовности власти к осознанию и адекватному действию. Ситуацию могло бы спасти только пробуждение власти. Все остальное ее усугубит и сделает только еще более катастрофической. Если пробуждения не наступит, страну не спасет ничто и никто. Те, кто выступают против Путина, — это смертельные враги России, их успехи не совместимы с нашей жизнью, с существованием страны. Но то, что такие силы подняли голову, снова ответственность самого Путина. И то, что некому по духу и совести его защитить, — тоже его ответственность.

Пробуждение власти — осознание ошибок / исправление ошибок. Реалистичный сценарий? Нет.

Не преувеличиваем ли мы серьезность нынешнего положения дел? Не поддаемся ли мы на пропаганду врагов России? Два ответа: либо да, либо нет. Если да, то мы перестрахаемся, и все равно к этому стоит прислушаться. Ведь мы говорим все это со стороны страны и ее единства и, переживая за ту катастрофу, которая может стать реальностью уже в обозримой перспективе. Тем более, что события конца 80-х — начала 90-х не так далеко от нас. Если нет, то тем более надо отнестись к происходящему со всем вниманием. Запад будет валить Путина и сейчас, и ближе к марту, и потом. Настаивая на своих ошибках, Путин будет облегчать этот процесс своим собственным врагам.

Последнее. Необходимо немедленно приступить к созданию третьей силы. Против взбунтовавшихся ультралибералов и агентурных сетей США, как в непримиримой оппозиции, так и внутри путинской системы (их там не меньше). Но и против тех ошибок Путина, которые принять и оправдать невозможно и которые вполне могут стать для страны приговором. Кроме Путина — Медведева — Суркова и их группировки, Навального — Немцова — Касьянова и их группировки, должна быть третья группировка. За державу, социальную справедливость, культуру, идею, национальную политику, стратегию, радикальную чистку элит и интеллектуальное возрождение.

Ясно, что такая группировка должна создаваться на противоположном от ультралибералов и американской агентуры полюсе. Значит, «оранжевые неонационалисты», опекаемые Березовским, здесь не попутчики. Системные силы парализованы властью, которая транслирует им (точно так же, как в конце 80-х) — мол, «не волнуйтесь, мы контролируем ситуацию». Остается делать ставку на собственные силы.

Путин и его режим не вдохновляют совершенно. Но вдохновляет Россия, народ, идея, горизонт будущего, за которые стоит биться, не щадя сил и жизни. Мы дважды проиграли страну: в 1991 и в 1993-м. Проиграли одним и тем же силам — «эхам Москвы», либералам-западникам, «малому народу», агентуре влияния США. Сейчас эти же силы заходят на третий круг: впереди развал России. Путина они сбросят, под обломками погибнет страна — или, точнее, то, что от нее осталось. Это просто готовящийся реванш несколько потесненных в 90-е годы сил. Путин не добил их, не свернул им шею. Вот они ее и тянут снова.

Путин, которого мы потеряли: критика сверху

Прошло 12 лет с того момента, когда Владимир Путин появился на политическом небосклоне России. Его явление было энигматичным. Никто не мог понять, кто он? Русский патриот и верный сын спецслужб, ловко использующий маску либерала и лишь изредка показывающий настоящее лицо (точнее железный лик), или, напротив, либерал и западник, тонко маскирующийся под силовика и державника, но в критический момент всегда сбрасывающий напряжение в отношениях с Западом и подающий им сигнал — «я свой!» Это было не понятно вначале. Но и за 12 лет большей ясности не стало.

Показательно, что первые тексты, которые я написал о Путине 12 лет назад — о тех деяниях, которые он свершил сразу после своего прихода к власти, и о тех, которые ему предстоит еще совершить, сегодня выглядят как только что созданные, свежие и актуальные. Мы анализировали и гадали тогда, предупреждали и опасались. Мы анализируем и гадаем теперь, предупреждаем и опасаемся. Как будто вообще ничего не происходило все это время. Путин по-прежнему непонятен, уклончив, противоречив, загадочен. За 12 лет ясности в отношении него не прибавилось ни на йоту. Вот это выдержка!

Когда он пришел к власти, он сделал резкий рывок, который стал отличительной чертой эпохи Путина от эпохи Горбачева и Ельцина. Курс он изменил резко, остро и ровно на 90 градусов. Наполовину он сохранил то, что было, а наполовину все поменял. Сохранил капитализм, либерализм, ориентацию на Запад (а также остальные прелести 90-х: олигархат, коррупцию, цинизм компрадорской элиты, уничтожающие нравственность и народный дух, чудовищные СМИ и т. д.). Но при этом: жестко прекратил распад России, внутриолигархические войны с использованием партий и национальных телеканалов, фронду провинций и губернаторов, чеченскую войну (которую выиграл), суверенистские амбиции национальных республик. После такого начала, казалось, что не за горами и остальные 90 градусов, и что Путин столь же быстро войдет в полный резонанс с тем, чего от него ожидали патриоты и консерваторы, начнет строить империю, интегрировать постсоветское пространство, возьмет на вооружение евразийскую идеологию, восстановит позиции религии и традиции, примется за возрождение культуры, образования духа, ценностей и нравов... Но не тут-то было.

Сделав очень резкий вираж под прямым углом к 90-м, Путин столь же резко остановил движение. На 90 градусов от прежнего курса отклонились, но *ни градусом дальше*. Впрочем, как и *ни градусом назад*. Формула найдена: «либерализм + патриотизм», и пусть разорвутся от нетерпения все те, кто хотел бы отклонить эту стрелку путинизма в ту или иную сторону. Вам ничего не светит, жестко было сказано тем, кто хотел бы вернуться в 90-е. Если и сделаем вид, что собираемся уступить в этом направлении, то в следующий момент станет понятно, что это игра, и стрелка курса указывает туда же, куда и указывала. Даже в эпоху Медведева, которая стремительно уходит в прошлое, уступки либерализму и надежды ИНСОРа и иже с ними были чистой видимостью, позволили поговорить, но ничего реального. После возвращения Путина «норгенсам» и «гонтмахерам» осталось только раствориться. Но не лучше обстояло дело и с патриотическими кругами. И им было строго велено разговаривать с самими собой или лучше с зеркалом. Предлагалось либо удовольствоваться тем, что есть, либо идти вон. И снова ни шагу в этом направлении за все 12 лет. Наивно мы ждали, что Путин продолжит в том же ритме двигаться в сторону

последовательной и законченной евразийско-патриотической позиции. Слова были, жесты были, реальности не было.

Путин так и не совершил за 12 лет того 7-го подвига, который мы определили как доведение первых шести подвигов до логического конца, до точки необратимости. Вопреки нашим прогнозам он умудрился удержаться на лезвии немыслимо долго, смог притянуть за уши две взаимоисключающие позиции — патриотизм и либерализм, вопреки стенаниям, ворчанию и даже воплям как патриотов, так и либералов. Он сделал это и заставил общество принять и признать именно *такого* Путина как цельное явление. В таком качестве он и возвращается. Неразгаданный сфинкс. Крайние либералы видят в нем «диктатора». Это неправда. Путин предпочитает действовать мягко, а к силе прибегает в крайних случаях. Он не любит насилия и, видимо, не осознает своего права прибегать к нему кроме как в крайних обстоятельствах, затрагивающих напрямую интересы Государства.

Крайние патриоты видят в нем «агента влияния Запада», «ставленника олигархии» и «мировой закулисы». Это неправда. Путина Запад ненавидит, так как он представляет собой реальную угрозу глобальной доминации американской империи. Запад дорого бы заплатил (и платит), чтобы его не было. Но он есть. И с этим приходится считаться.

Итак, Путина можно критиковать и с либеральной, и с патриотической сторон, как справа, так и слева. Можно еще недовольно бурчать, что все не так, — это будет критика снизу. Совершенно очевидно, что на Путина это не действует. Он просто этого не слышит.

Что же нам остается накануне его возвращения на солидный срок? Можно принять его таким, как он есть, и согласиться на тот компромисс, который он в себе воплощает (в конце концов, это не самое худшее, и от самого худшего он всякий раз последовательно уклоняется). Так, видимо, определенный и более или менее значительный процент населения и считает. Путин — органическая, почти природная черта нашей жизни — как смена сезонов. Он уходит и возвращается так же неизбежно, как осень. Иногда тянет и путает, но неумолимое время снова и снова заставляет облетать с деревьев листву и превращает загородные тропинки в расплавленную липкую грязь. И все-таки что-то в этом не так... Что-то в нем начинает нас всех не на шутку раздражать. Все бы вроде ничего, но вот чего-то не хватает...

Думаю, все согласятся: возвращение Путина большого энтузиазма не вызывает. Вроде все приходит в фокус, это облегчение. Да, верно. Все встает на свои места. Но все-таки радоваться нечему. Интересно почему? Во-первых, и это лежит на поверхности, российское общество совершенно не оценило карточные пассы с Медведевым. Понятно, что это был тактический ход. Но он как-то не пришелся. Наверное, технологически он удался, а осадок неприятный. Как будто ребенка успешно обманул взрослый дядька. Если и необходимо было что-то в этом роде, то уж как-то слишком безобразно было исполнено... Не по-людски.

Ясно, что к российскому народу и обществу все это четырехлетнее междуцарствие обращалось в последнюю очередь. Спектакль разыгрывался для западных зрителей. Но это тоже можно оправдать: если массы позволяют делать с ними что угодно, то власть постепенно так и начинает действовать — то есть не обращать на них внимания. Так легко с Западом не поступишь, он не массы. Вот ему-то весь маскарад и предназначался. Понять можно. Даже оправдать можно. Но на душе немного противно от этого. Тандем вышел каким-то неудачным. И таким остается. От него у возвращающегося Путина на пиджаке образовалось несмываемое пятно Роршаха.

К этому стоит добавить социальную, культурную атмосферу и стихию

информационного пространства. Вот тут Путин явно все поручил кому-то еще, не досмотрел, и все пошло вразнос. Он и его окружение телевизор не смотрит, в театр не ходит, не до этого. Если бы включили, то, наверное, не поверили бы своим глазам. Общество красочно и принарядно, бесстыдно гниет. А те, кто стоят во главе социокультурных процессов не только не мешают этому, но получают видимое наслаждение и прищипывают. Нормативным типом стали перверты, ворье, аферисты и проститутки всех полов, профессий и родов войск. Нравы пали. Искусства нет. Наука рухнула. Образование в руинах. Социальная сфера сползает в ад. Путину, конечно, не до этого. Понять можно, но неужели вокруг нет никого, кому до этого?

Однако все эти реальные провалы немедленно испаряются, как только их берет на щит либеральная прозападная оппозиция, сторонники возвращения в 90-е. Если Путина в чем-то упрекают люди типа Каспарова, Касьянова или Немцова, это автоматически перестает иметь значение, так как Запад, действующий сквозь своих подставных марионеток, ставит через них задачу, не совместимую с жизнью страны. И если им что-то не нравится, значит, это «прекрасно». Чудовищная логика! Стремясь не допустить внешнего управления страной и цветных революций, мы вынуждены оправдывать целый веер непристойных, отвратительных явлений, накрепко приклеенных к правлению Путина. Я намеренно не упоминаю слова «коррупция», потому что его постоянно используют либералы. Будем считать, что ее поэтому нет. Но все остальное-то возмущает ничуть не меньше... Но вот стоит нам возмутиться как следует, как раздается вежливый звонок из американского посольства: «Мы понимаем ваше справедливое негодование, my dear professor...» И мы снова встаем горой за Ксению Собчак, Романа Абрамовича, Тину Канделаки и циничных кремлевских политтехнологов. При полной организационной беспомощности и умственном вырождении патриотической оппозиции, любой антипутинский протест будет автоматически капитализирован именно либералами-западниками. Так что антипутинизм справа — тупик.

Но если все же мы не можем справиться с нарастающим гневом, с удушающим разочарованием, с обманутыми надеждами, с тревогой за судьбу страны, которая нам дорога... Если мы остро чувствуем, что теряем Путина, а вместе с этим что теряем время, теряем ритм, годы жизни, силы и надежды в этом нездоровом и коснеющем в своем нездоровье безрадостном современном российском обществе — без цели, стратегии, пути, плана, ценностей, идеи, без горизонта и истории... Если нам более невыносима эта идиотская формула «патриотизм+либерализм», к которой Путин пристал как теленок к материнскому вымени и считает, что она его будет выручать снова и снова... Что же нам в таком случае делать?

Остается одно: *критика сверху*. Ни справа, ни слева, ни снизу. Что это такое? Почему сверху? Что может находиться выше Путина, который является и формально и неформально вершиной властной пирамиды? Само понятие суверенности означает, что над носителем суверенитета нет никакой более высокой инстанции. В этом и смысл. Так что же может стоять выше Путина, если все (в России) стоит под ним, либо справа или слева от него?

Сверху стоит Идея. Сам Путин скорее всего в Идею не верит, а верит в вещи и в технологии. Это его дело. В конце концов, правители бывают разные. Не верят в Идею даже некоторые философы, что уж говорить о правителях. Но идеи есть, и именно они движут миром, историей, обществом, человечеством. Если кто-то отказывается от встречи с Идеей, от интенсивной и опасной стихии мышления, за него будут думать другие, которые от идей не отмахиваются. Даже американские неоконсерваторы признают: «идеи имеют значение».

Они в данном случае правы. Так вот: критика Путина сверху есть критика его действий и его стратегий с точки зрения Идеи.

Сразу требуется определить: какой Идеи? Идеи бывают разными — есть либеральная, глобалистская, западная идея, есть марксистская, социалистическая. Это мы оставляем их носителям. Для нас Идея-правительница — это Русская Идея, Идея Великой России, исторически уходящая в глубь веков и стремящаяся к полному и ясному воплощению в будущем. Эта Идея имеет множество аспектов — культурный, геополитический, ценностный, социальный, политический, религиозный, психологический, этический, антропологический, этнологический и т. д. Но при всем многообразии и неисчерпаемом изобилии смыслов и аспектов Русская Идея представляет собой нечто целое и единое, нечто органичное. И это целое, пусть очень приблизительно, интуитивно, отдаленно, смутно, но ощущает и воспринимает каждый русский человек. Быть русским — это значит быть сопричастным к Русской Идее. Любым образом — подчас самым неожиданным, парадоксальным, диалектическим, не прямым.

Итак, как Путин соотносится с Русской Идеей? Нет никаких сомнений, что одной стороной он с ней сопряжен, ее так или иначе учитывает, с ней соотносится. Путину не безразлична Россия как государство. Вот это очевидно. Интуитивно, а может быть сознательно, Государство видится Путину как ценность. Свобода, независимость и суверенитет Государства составляют его мировоззренческий фундамент. Следовательно, за этими вопросами Путин следит и на них обращает внимание. Казалось бы, это должно быть естественной характеристикой каждого русского человека, а тем более человека государственного. Однако на практике все не так. В 80-е и 90-е мы видели таких «государственных мужей», которые, не задумываясь, принимали урезание русской державы почти вдвое, более того, подталкивали к нему, радовались падению нашего мирового могущества и ничего не имели против дальнейшего сокращения наших территорий и, к примеру, отделения Кавказа. Если бы мы соотнесли Горбачева и Ельцина с Русской Идеей, они немедленно сгорели бы заживо. Путин не таков. Первичную проверку он выдерживает. И это интуитивно считывает все российское общество. А если бы даже и не считывало, действия Путина в первый период его президентства недвусмысленно показывают: он не колебался ни минуты в том, нужен ли Кавказ России, он выиграл вторую чеченскую войну, он остановил фронду регионов, он отменил, в конце концов, выборность глав субъектов Федерации и, соответственно, национальных республик, убрал из конституций этих субъектов любые упоминания о суверенитете и многое в таком же духе. В этом не просто заслуга Путина, в этом выражение определенной части его идентичности. Тут он проходит испытание Русской Идеей, и недвусмысленно оказывается *на ее стороне*. В этом и только в этом причина того, что он был и остается единственным политическим деятелем в современной России, наделенным существенным процентом доверия. В этом смысле он *русский человек в Кремле* (и, кстати, никакой не немец, каким его назвал Александр Рар).

Пройдя данный тест, мы подходим к следующему слою Русской Идеи. Государство имеет форму и содержание. Независимость, свобода, целостность и суверенитет — это свойства формы. Здесь у Путина все в порядке и критика сверху отклонена. Теперь перейдем к содержанию. Здесь начинаются проблемы. Либеральное отношение к Государству, свойственное Новому времени, вообще отказывает ему в самой возможности обладать каким бы то ни было содержанием. Это просто «ночной сторож», «меньшее из зол», продукт «социального договора», служащий для того, чтобы «люди не поубивали бы друг друга» (Т.

Гоббс и его Левиафан). Иными словами, эпоха Модерна ограничивается формальной стороной и отказывается говорить о смысле и цели Государства, о его миссии. Соответствует ли это в Русской Идее? Категорически нет. Русские всегда на протяжении всей своей истории понимали Государство как сакральную ценность, как вместилище духовного смысла. В течение многих веков идеалом было православное царство, а в XX веке всемирная коммунистическая идея. Но всегда при всех обстоятельствах Россия мыслилась как Государство, наделенное высшим значением и призванием. Оно имело особое русское содержание, отличавшее его от всех иных окружающих государств.

Что мы видим в случае Путина? Есть ли признаки резонанса с этой сакральной стороной русской державности? Нет. Даже в отдаленном приближении. Концепт государственности у Путина совершенно европейский и полностью соответствует принципу государства-нации (Etat-Nation). Совершенно очевидно, что для Путина имеют значение только формальные стороны Государства; всего остального он либо не знает вообще, либо не придает значения. Государство для него технический конструкт. Главным формальным признаком Государства является суверенность. Очень хорошо, Путин готов ее отстаивать. Но то, что у России должна быть какая-то миссия, какая-то цель, отличная от чисто технической эффективности, адекватного менеджмента и ловкого лавирования среди опасных сил в стихии международных отношений и геополитических вызовов, ему явно не близко. Думаю, он просто не понимает, о чем здесь вообще идет речь. Об этом свидетельствуют его публичные выступления, подбор кадров в сфере политики и идеологии, а также характер международной деятельности. Везде мы видим только одно — технологи, прагматики, практики. Вот это как раз совершенно не по-русски, а скорее, по-европейски.

Можно было бы, справедливости ради, заметить, что и этот прагматический подход в духе реалистской теории международных отношений у Путина не только не имеет системной основы, но и просто остается несформулированным. Никаких рациональных моделей для вычисления национальных интересов, никакого стройного и взаимосвязанного понимания функционирования геополитических сил в мире у путинской политической управленческой элиты нет и в помине. Каждый в области отстаивания государственных интересов руководствуется своими индивидуальными представлениями или вышестоящими указами, в которых подчас логика полностью отсутствует. Реализм предполагает расчет. Вместо него Путин полагается на смекалку и изобретательность — свою собственную или ближайшего окружения. То есть нет не только представления о миссии, но и системной рационализации в определении национальных интересов. Вот этот интуитивизм и адаптивная ловкость — вполне русские черты, они помогают компенсировать отсутствие системного подхода. Но только до поры до времени. И к Идее никакого отношения не имеют.

Осознает ли Путин изъян своего правления? Снова нет. Ни в коем случае. Вся его кадровая политика строится на убежденности, что высшие государственные посты и так занимают наиболее адекватные для этого люди, и Путин готов на этом настаивать — причем жестоко. В чем же их адекватность? Ведь они отчуждены от русского смысла, от какой бы то ни было миссии, да еще и с рациональным исчислением национальных интересов большие проблемы (сплошь и рядом их путают с личными — кстати, признак полной дисквалификации для любого политика реалистской школы). Они не вдохновлены никаким идеалом, и с рациональностью и чистотой нравов у них проблемы. Путин может терпеть все это только по одной причине. По причине того, что сам от них недалеко ушел. Поэтому-то

он и не видит в этом катастрофы. Лояльность искупает все. Тревожная черта. Может, и русская, но снова весьма удаленная от Идеи.

Когда мы переходим к обществу, то и здесь наблюдаются проблемы. Путин видит в народе лишь покорную массу. Если бы он видел в нем что-то другое, он вел бы с ним хотя бы какой-то диалог. Он же упорствует в монологе. Народ, со своей стороны, безмолвствует и мычит. Элиты расшифровывают это как согласие. Отчасти так поступать естественно: при желании молчаливое мычание можно принять за «да», но можно и за что-то другое — у кого на что хватит фантазии. Если признать, что все-таки это народ как нечто качественное, то к его молчанию/мычанию стоило бы прислушаться чутко. Если же это лишь инертная масса, то это излишне, с ней поступают по-другому. Как? Посмотрите вокруг... вот как. К массе Путин подходит так же, как менеджер, механически. Кое-что исправляется, кое-что подавляется, кое-что удовлетворяется. Без обид, но и без какого бы то ни было внутреннего внимания. Можно ли чего-то еще хотеть от власти? Да, нет, наверное, нет. Бывает хуже... Но постепенно эта прохлада в отношении масс начинает переживаться как обида. Сами массы, даже если они на самом деле только массы и больше ничего, хотели бы считаться народом. Может, им наплевать на Идею, и они погружены в быт с головой и глубже, но лучи Идеи они хотели бы созерцать — пусть преломленными толщами мутной воды повседневности. Путин в этом им отказывает либо сквозь зубы бросает что-то, во что сам не верит, и что пишут на коленке циничные спичрайтеры на бюджете.

Культура, информационная политика, наука, образование, социальная сфера... Что думает Путин о русском обществе? Как оценивает его состояние? Это легко понять из телевизионных программ, где пул циничных первертов зловеще и глупо смеется телезрителям в лицо, сталкивая все ниже и ниже в зловонную яму вырождения, идиотии, индивидуализма, демонической заикленности на мелочах. Телевидение — это мобилизованная армия борьбы с Идеей. Любое осмысленное высказывание немедленно подвергается осмеянию, часто цензуре, заливадается морем бессмыслицы. В таком телевидении во всех смыслах нет ничего русского — это агония того, что некогда было культурой. Здесь всем помогут спуститься на несколько ступеней, а желание подняться вверх неминуемо встретится с хохотом или неприкрытой агрессией. И это длится год, другой, третий, десятый, двенадцатый... И это будет снова и снова. Путина это не трогает. Массы смотрят, объясняют ему руководители СМИ. Путин кивает, пусть смотрят.

Теперь о политике. Вот чего-чего, а политику Путин не любит совершенно. Ему представляется, что эти орудия и трясущиеся мужики в пиджаках все время хотят от него чего-то получить, а делать ничего не умеют и не хотят. Это вызывает брезгливость и досаду. Но отменить этот кошмар невозможно, Запад будет против, а Запад это серьезно (для Путина это пожалуй, единственно, что по-настоящему имеет значение). Значит, надо политику оставить, но содержания лишиться. Самые передовые мишени здесь либералы. За годы путинского правления их превратили в чучело, которое постоянно перетряхивают и набивают новой подгнившей ватой. «Правое дело», «Яблоко» и т. д. Провал за провалом. Патриоты радуются. Но на самом деле зря. С ними самими те же путинские мастера технологий производят строго то же самое. Соберут-распустят, соберут-распустят, потом вообще отменят, потом приподнимут плиту — живы? Да, вроде живы, и радостно снова опустят на голову... Фланги измотаны, центр торжествует. Какой? Формальный. Такой, чтобы в нем и духа никакой политики не было. Чуть кто о консерватизме, его тут же модернизацией. Кто за модернизацию, одергивают, про консерватизм забыл! Наши люди и

так думать не любят, а тут их еще коанами атакуют: «встретишь Будду, убей Будду», «модернизация — это консерватизм», а «консерватизм — модернизация». Короткое замыкание, и человек в пиджаке мягко опускается на скамью. «Вместе победим!» Но с кем вместе и кого победим, не пояснено. И так по всем направлениям, во всех секторах жизни, на всех этажах общества. Катастрофа? Нет, не катастрофа. Но нечто отталкивающее.

Каков же результат нашего анализа власти с позиций Русской Идеи? Потеряли ли мы Путина, в которого верили? С которым надеялись вернуть Россию в историю, интегрировать большое евразийское пространство, заложить основы будущего исторического становления? Что же случилось с *человеком судьбы*, который в критический для страны момент спас Россию, остановив ее на отвесном краю обрыва? Чтобы сделать такое, надо было быть героем. И никем больше. Может быть, его просто подменили и это уже совсем другой человек? Снова загадка. Этого человека сопровождают одни загадки.

Одно ясно: в Путине есть резонанс с Русской Идеей, он относится к сфере государственной формы. На фоне предыдущих правителей это реальная, настоящая, недвусмысленная ценность. В критической ситуации именно это стало решающим и придало Путину реальную легитимность. После этого включились технологии. И это вошло с Русской Идеей в *диссонанс*. Неважно, эффективны эти технологии или нет, это предмет отдельного рассмотрения. Важно, что этот курс пошел *против* Русской Идеи, против русской истории, против русского смысла, против русского общества, против народа как органической духовной и культурной цельности. И это очень серьезно.

Через год-другой после прихода Путина к власти в начале 2000-х еще можно было надеяться, что у него просто связаны руки, что он все еще в плену определенных обязательств, что он не свободен. 12 лет суверенного правления достаточно, чтобы с этой надеждой расстаться. Нет, дело не в этом, дело в нем самом. И нет ни одного знака, что он возвращается с какой-то новой тайной повесткой дня, настоящей и решающей, которая бы на сей раз соответствовала Русской Идеи полностью. Надо со всей ответственностью признать: так не бывает.

Время ушло. Теперь мы будем пожинать плоды уже того, что нам известно. Граничные условия понятны: Путин не выйдет за черту той формулы, в которую вцепился намертво. Никто не дождется ни либерализма без патриотизма, ни патриотизма без либерализма. Он будет гнать свое. И это по-настоящему.

Будет ли Путин отстаивать и в дальнейшем национальные интересы, суверенитет, державность в таком случае? Убежден, что да. Это — часть его сущности. И кстати, это немало. Сделает ли он хотя бы один решительный шаг к реальному оздоровлению общества, политики, экономики, культуры? Вернет ли народ в историю? Убежден, что нет. Он на это не нацелен и, скорее всего, и не способен. Уступит ли он в таком случае все пространство либералам и западникам? И снова нет. Их надежды будут так же обмануты, как надежды патриотов. Вот с чем мы будем иметь дело в ближайшие годы. Увы или к счастью, акценты расставьте сами.

В данной книге собраны размышления о России, ее власти, ее политике, ее проблемах за последние 12 лет. Перечитывая эти тексты, я с удивлением не вижу в них нарастающего разочарования, увядающей надежды или накапливающегося раздражения. Скорее это непрерывный, хотя и эмоционально заряженный, поток размышлений, философских оценок, легких психологических скетчей. Разрозненные замечания, скрепленные неизменной и болезненной заботой о судьбе Родины, о Великой России, о нашем удивительном и

загадочном народе, который я нечеловечески люблю и за который сердечно переживаю. Волей-неволей эти размышления постоянно переходят на власть и на ее персонификацию — Владимира Владимировича Путина. Надежда и разочарование здесь не сменяют друг друга, а сопутствуют, сосуществуют. Ясно, что мы не можем спокойно наблюдать, как разворачиваются многие болезненные процессы, и хотим подтолкнуть власть, ну что же вы медлите, что же вы смотрите... Хочется форсировать кое-что, подбодрить — подчас вскрикнуть — «Владимир Владимирович, ну уберите Вы наконец эту (или другую) PR-гадину, которая Вас подводит, выставляет шутком и недоумком...» Хотя на это, может быть, и не стоило бы обращать внимание. Анализ постоянно переходит на мир идей, структур, концептов, которые движутся и строятся по иной логике — в холодном умозрительном небе смыслов. Вот это сопоставление земных волнений и отвлеченных ясных сияющих идей — самое важное.

Эта книга не политический памфлет, не апология Путина и не его денонсация. Ницше сказал однажды, после того как Лу Саломе отказала ему в любви: «Если бы я был богом, я бы создал Лу Саломе другой». Если бы я был президентом России, я бы все сделал по-другому. *Иначе*, чем Путин. Что-то я признаю верным. Что-то категорически ошибочным. И, увы, баланс неизменен — ровно наполовину он прав, а наполовину нет. Путин так стоек в защите, даже навязывании своей половинной правоты (равно как и половинной неправоты). Ни шагу в сторону. Я все-таки уверен, что ему это дорого станет. 12 лет — очень большой срок. Он не изменится. И это почти приговор. Не мой. Это приговор Русской Идеи. Говорю наполовину со злорадством, наполовину с сожалением и искренней скорбью. Но никакого будущего для страны я с этим человеком не вижу. Не вижу и прошлого. Он воплощает в себе пустое технологическое настоящее, выносить которое становится все труднее и труднее. И снова: стоит только сравнить Путина с президентами других стран (Запада, конечно), и нас отбросит в другую крайность — равных ему нет, he is simply the best. И это — сущая правда.

Я задумывал опубликовать эту книгу раньше. Материалов хватало. Но всякий раз не мог увидеть финала. Осцилляция вокруг противоестественного компромисса патриотизм/либерализм всякий раз создавала впечатление, что вот-вот, и все прояснится и тогда можно будет точно сказать «да» или «нет». Но есть уравнения, которые не имеют решения, ряды, которые не поддаются интеграции.

Путин есть неопределенность, он есть да/нет, ускользающее мерцание — свет/не-свет. Нет, все-таки свет... О, черт, кажется, погасло. Нет, все-таки светит... и так 12 лет нашей с вами жизни... тянет, но не рвет... какая тоска...

notes

А. Г. Дугин. Заря в сапогах // портал «Арктогея» — <http://www.arctogaia.com/public/zarya.html> — статья о роли бывших сотрудников КГБ в евразийском возрождении России.

Писатель — метафизический реалист — Юрий Витальевич Мамлеев.

Три шага вперед, два шага назад...

Путин В. В. Россия всегда ощущала себя евроазиатской страной // Бета-ПРЕСС — <http://beta-press.ru/article/295>

Дугин А. Г. Консервативная революция // М.: Арктогея, 1994.

Мировоззренческая модель идеолога мондиализма и открытого общества Карла Поппера, автора фундаментального труда, своего рода «библии» либерал-западников «Открытое общество и его враги», фундаментализирующего понятие «гражданское общество».

Аллюзия на песню группы «Культурная революция» “Гулливер”, начинающейся строчкой: «Слева бар “Ливерпуль”, справа бар ”Гулливер”, сделан Санкт-Петербург на английский манер», и венчающейся припевом: «Путин, мочи их, Путин, не лилипутин, но Гулливер».

Аллюзия на песню группы «Культурная революция» «Гулливер», начинающейся словами: «Слева бар “Ливерпуль”, справа бар ”Гулливер”, сделан Санкт-Петербург на английский манер. Без ножа и нун-чак умер Толя Собчак, только чайки кричат, одиноко кричат».

Здесь имеется в виду блок Селезнева — Миронова.

«Бесполезно таращить глаза в этой ночи» (Луи-Фердинанд Селин).

ОНФ — Общероссийский народный фронт — общественная организация, созданная Путиным под выборы 2011-го для консолидации беспартийного большинства вокруг «Единой России».

Интервью газете «Коммерсант», 30 августа 2010 г.

Интервью газете «Коммерсант», 30 августа 2010 г.

Владимир Путин: Критиканам отвечаем: тьфу на вас! // Комсомольская правда. 2006, 2 февраля.

Имеется в виду формула «Православие, самодержавие, народность», — идеологическое обоснование «теории официальной народности», которую провозгласил в 1832 г. ее автор — заместитель министра народного просвещения граф Сергей Семенович Уваров (1786–1855), отвечавший за то, чтобы идейно обеспечить правление Николая I, искореняя декабристское наследие.

Дугин А. Г. Основы геополитики. М.: «Арктогея», 1997.

Дугин А. Г. Философия политики. М.: «Арктогея», 2004.

Парвулеско Ж. Путин и евразийская империя. СПб.: Амфора, 2003.

Дугин А. Г. Конспирология. М.: «Арктогея», 1993.

Что надо понимать под «консерватизмом» в современной России?

Учащийся частной средней школы.

Путин В. В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия, 2011. 3 окт.

Фраза директора ИНСОП Игоря Юргенса, наделавшая много шума.